

18+

СПРЯТАВШИЕСЯ
В ТЕМНОТЕ

Ксения Фадеева

Ксения Фадеева

**Спрятавшиеся в темноте. Том
первый. Блеск и отражения**

«Издательские решения»

Фадеева К. А.

Спрятавшиеся в темноте. Том первый. Блеск и отражения /
К. А. Фадеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-604331-2

Молодая Империя решила начать свой путь с паровых технологий, а магию уничтожить. Но древний магический орден, сожженный в числе первых, не обратился в пепел. Его адептки, верные лишь себе, готовы использовать любые знания, чтобы сохранить жизнь. А вот молодые имперцы, чей хвост прочёл бы и младенец, решили, что похищение принцессы великолепная идея и угодили в самый эпицентр собирающейся бури. Но есть ещё тот, о ком не помнит никто. Тот, кого повергли и предали забвению. Но он умеет ждать.

ISBN 978-5-00-604331-2

© Фадеева К. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	67
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Спрятавшиеся в темноте Том первый. Блеск и отражения Ксения Александровна Фадеева

Оксана Сизова *Редактор*

Полина Корепанова *Дизайнер обложки*

© Ксения Александровна Фадеева, 2023

© Полина Корепанова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-4331-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-4330-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что делает фэнтези-роман хорошим?

Кто-то скажет, что дело тут, конечно, в стройном и захватывающем сюжете, другие, покачают головой, и добавят, что без живых персонажей и в руки томик брать не стоит, ну а профессионалы скромно отметят, что любой текст начинается с первого предложения и именно по нему его безжалостно судят.

Что ж, пожалуй, правыми тут окажутся все ораторы, и не будут возражать, если я отмечу, что книга, сумевшая совместить в себе все вышеперечисленное, действительно достойна того, чтобы ее прочесть.

Будучи многолетним рецензентом книг для журнала «Мир Фантастики», мне довелось насладиться, а иногда и поругать множество фэнтези-новинок, и потому качественные тома я определяю почти сразу, словно ювелир, опытным взглядом отыскавший среди груды кварца, благородный алмаз.

«Спрятавшиеся в Темноте» – достойный дебют автора, способный завлечь даже самого прихотливого читателя. Да, роман изобилует причудливыми терминами, странными расами и обширной географией, но так ведь и начинались все великие циклы – с яркой и манящей только что родившейся вселенной, на литературных просторах которой вот-вот вспыхнет новая сверхновая звезда.

Лилия Чужова

Рецензент «Мира Фантастики»,

Писатель и нарративный дизайнер

Трудные времена рожают сильных людей.

Сильные люди создают хорошие времена.

Хорошие времена рожают слабых людей.

Слабые люди создают трудные времена.

Сократ

Глава 1

Лестор посмотрел в окно. Его отвлёк шум пролетающего дирижабля. «Советник совсем помешался на мерах безопасности», – подумал он и задёрнул шторы. Это, конечно, не могло избавить его от шума, но хотя бы создавало иллюзию уединения.

Лестор был историком, недавно окончившим Академию. Он совершил путешествие по Империи, возглавляемой Нерайбом II, посетил соседние страны, а также побывал в Запретных землях. К слову, Запретными они считались скорее по устоявшейся традиции, нежели по факту. На самом деле империя уже около пятидесяти лет торговала с Запретными землями. Купцы обычно встречались на границе в небольших деревеньках, заселённых мрачными, грубоватыми жителями. Те никогда не произносили названий своих поселений, это у них считалось плохой приметой, потому все остальные называли их просто Терра Инкогнито. Таких Терра Инкогнито было разбросано по границе уже несколько десятков, хотя начиналось всё с одной-единственной деревни. Она являлась наиболее крупным поселением, там даже был удивительный храм всем богам, которые только были известны. Лестор снова окунулся в воспоминания об увиденном. Здание не было величественным, но тем не менее оставляло неизгладимое впечатление: изначально строение, скорее всего, было каменным, позже оно достраивалось деревянными и стеклянными этажами. Оно было похоже на несуразный дом безумного учёного – постоянно что-то в нём рычало, издавало писк, выпускало пар, светилось разными цветами, а иногда самым таинственным образом этажи менялись местами или исчезали вовсе. Лестор думал, что даже настоятель храма не знал всех его тайн. Некоторые стеклянные этажи были настоящими теплицами с редчайшими растениями, и молодого историка, к его великому счастью, допустили к ним. Он их зарисовывал и выспрашивал о полезных свойствах.

Некоторые этажи были посвящены привычным богам, которым поклонялись и в Империи: Рэн Хвостатый, например, занимал три этажа в этом безумном храме, хотя последний и был всего лишь навсего борделем, как того требовала традиция. Был в храме этаж Оленя и отдельный этаж Белки – он, к слову, был засажен кедрами, и Лестор был немало удивлён, увидев, что деревья даже не достают до потолка, настолько он был высок. В храме имелись и этажи экзотических богов Соседних стран, были теплицы-этажи, где по большей части никому не поклонялись, а просили помощи у разных сил при помощи колдовства, которое в Империи не почиталось. А также в храме имелись этажи Запретных божеств, куда имперцев не пускали. Лишь один из них был им доступен. В нём всегда царила тьма, и только посередине этажа находился фонтан, мерцающий в зелёной дымке. Лестор усмехнулся, вспомнив, как Астер призвал Белку и Оленя в помощь, увидев таинственный фонтан. Самого же ученого этот зелёный фонтан несколько не напугал: он сразу же предположил, что, скорее всего, свечение вызвано фосфором.

На долю секунды при воспоминании об Астере хвост Лестора благодарно скрутился спиралью, ведь без него историк никогда бы не попал в Запретные земли. Пусть они всего лишь побывали в городе-порте, который располагался недалеко от границы с Империей, даже это удавалось немногим. Астер, как капитан гвардии, сопровождал посла и захватил с собой историка, здраво рассудив, что вреда никому от этого не будет. Они встретились в трактире в Терра Инкогнито, где и находится безумный храм.

Так путешествие после Академии закончилось для Лестора приятной неожиданностью – мало того, что он побывал в Запретных землях, так еще и приобрёл хорошего друга в лице капитана гвардии. Признаться, последнее для юноши было, возможно, даже важнее новых знаний о Запретных землях. При этих мыслях хвост Лестора трусливо дернулся вниз, но тут же принял привычное положение. Мужчина непроизвольно оглянулся. Он понимал, что никто не мог видеть его хвоста – он был один в комнате, но инстинкты были сильнее; хоть всем свой-

ственные сомнения, Лестору не хотелось, чтобы кто-то увидел его собственные. «Для историка куда важнее знания, нежели отношения с окружающими», – напомнил он себе и снова вернулся к работе, от которой его так некстати отвлек дирижабль.

Лестор блестяще окончил Академию, его сочинение о путешествии после учебы произвело фурор в научном обществе, и его, как подающего большие надежды историка, приняли на работу при дворе самого императора. Его первым серьёзным заданием было исследование описания земель древних хвостов, и главный историк двора намекнул, что позже ему нужно будет сравнить его с кое-чем удивительным и до сих пор не исследованным. Лестор с жаром принялся за работу, практически днюя и ночуя в Башне библиотеки. Он редко выходил оттуда, но иногда всё же приходилось. Как-никак Лестор состоял при дворе императора, и когда тому случалось принимать послов, участвовать в научных симпозиумах или просто заседать на отчётных собраниях научного сообщества Ойокумены историку тоже нужно было являться на них. Не обходилось и без обедов с правителем. Император Нераиб II, как и его отец, почитал учёных, ведь благоденствие Империи основывалось на изобретениях, которые облегчали жизнь имперцев. Взять хотя бы те же дирижабли, или паровые кэбы, для которых не требовались лошади, или затуманенные окна, которые устроены так, что жильцы дома с такими окнами могли управлять погодой внутри, светит ли солнце или же настроение требует унылого дождя – вы можете это устроить, к тому же в такие окна невозможно подглядеть, и невозможно проникнуть в дом, не выведя окно из строя. А это немедленно становится известно операционисту в центре по обслуживанию затуманенных окон. И сразу же к вам мчатся охранники на личноскопах (что-то вроде костюма-вертолёта, предназначенного для одного хвоста). А как продвинулась медицина благодаря мотороорганам, некоторые даже говорили о возможности бессмертия благодаря этому открытию!

Однако Лестор прекрасно понимал, что все эти изобретения доступны далеко не всем имперцам, и тем более не жителям Соседних стран и Запретных земель. Молодой историк, как и все остальные учёные, считал, что его долг – открыть доступ к благам имперской цивилизации остальным народам. Он уважал и даже любил императора, ведь тот разделял эти же воззрения и представлялся юноше великим и благородным хвостовым, за которым стояло будущее.

Лестор был романтиком с хрупкой душой и стеснительным взглядом. Таких при дворе императора в лучшем случае не замечали. Иногда они становились жертвами насмешников и обязательных при любом дворе сплетников и любителей розыгрышей. Тут-то как раз Лестору приходил на помощь капитан гвардии Астериус, или Астер, как его называли друзья. В полной мере своё случайное знакомство с ним Лестор оценил именно при дворе, когда встретил там Астера. Тот тоже ему обрадовался, их дружба крепла и росла. С таким хвостовым никто не хотел иметь дело, и когда о дружбе капитана гвардии и молодого историка стало известно при дворе, его оставили в покое. Произошло это после одного случая с придворной кокеткой. Стеснительный историк сидел на обеде рядом с этой самой кокеткой, и она решила очаровать его смеха ради. Однако Лестор совсем не видел прелести в подобных отношениях, сразу раскусив даму. Лестор считал, что честный хвостов не должен скрывать хвост, и не доверял тем, кто это делал.

Кокетка оскорбилась и стала всячески докучать юноше, пока однажды не столкнулась во дворце с историком и капитаном. Решив, что капитан оценит не только её платье, но и новую шутку о Лесторе, она обратилась к Астеру. Он выслушал её, а после весьма спокойно, не дрогнув хвостом, рассказал весьма интимные подробности жизни дамы, о которых он узнал от своего сослуживца. Это произвело фурор в коридорах дворца, девушка надолго стала предметом сплетен, а Лестора оставили в покое, прекрасно понимая, что за ними, в случае чего, не меньше грешков, чем за вышеупомянутой кокеткой.

Впрочем, кроме неприятного инцидента с дворцовыми прихвостнями, жизнь Лестора ничем не была омрачена. Он выполнял работу, которую любил, и получал за неё золото, кото-

рое отдавал по большей части в оплату своего путешествия (это было привычной практикой – брать деньги в долг на путешествие после Академии, ведь именно там у выпускников была возможность проявить себя и найти потом хорошее место службы).

Лестор погрузился в работу, переворачивая древние страницы толстой книги. Он подкрутил светильник, сделав свет приглушённым, и щёлкнул карманным переводчиком очередной неясный отрывок.

– ...земли, которые мог обежать Олень и проскакать Белка, тянулись с востока на запад на тысячи фаланголов... – прокаркал металлический голос переводчика.

Лестор сделал пометки в своих записях и продолжил чтение, время от времени щёлкая переводчиком. Он и сам знал древний язык, только иногда были неясны конструкции предложений. У каждого историка был такой переводчик, только наполнялся он самим же историком. Были в продаже уже заполненные карманные переводчики, однако словарный запас их был ограничен только самым необходимым. Лестор наполнял свой переводчик во время путешествия и благодаря этому выучил пару экзотических языков. Также ему удалось записать несколько разговоров на запретном языке. Он был сложен и не похож на другие языки. Но прибор, в который были заложены всевозможные варианты конструкций слов и предложений, разделил речь на отдельные слова, и теперь Лестор мог вечерами, после работы, пытаться учить запретный язык. По правде говоря, были специалисты – переводчики запретного языка. Парочка служила при императоре, но Лестор точно знал, что их знания ограничены только необходимым набором слов, обычно представители Запретных земель говорили на всеобщем языке имперцев. Переводчики с запретного нужны были для подписания договоров, они проверяли, нет ли какой хитрости в бумагах. Таким образом, они знали лишь язык договоров и не более. Их с успехом заменяли карманные переводчики, потому обучиться запретному языку было практически невозможно. Попытаться найти в городе запретного, который бы помог ему в изучении языка, Лестор даже и не смел надеяться, всем было известно, что запретные крайне необщительны и не очень-то чтят любопытство.

Однако, язык договоров помог Лестору определить некую логику языка, а также явился основой словарного запаса. Лестор был пытливым и умён и твёрдо нацелился на изучение запретного языка, а значит, имел все шансы на успех. Если бы кто-нибудь спросил историка, зачем он учит этот язык, его хвост бы дёрнулся влево, ведь он бы не смог дать точного ответа.

Лестор сидел над древним манускриптом до позднего вечера, не заметив, как день угас.

Раздался стук в дверь и звонкий голос Астера:

– Рога Оленя! Лестор, ты должен был быть двадцать минут назад у Красных ворот! Клянись хвостом Белки, если ты сидишь за книгой, я отдам тебя на съедение Кухе!

Куха была толстой поварихой на кухне императора и частенько кидала томные взгляды на Лестора. Астера это очень веселило, он считал, что та либо влюбилась в историка, либо хочет его съесть.

Лестор растерянно соскочил с места.

– Сейчас, не барабань, пожалуйста, как в борделе.

Он открыл дверь смеющемуся Астеру.

– Как есть, сидишь за книгой.

– Я задвинул шторы и потерял счёт времени, – виновато сказал Лестор.

– Башня императорской библиотеки, тут стоят древние окна, как я понимаю, часть истории? – сверкнув глазами, полунасмешливо спросил Астер. Не то чтобы он не ценил историю, но считал её необязательной для изучения.

– Ты совершенно прав, мой друг, – важно произнёс Лестор, сделав страшные глаза. Оба хвостова рассмеялись, весело подёргивая ничем не скрытыми хвостами.

Через пятнадцать минут они уже подходили к красным воротам – ближайшему от библиотеки выходу из императорского дворца.

Хвостовы, посмеиваясь и весело болтая ни о чём, вышли из дворца.

– Нам нужно встретиться с моим сослуживцем Никки. Он нас ждёт недалеко от «Пьяного дракона», – сказал Астер, и друзья направились в город.

Ночной город светился огнями. Воздушные плакаты зазывали жителей и гостей великого города Оленя (так называлась столица Империи) в самые разнообразные заведения от обычных трактиров до изысканных салонов, от борделей до храмов. «Посетите храм Поллакса, и да прибудет с вами озарение!» Лестор фыркнул, прочитав эту рекламу. Ему не очень нравились припешники Поллакса, он их считал обычными любителями ростара – одурманивающего вещества, благодаря которому и приходило к адептам божества «озарение».

Вспышка яркого света привлекла внимание, а потом разлетелась разноцветными огнями в разные стороны. «У мадам Клотье лучший выбор девочек во всей Империи!» – гласила реклама, светящаяся среди рассыпавшихся огоньков.

В небе жужжали моторы личоскопов, а их подвыпившие хозяева пытались петь песни, но качка мешала им, что жутко веселило пеших друзей из той же компашки.

Неподалёку виднелся хвостов на паровых ходулях, быстро вышагивающий в толпе людей. На механических шариках, одевавшихся прямо на ботинки и стоивших сушие гроши, сновали туда-сюда мальчишки, предлагая самые разнообразные товары. У них можно было приобрести конфеты с ростаром (сам ростар был довольно горьким, потому его обычно употребляли с шоколадом), ультрапиво («Новинка! Последнее изобретение доктора Пивариуса. Выпей стакан, почувствуй в себе три!»), сигареты из самых разнообразных трав, сладости для прекрасных спутниц ночных гуляк и много другое.

Лестор заметил толстого рыжего мальчика, стоявшего около деревянной тумбы на краю дороги. Он молча с угрюмым видом предлагал газеты, на которые никто не обращал внимания. «Время сейчас совсем не подходящее для продажи газет», – подумал Лестор и тут же забыл о мальчике.

Астер поздоровался с каким-то сослуживцем.

– Лестор, это Никки, Никки – это Лестор. Вы навряд ли станете друзьями и, скорее всего, даже не понравитесь друг другу, но вы мне оба симпатичны, и я бы выпил с вами нормального, без всяких «ультра», пива.

– Да очередная выдумка Пивариуса, совсем как его шок-пиво, никакого эффекта, – заметил Никки, сложив хвост в насмешливый знак вопроса – показатель презрительного к чему бы то ни было отношения.

Лестор украдкой взглянул на нового члена их небольшой компании. Никки был высоким хвостовом, он так же, как и Астер, носил форму армии, правда, всё лишнее, как, например, каска и тяжёлые сапоги-ботфорты, было оставлено в казарме. На нём были ботинки из лёгкой тёмно-зелёной искусственной кожи, бежевые штаны, облегающие стройные ноги, с нарочитой небрежностью заправлены в ботинки. Хвост без всяких стеснений свисал ниже спины. Вообще, в Империи считалось дурным тоном прятать хвост, ведь это бы означало, что его обладатель врёт. Однако, в последнее время вдруг появилась мода на украшения для хвоста, а правильно подобранное хвостовое кольцо могло порядком изменить естественные движения и порывы.

Зелёный камзол Никки с бежевыми полосками был вольно распахнут, выставляя на обозрение совсем не солдатскую рубашку нежно-кремового цвета с тонкими и такими модными в этом сезоне кружевами. Лестор заметил, что кружева шли к тонким чертам Никки. Его глаза были глубокими и тёмными, нос тонкой стройной линией проходил по слегка вытянутому лицу. Губы имели идеальную форму, только слегка тонковаты, подумал Лестор. Волосы спокойной тёмно-русой волной падали на лоб юноши наискосок.

Привычка обращать внимание на лица и наряды выработалась у Лестора после знакомства с одной старой книгой, которую он прочёл ещё в Академии. В ней автор описывал зага-

дочный народ уйекель. Лестор в тайне надеялся найти следы древнего народа. Увы, Никки не подходил под описание.

Пока историк рассматривал нового знакомого, тот продолжил разговор:

– Право, Астер, ты иногда меня пугаешь своей вызывающей прямоотой. Врать всё равно нет смысла, ведь никто из нас не носит этих мерзких хвостовых колец. Если мне не понравится твой приятель, или наоборот, это будет ясно как белый день.

Несмотря на резкие слова, хвост Никки приветливо метнулся вверх, и оробевший было Лестор тоже невольно поднял свой хвост.

– Вы тот историк, побывавший вместе с Астером Великолепным в Запретных землях?

– Да, Астер взял меня с собой. Это было потрясающее путешествие.

– Да, я читал ваше сочинение, довольно интересная и талантливо написанная работа, недаром вас взяли на службу к самому императору.

– Благодарю, – скромно ответил Лестор.

Астер в это время шумно приветствовал какую-то свою знакомую, она улыбалась так, что Лестор подумал, как бы её щёки не растянулись. Её хвост приветливо топорщился вверх, и на нём, насколько можно было заметить, колец не было.

Между тем Никки продолжил:

– Должен заметить, я уже слышал о вас. Астериус не раз упоминал, как вы помогли ему во время путешествия, он утверждает, что вы знакомы с запретным языком.

– Это преувеличение, я всего лишь пытаюсь его учить.

– Да? Но и этого достаточно для осуждения комиссии по науке. Я предполагаю, что договорной язык, одобренный этими... уважаемыми хвостовыми, – выплюнул Никки, – не ваш уровень, вы наверняка хотите продвинуться дальше?

Никки лениво приподнял на долю секунды хвост и поднял на историка свои зелёные глаза.

Лестор слегка растерялся.

– Разве наука осуждается? Ведь изучение языка – это наука.

– Да, но разве вы не обращали внимания, что наука у нас находится под строгим контролем?

– Под контролем? О чём вы, Никки? Я учился в Академии семь лет и не заметил ничего подобного, наоборот, любопытство и пыливость поощряются!

– Правда? И в чём же заключалось ваше любопытство?

По правде сказать, Лестору было сложно ответить на этот вопрос. В Академии было так много предметов, что он не обращал внимания на свою постоянную занятость. По сути, свободное время у него появилось только после её окончания. И он занялся изучением запретного языка. Но это, как оказалось, не одобряется.

В это время к ним вернулся Астер, и тема разговора изменилась.

– Итак, друзья, мы уже подходим к «Пьяному дракону». Надеюсь, у вас настроение не хуже, чем у Белки на кедре.

Хвостовы зашли в трактир. Лестору приходилось раньше здесь бывать, но только днём. Тогда внутри царил полумрак, посетителей было немного, да и он только пообедал и сразу ушёл. Вечером же вся прелесть заведения раскрылась в полной мере.

Стены, потолок и пол были деревянными и всё было расписано краской. Все рисунки так или иначе повествовали о приключениях пьяного дракона. Красный дракончик с косыми глазами был изображён с кружкой пива, с саблей, с пистолетами, с девицами, и всегда что-то было не так – то пиво выливается, то пистолет направлен не на противника, а на самого дракона, то девицы не самые симпатичные, в общем, действительно, дракон был пьян.

Трактир был освещён лампами в виде факелов, туда-сюда сновали хорошенькие официантки в красных цилиндрах. В руках у них были механические блокноты, на которых было

выгравировано меню заведения и номера столиков, официанткам оставалось только нажимать «добавить» у того или другого столика. Лестор, как историк, считал, что у бумажных блокнотов есть своё очарование, но поспорить с удобством подобной механической системы было сложно.

Бармен за стойкой, вдобавок к фирменному цилиндру, имел механический глаз, напоминавший монокль. Это было чистой воды франтовство, хотя, возможно, для бармена запоминать клиентов и правда было необходимо.

– Добро пожаловать к пьяному дракону! – поприветствовал приятелей мальчишка в лихо спущенном набок красном цилиндре, скрутил хвост спиралью и дунул в механическую трубку. Из неё вместо табачного дыма выпрыгнуло красное облачко, превратилось в пьяного дракончика и приветственно рыгнуло.

– Очаровательно, – процедил Никки, его хвост упрямо смотрел в пол.

А вот Астер рассмеялся и потрепал мальчика за ухо. Тот повёл их к свободному столику.

Протискиваясь между посетителями, Лестор заметил, что все они в основном военные и молодые франты, что, впрочем, было практически одним и тем же.

Пока приятели усаживались за столик, к ним уже успела подбежать красивая слегка полноватая официантка.

– Милые господа, что вам угодно? – кокетливо свернув хвост, спросила она.

Приятели заказали пива и драконьи орешки.

– Ну что же, господа, надеюсь, вечер будет приятным, – улыбаясь и сворачивая хвост кольцом, сказал Астер.

– В таком заведении он не может быть другим, – насмешливо ответил Никки.

– Лестор, не обращай внимания, он всегда чем-то недоволен.

Лестор улыбнулся. Он не понимал, нравится ему Никки или нет. В нём было что-то отталкивающее. Вернее, даже не отталкивающее, а не притягивающее. Было такое чувство, что это его хвост повиновался ему, а не наоборот, и Лестор не знал, как такое вообще возможно.

– Кстати, я вас позвал не только потому, что Никки одолел меня просьбами познакомить его с молодым талантливым историком, я вам хотел кое-что рассказать подальше от посторонних хвостов и ушей.

Лестор оглянулся на шумный трактир и недоверчиво дёрнул хвостом вниз.

– Браво, Астер, очень умно, в «Пьяном драконе» нас и правда никто не услышит, – абсолютно серьёзно ответил Никки.

Лестор сразу же понял, что тот прав, и это почему-то ему не очень понравилось. И правда, гораздо проще подслушать что-то в уединённом уголке дворца, чем в пабе, где до очередных молодых людей с кружками пива никому нет дела.

– Ну я же не дурак, – самодовольно ответил Астер и свернул хвост колечком.

В этот момент к ним подлетела официантка и, улыбаясь, расставила кружки с пивом. Перед Астером она наклонилась чуть ниже, чем это требовалось. Тот ухмыльнулся, беззастенчиво заглядывая в вырез платья. Надо признать, поведение официантки было закономерным. Астер был настоящим красавцем. Светлые волосы лежали на голове буйной кудрявой копной. Большие серые глаза прямо смотрели на мир. Правильный крупный нос гармонировал с квадратным, но при этом совсем не тяжёлым подбородком. Бежево-зелёный гвардейский камзол подчёркивал стройную мускулистую фигуру. И небольшой золотой значок с буквой «К», что значило «Капитан», приколотый к полосатому камзолу, определённо делал мужчину ещё более привлекательным в глазах девиц.

Сам Лестор, по сравнению с двумя гвардейцами, был незаметен. Он мало заботился о собственной одежде и по-прежнему предпочитал для нее неброский светло-коричневый, как будто выстиранный, цвет студента Академии. На нём была мантия этого цвета поверх белой свобод-

ной рубашки. Тёмно-коричневые штаны из искусственной кожи заправлены в выдавшие виды ботинки. Правда, внешне искусственная кожа имперцев ничем не отличалась от натуральной.

Он был высок, но сутулился, стесняясь своего немаленького роста с малых лет. Длинные тёмные волосы грязноватыми космами закрывали лицо с небольшими, глубоко сидевшими голубыми глазами. Высокий лоб говорил о недюжинном уме. В целом, Лестор явно себя недооценивал, и это было заметно любому проницательному взгляду.

– Полагаю, Астериус, ты тщательно подбирал членов сегодняшнего собрания? – по-прежнему лениво подёргивая хвостом, спросил Никки. – Я, Никки Териус из рода Териусов, представитель древнего аристократического рода, близкого к короне. Ты, Астериус, капитан гвардии, и Лестор, историк, блестящий выпускник Академии. Что же ты задумал, друг мой?

Астер, выслушав Никки, свернул хвост в тугой клубок, так он был напряжён.

– Господа, я хочу, чтоб вы помогли мне украсть принцессу Рейну!

Лестор мгновенно опустил свой хвост вниз, а, казалось, невозмутимый Никки поперхнулся пивом.

– Ты сошёл с ума, да? – невольно воскликнул Лестор.

– Вовсе нет. Мы знакомы с принцессой с самого детства, я помогал ей воровать яблоки в саду, когда она ещё бегала без обуви. Я уже тогда был определён в гвардию и состоял в свите императорских детей. Правда, сам император старше своей сестры на пять лет, потому он уже к тому моменту отворовал свои яблоки. Потом я бегал по мелким поручениям Рейны, а она награждала меня поцелуями, – светясь, поведал Астер. – Никки, ведь так мы и познакомились, помнишь, принцесса на приёме будущих курсантов представила тебе меня? Мы должны были как раз после этого покинуть двор на четыре года.

– Да, она, давась слезами, просила оберегать своего друга Астера. А ты стоял и, как полный кретин, смотрел влажными глазами на императорскую кокетку.

– Да брось, Никки. Не можешь же ты не любить всех, кто тебя окружает. Естественно, Рейна кокетка, она ведь принцесса и к тому же совсем недурна собой. У неё есть всё...

– Кроме ума, – перебил Астера тот.

На мгновение Лестору показалось, что хвост Астериуса угрожающе выпрямился, но уже в следующий момент тот усмехался.

– Даже если так, это мне только на руку. Легче будет договориться.

– И что ты с ней будешь делать?

– А что, по-твоему, делают с женщинами?

– Друзья мои, главный вопрос, по-моему, зачем? Ведь она может выбрать себе в мужа кого угодно, зачем её похищать? По-моему, принцесса Рейна просто начиталась любовных книг. А то, что ты задумал, Астер, ничто иное, как сюжет дешёвого пошлого бульварного романа.

– Не будь занудой, Лестор, даже если и так, почему бы не сделать принцессе приятное? Мы слишком скучно живём, – закончил, свернув хвост кольцом, капитан гвардии.

Неожиданно Никки рассмеялся, также свернув хвост кольцом.

– А ведь он прав. Мы скучно живём.

Лестор посмотрел на двух молодых хвостов и вдруг почувствовал, что и его хвост свёрнут в кольцо. Он не хотел признаваться в этом самому себе, но идея бессмысленного, пошлого похищения принцессы где-то глубоко внутри казалась ему бесшабашно привлекательной.

– Не думайте, что я совсем идиот. Я прекрасно понимаю, что принцесса придушивается, да и вступать с ней в брак я не намерен. Мы её похитим на время. Я предполагаю, что по прошествии максимум недели Рейна вдруг захочет вернуться к прежней жизни. Потому всё и нужно будет устроить всего на неделю—две. Необходимо составить точный план. Моя идея такова: организуем что-нибудь вроде путешествия для дворцовых прихвостней и принцессы в том числе. Они будут отсутствовать во дворце пару недель. За это время принцесса наигра-

ется в похищенную даму и как ни в чём не бывало вернётся во дворец. Конечно, ей я скажу, что это лишь прикрытие.

– А если она не захочет возвращаться?

– Ну... я сделаю так, что захочет. Мы ничего не теряем.

– Да, вот только устав не позволяет гвардейцу отлучаться от места службы, – заметил Никки.

– А мы устроим так, будто будем сопровождать историка, – заговорщически заключил Астер.

– Меня? Но куда? – удивился Лестор.

– Ты же изучаешь историю древних хвостов по заданию главного историка? Знаешь, в замке Териусов на острове Лося прекрасная библиотека. А кто как не продолжатель рода благородных Териусов, – Никки явно пнул под столом Астериуса, но тот и хвостом не дёрнул, – сопровождает историка в родовое гнездо?

– Ну а ты тут при чем? – недовольно спросил Никки.

– Я? Я буду в свите принцессы. Слышал, что на острове Лося прекрасная охота, как раз для дворцовых бездельников.

– И, по-твоему, эти самые бездельники не заметят отсутствия Рейны?

– О, у неё вздорный характер. Допустим, принцесса не хочет никого видеть, – хвост Астера насмешливо качнулся из стороны в сторону, – а фрейлины никого к ней не допускают.

Лестор слегка ошалело смотрел на двух гвардейцев, которые вполне серьёзно обсуждали безумный план псевдопохищения принцессы. Он понимал, что молодым двадцатидвухлетним хвостам свойственно принимать отчаянные решения и идти на риск, но вот совершать глупости... И совсем уж было непонятно, почему и его хвост упрямо свернут кольцом, неужто и ему хотелось безумств?

– А где будете ты и принцесса на самом деле? – невольно втянувшись в обсуждение, спросил Лестор.

– О, мы отправимся на дикие пляжи острова Лося, там по легенде нас должен будет забрать корабль одного моего знакомого моряка, – усмехнулся Астер. – Как я надеюсь, к концу недели принцессе надоест ждать корабль, да и жизнь в бегах тоже должна надоест.

– И вы благополучно под твои поддельные ахи и охи вернётесь в замок Териусов?

– Совершенно верно.

– Не забудь спрятать хвост, – заключил Никки. – Так и быть, я помогу тебе, уж больно это всё забавно.

Оба хвостова уставились на Лестора, и ему ничего не оставалось, как согласиться с безумным планом.

Сообщники выпили за успех предприятия и принялись обсуждать тонкости дела. Вначале робевший, Лестор проникся то ли пивом, то ли симпатией к обоим гвардейцам и к концу их посиделок вместе с Астером и Никки залихватски крутил хвостом и смеялся. Было решено называть принцессу для конспирации «Леди», а Астера «Бродягой». Сначала тот противился и желал именоваться «Молнией», но хвостовы решительно отвергли этот вариант. Остров Лося переименовали в «Терра Крысио» (крыса – антипод лося, решили они), для остального шифра не потребовалось, так как планы в основном затрагивали пески «Терра Крысио» с весьма деликатными подробностями, вызывающими бурный смех у приятелей.

Весь план казался вполне осуществимым и, в конце концов, стал представляться чем-то очевидным, даже странно было предположить, что что-то может пойти не так.

После четырёх кружек пива приятели решили покинуть «Пьяного дракона». Астер ушёл, даже не бросив лишнего взгляда на официантку, чему та была явно не рада. Завтра он заступал на службу рано утром, потому двинулся к замку. Никки отправился в «Грёзы султана», где, Лестор был почти уверен в этом, не только танцевали восточные танцы, но и предлагали

ростар и трубки, наполненные запретной хвоей. Сам же Лестор решил дойти до реки Оленьей. Договорившись завтра встретиться за обедом у «Дракона», друзья разошлись.

Молодой историк, засунув руки в карманы, осторожно шагал среди поредевшей толпы. Мальчишек с товарами уже не было (закон запрещал детям работать позже, чем в 12:00 ночи), но Лестору показалось, что он мельком увидел давешнего толстого рыжего мальчика с газетами. Рога оленя, ну и запал же он в голову! Помотав хвостом из стороны в сторону, Лестор двинулся к реке. Там он быстро озяб, поэтому пришлось спешно возвращаться в замок.

Глава 2

Советник Гэриус был немолодым хвостовом с жёстким взглядом тёмных глаз, небольшой лысиной и механическим сердцем. Пару лет назад он стал одним из первых пациентов, у которого искусственно созданный орган прижился и стал исправно работать. Он предпочитал серые свободные одежды, из которых виднелся лишь кончик его хвоста. Когда он только начинал свою карьеру, ещё при отце нынешнего императора, находились хвостовы, осуждавшие его за такое отношение к хвосту. Но сегодня уже мало кто мог в открытую это сделать. Хвостовы старались прятать свои собственные хвосты в его присутствии в попытках скрыть осуждение. Гэриус предпочитал этого не замечать, как и того, что за спиной его чаще называли Серым. Он был не против такого прозвища.

Советник Гэриус много и упорно трудился всю свою жизнь, именно поэтому он сегодня имеет такое влияние на императора. Он заботился о благе Империи и всех земель, считая, что изобретения учёных упрощают жизнь, делают её более лёгкой и приятной. Потому другие народы должны оценить это, понимают они всю важность изменений или нет. В конце концов, дети редко понимают важность обучения, но все равно учатся, а в дальнейшем говорят за это «спасибо».

Гэриус шёл по коридорам дворца, мельком взглянул в зеркало, проходя мимо. Советник поморщился и отвёл взгляд. Слишком много зеркал в этом дворце, невозможно просто пройти и не увидеть себя или ещё кого в отражении.

Продолжая свой путь по коридорам дворца, Гэриус ещё раз выстраивал чёткий план предстоящего разговора с императором. Для начала доклад о торговле. Императору нравилось слушать о прибыли. Рассказать об урожае и его продаже, о доходах купцов, о морской торговле.

Гэриус дошёл до своего кабинета. Там его ждал завтрак и осмотр врача. До встречи с императором ещё была куча времени, советник просыпался обычно рано. Жуя свою кашу и запивая её травяным чаем, он, как обычно, опустил в пучину своих мыслей.

Честно признаться, Империя давно не знала тяжёлых времён, когда торговля сходилась на нет из-за войн в соседних странах, или из-за неурожая, или природных катаклизмов. Всё шло как в хорошо прописанном плане скупого торговца, который не желал тратить лишний золотой на что бы то ни было. Урожаи были обильными благодаря последним изобретениям, таким как угольный подогрев земли и низкие дождевые облака, которые практически решили проблемы плохой погоды, которая была не редкостью в Империи. Единственное, создать механическое солнце пока не удавалось, но Гэриус считал, что это может подождать. Конечно, эти изобретения вызвали большую потребность в угле. Нет, шахты Империи ещё не оскудели, и это ещё не скоро случится, но вот шахтёры требовали всё более и более высокую оплату труда и повышения страховки. Советник поморщился. Он понимал, что это необходимость, и шёл на неё. Но в то же время, как человек образованный, много читающий и много где побывавший, он знал, что в некоторых соседних странах на шахтах работали заключённые, таким образом возвращая свой долг государству. А в Юкаре так и вовсе рабы. В Империи рабство невозможно, без всяких «но», в этом Гэриус даже и не сомневался. Но в то же время, если бы имперские шахтёры знали об опыте соседних стран, возможно, это оказало бы на них некий воспитательный эффект. Гэриус имел кое-какие планы, даже описанные на бумаге, касающиеся труда заключённых на шахтах. Его было бы трудно протолкнуть в данной политической ситуации, но он знал, что хвостовы – не урожай, который можно предсказать и чей рост можно направить в нужное русло. Хвостовы изменчивы, как солнце, которым управлять нельзя. Рано или поздно ситуация изменится, и тогда его план уже не будет казаться диким. Он с неудовольствием вспомнил последний разговор с министром земных недр, который назвал план советника императора чудовищным. Благо тот представил его как услышанные им мысли некоторых

владельцев шахт. «Этот идиот ничего не знает о чудовищах, – со злобной улыбочкой подумал Гэриус. – Настоящие чудовища сидят внутри каждого из нас, только им всегда находят оправдания и благозвучные имена».

Недоволен был советник и министром земледелия, этим древним любителем цветной капусты. Рога Оленя, при каждой встрече этот старый осёл дарит Гэриусу очередную баночку с очередным солением, конечно же из цветной капусты. А потом советнику приходится из вежливости по полчаса выслушивать о новом сорте или драгоценных грядках, естественно, с цветной капустой. И его постоянное «невмешательство в природу». Старый осёл просто хотел угодить и Гэриусу, который радел за введение новых изобретений, и природникам, которые в последнее время всё громче и громче высказывали мысли об опасностях механических преобразований. Потому министр просто использовал изобретения, отчитывался о высоких урожаях, но при этом всем и каждому рассказывал о своих грядках с цветной капустой, которые растут абсолютно естественно, «без вмешательств».

Гэриус мысленно поставил себе галочку, император должен знать о природниках. Нужно донести до него, что это не просто пустобрёхи, а опасные пустобрёхи.

Торговле с соседними странами ничто не мешало. Войн никто из соседей не вёл. Затева-лась пара переворотов, это Гэриус знал от своих шпионов, но эти данные были несущественны. Один царёк сменится на точно такого же другого. Пожалуй, о них стоит рассказать императору, пусть ходит довольный и делает глаза «а я всё знал», когда весть о переворотах достигнет двора Ойокумены. Гэриус невольно подумал о том, что при отце нынешнего правителя он бы себе не позволил таких мыслей. Отец Нерайба II как будто знал всё заранее, будто Гэриус был не единственным его осведомителем, а он вдобавок имел дополнительных, собственных шпионов. Непонятно было, когда он успевал с ними переговаривать, но эта мысль не давала покоя советнику, потому он ничего не скрывал и не давал себе волю помечтать что-то как важное, а что-то как несущественное. К тому же Гэриус любил и уважал старого императора настолько, насколько был способен. Именно он подарил тогда еще юному хвостову шанс стать тем, кем он сейчас является. И тогда, ещё не будучи советником, тот цепко ухватился за эту возможность. Он верил, что несёт и должен нести благо не только для всей Империи, но и для всего мира. Благо в одном месте легко может быть разрушено невеждами из других мест, об этом нельзя забывать.

Потому стоит доложить императору о делах в Запретных землях. Как и прежде, Гэриусу мало что было о них известно. Подобраться к правящей верхушке этих стран было практически невозможно. Гэриус не раз пытался завербовать на службу кого-нибудь из запретных, но в ответ они только обещали предать его душу чёрному господину, злобно сверкая при этом глазами. Некоторой победой можно было назвать последнюю операцию. Пару месяцев назад Гэриус организовал посольство, которое сопровождали brave гвардейцы, в приграничный город-порт. Советник и не надеялся, что посла примут. Его мариновали неделю в вонючей гостинице около рыбного рынка, но так и не приняли у главы города и не дали разрешения проследовать в столицу для установления дипломатических связей. Его приняли лишь в совете купцов, где заверили в дружеских отношениях и в том, что для успешного ведения торговли и «невойны» вполне достаточно имеющихся связей. А также попросили ожидать последующих решений в Терра Инкогнита. Порт – не место для высоких гостей. Потом председатель совета купцов спел песню про Храм всех богов, именно спел, аккомпанируя себя на лютне. Из песни следовало, что именно там, в Храме, есть все условия для ожидания. Посольство уехало не солоно хлебавши. Император был расстроен.

Но Гэриус ожидал подобного исхода, потому истинной целью было выполнение совершенно секретного задания. Один из гвардейцев, состоявших при после, был его человеком. Он остался в Терра Инкогнита, якобы перебрав местных вин. Оттуда он проследовал за посольством, придя на границу на пару часов позже, чем все остальные. Это было рискованно, погра-

ничники могли и не поверить его рассказу о непредвиденной задержке. Но на удачу его пропустили. Дальше этот гвардеец напал на рыбака-торговца на рынке, за что был доставлен в местную тюрьму. Что представляла из себя тюрьма запретных, Гэриус не знал. Не знал этого и его гвардеец. Но это был единственный шанс оказаться среди запретных.

Гэриус напряжённо ждал вестей от своего человека – и наконец получил их. Гвардеец успешно оказался в тюрьме, его судили. Он сидел в общей камере; преступники, находившиеся вместе с ним, естественно, не обсуждали дел государственной важности, но некоторые интересные слухи всё же были. Например, Гэриус узнал, что госпожа Чёрной крепости не носит исподнего – долго снимать. Глупый человек услышал бы в этом лишь скабрёзные шуточки про жену правителя, но Гэриус был не глуп, и он разглядел в этом характеристику правителя – его не интересуют женщины? Ведь если бы ему было до этого дело, он бы смог успокоить свою супругу, которая стала предметом шуток даже для уличной шпаны. Будь у него любовница, это также бы было озвучено в сплетнях. Было над чем задуматься. Промелькнули и другие интересные сплетни, которые советник тщательно переписал, а позже набросал свои мысли по их поводу.

Но главным было другое – на суде имперца приговорили к вечному изгнанию из города-порта и трехмесячным работам в Храме всех богов на этаже Белки. В то же время Гэриус узнал, что имперцев не судят по законам запретных. Это интересно.

Вообще, проблема закрытой политики, проводимой Запретными землями, давно висела тёмной тучей над советником. Многие считали, что раз запретные не враждебны к имперцам, то стоит уважать их закрытость и привычки. Гэриус, безусловно, был согласен уважать запретных, но ему не давало покоя то, что они ни с того ни с сего пятьдесят лет назад приоткрыли свои границы. Никто не знает, какое у этих стран прошлое, никто не знает, почему они вдруг решили сотрудничать с имперцами. Советник был уверен, что всё имеет свою цену, и он хотел знать сумму сделки. Гэриус даже отдал приказ главному историку изучить древние свитки об истории Империи. Он надеялся, что всплывут факты о прошлых контактах с запретными, которые помогут ему понять их мотивы.

Пожалуй, стоит рассказать об исподнем госпожи чёрного замка императору, ему понравится.

Зашёл доктор Мэйк.

– Доброе утро, господин советник, – хвост лекаря учтиво качнулся влево.

– Доброе утро, доктор Мэйк, – в ответ поприветствовал Гэриус.

Тот спокойно поставил свой чемоданчик на столик около зелёного дивана, а советник пересел на диван. Нажав на кнопку на ручке, Гэриус поднялся вверх. Часть дивана была складывающе-поднимающимся лечебным креслом. На нём даже имелись специальные кожаные ремешки для рук и ног, на всякий случай. Гэриус откинул голову на появившуюся подставку, расстегнул рубашку и взялся за ручки лечебного кресла. Доктор, в свою очередь, достал из чемоданчика небольшую поблескивающую металлом воронку. Гэриус невольно скривил губы, он не любил, когда холодный металл прикасался к его телу.

Тем временем доктор опустил горлышком вниз свою воронку, и она разложилась в трубку. Он приложил её к груди советника, как раз напротив механического сердца. Трубка была сделана из реелкара, который, как магнит, прилипает к коже. Доктор оставил трубку на груди и снова залез в свой чемоданчик. На этот раз он достал раздвоенный шнурок, в основании которого поблескивал реелкар. Реелкаровой частью доктор присоединил раздвоенный шнурок к трубке, а два конца трубки вставил в металлическую пластинку со светящимися огоньками и кнопками. Потом он стал нажимать на кнопки. Наконец, всё было настроено. Советник вслед за доктором взглянул на металлическую пластинку. На ней появилось изображение сердца. Синим, зелёным и жёлтым цветами были обозначены разные элементы питания.

К счастью, всё работало без изменений, не требовалось даже подтянуть ритм. Советник про себя порадовался. «Живу! Я ещё живу!» – подумал он.

Доктор Мэйк убрал конструкции, не произнося ни слова. Советнику он нравился – ни одного лишнего слова или движения!

– Господин Гэриус, позвольте вопрос: вы всё ещё экспериментируете над собой?

– Да, дорогой доктор.

– Тогда позвольте посоветовать вам этот чай, – доктор достал из своего чемоданчика травяной сбор. – Я знаю, что вы и так уже пьёте травяной чай, но этот сбор исправляет некоторые недочёты старого.

– Недочёты? – слегка удивившись, уточнил советник.

– Да, нет предела совершенству. В этом сборе присутствует корень серны. Обычно настой этого корня пьют невесты перед свадьбой. Благодаря ему их лица безмятежны, гладки и хорошо получаются на фотографиях.

Нет, всё-таки Мэйк – замечательный доктор. Ничего лишнего.

– Спасибо, доктор. Вы мне очень помогли.

Лекарь спокойно вильнул хвостом влево, собрал чемоданчик и вышел. Чуть позже комнату покинул и Гэриус.

Император ждал его к завтраку, ровно в 9:00, и советник явился минута в минуту.

– По вам можно сверять часы, Гэриус, – с улыбкой поприветствовал его правитель, покачивая хвостом.

Император Нераиб II вырос на глазах у Гэриуса. Он был неглуп, недурён собой, но ленив. Ещё в детстве ему всё легко давалось, потому Нераиб не привык ни к чему прикладывать особых усилий. Это вошло в привычку и в характер императора. Он правил Империей уже три года, продолжая курс своего отца.

Гэриус терпеливо ждал. Он ждал, когда император захочет изменений, когда он захочет заявить о себе как об отдельной личности, а не тени своего достопочтимого отца.

– Ходят слухи, советник, что хвостовые кольца начинают использовать не только женщины. Разве они пригодны для чего-либо, кроме украшений? – спросил император, лениво поваливая хвостом.

Хоть советник слегка был удивлён таким началом беседы, но не подал виду.

– Мой император, в соседних странах кольца на хвостах носят и мужчины, и женщины, а в некоторых странах хвост без кольца – признак бедности.

Император отмахнулся.

– Глупости. Мы же не варвары.

Советник молчал. Молчал и император. Гэриус понял, что пора что-то сказать и нарушить тишину.

– Кольца для хвостов – невинное развлечение, не более.

– Но тогда хвост превращается в то, что сближает нас с животными, просто часть тела, которую к тому же можно украсить. Он перестаёт быть частью сущности хвостова, – резко вильнув хвостом, ответил император.

Прежде чем он успел продолжить, советник сказал:

– Нет ничего дурного в животных, они чисты. Нет ничего дурного и в кокетстве. Мода на кольца закончится так же, как началась. Кольца на хвостах – всего лишь одно из незначительных последствий дружбы с Запретными землями.

Хвост императора пополз вверх.

– Вы считаете?

– Да. В Запретных землях носят кольца на хвостах. Но при этом их сложно назвать варварами. Их механическое развитие не сильно отличается от нашего. Хотя, вообще, об обычаях запретных мало что известно. Как и о законах, регулирующих их общество.

– И даже вам это не известно?

– Ну... – несколько искусственно смутился Гэриус. Он хотел начать с доклада о доходах, но император помешал его планам, – известно, но не многое. – Гэриус решил, что начнёт с доклада о Запретных землях. Он рассказал о торговле, о купцах из запретных, рассказал о секретной операции. Правда, представил её как случайность. Император, как настоящий житель дворца, посмеялся на скабрезной сплетней о владыках чёрной крепости.

– Чёрная крепость. Не впервые слышу это название. Что о ней известно?

– Только то, что она построена из чёрного камня. Говорят, в давние времена целую гору опалил дракон. И камень тот стал как сталь. Неимоверных усилий стоила постройка той крепости. Моряки и купцы из запретных часто заканчивают сделки следующими словами: «Да будет наша сделка скреплена пламенем и кровью, как вечная чёрная крепость». Думаю, чёрная крепость та стоит на костях своих строителей.

Хвост императора восхищённо завилял из стороны в сторону.

– Гэриус, да будет благословенен хвост Белки, вы просто кладёте занимательных историй!

Советник поклонился, думая про себя, что знает, чем будет развлекать император своих прихвостней на ближайшем обеде.

– Разрешите закончить доклад? – спросил он.

Но в этот момент в дверь без стука ворвалась принцесса Рейна. Гэриусу показалось, что в комнату влетело облако из колибри. Утреннее голубое платье принцессы украшали сотни колибри, вышитые голубыми же нитками.

– О, советник Гэриус, рада вас видеть, – пропела принцесса, но хвост её при этом кольцом не свернулся.

Впрочем, советнику было всё равно, нравится он принцессе или нет. Он считал её дополнением к жизни императорского дворца, не более.

– Император, – повиливая хвостом, продолжила принцесса Рейна, – как ваше настроение?

Тот волком глянул на сестру, но, как и она, повиливал хвостом.

– Лучше не бывает. А ваше, драгоценная сестра императора?

Принцесса фыркнула и уселась на подлокотник ближайшего дивана.

– Мне хочется пить и есть нектар, как птичка.

Император смешливо посмотрел на советника, будто предлагая посмеяться вместе с ним. Его явно забавляла сестра. Советник вежливо улыбнулся.

– Ой, да не смотри ты на Гэриуса Серого, всем известно, что он начисто лишён чувства юмора.

– Вполне возможно, но, если я вас когда-нибудь рассмешу своим отсутствием чувства юмора, это уже неплохо, – вывернулся Гэриус.

Принцесса Рейна оценивающее посмотрела на советника и решительно вильнула хвостом влево.

– Сегодня вы не такой, как обычно. Вы как будто не ели ничего кислого. А вообще, вы любите кислое? Например, квашеную капусту? Министр Зель божественно квасит свою цветную капусту, пробовали? – болтая ножкой, поинтересовалась принцесса.

У советника промелькнула шальная мысль – откуда эта вздорная девица может знать про его нелюбовь к капусте и о том, как достал его старый осёл своим любимым овощем? «Чепуха, она просто несёт то, что приходит ей в голову. Совпадение, не более», – уверил себя советник.

Принцесса, не дожидаясь ответа, продолжила:

– На днях я была в механикоботаническом саду. Открытие, нужны были высокие гости и всё такое. Так Зель, торжественной речью открывая сад, умудрился полчаса рассказывать про цветную капусту и её пользу. А потом, когда я должна была взять ответное слово, заставил попробовать её.

Император расхохотался. Принцесса закатила глаза, но при этом её хвост лихо раскачивался из стороны в сторону.

Успокоившись, император сказал:

– Собственно, у меня утреннее свидание с советником. У тебя какое-то неотложное дело? Хочешь я запрещу на территории Империи цветную капусту? – и скрутил хвост кольцом, довольный своей шуткой.

Принцесса в очередной раз скривила гримасу.

– Нет, я хотела позавтракать вместе с тобой.

Она пересела за стол к императору, куда лакеи уже успели поставить стул. Принцесса с воодушевлением налила себе кофе и взяла булочку.

– Не обращайтесь на меня внимание.

Император поднял руку и хвост вверх, призывая Гэриуса продолжить доклад.

Советнику ничего не оставалось, как исполнить желание правителя. Принцесса в последнее время частенько завтракает вместе с братом, а ведь в детстве она его терпеть не могла. Император же всегда относился к своей сестре ровно. Раньше советник как-то не обращал внимания на ее участвовавшие утренние визиты. Но сегодня принцесса упомянула, что участвовала в открытие механикоботанического сада, также Гэриус припомянул, что видел принцессу на встрече посольства из Запретных земель. Это надо будет обдумать. С чего это ей вдруг наскучили балы и развлечения? Или она считает политику очередным развлечением? Не хватало только ещё взбалмошных принцесс на хвост советника.

Гэриус закончил доклад и, поклонившись, вышел.

Брат и сестра остались вдвоём. Император не знал, что делать, когда завтрак закончился.

– Ты слышала, что госпожа чёрной крепости не носит исподнего? – вдруг сказал император, когда вместе с сестрой они вышли на балкон.

– Почему? – спросила Рейна, срывая одну из вьющихся роз со стены.

– Потому что долго снимать, – улыбаясь, закончил император.

– Нераиб, что за... – но, посмотрев на закрутившийся хвост брата, принцесса поняла, что нужно смеяться.

– Это мне сегодня Гэриус рассказал. Пока ты не влетела к нам, он рассказывал о делах Запретных земель.

– Да? – рассеянно вплетая розу в волосы, спросила Рейна. – И как там дела?

– О, загадочно. Практически ничего нового, кроме сплетен.

Наконец, принцесса заговорила о том, что, по-видимому, занимало её с самого начала.

– Нераиб, что там насчёт моего замужества? Помнится, велись об этом разговоры, причём без меня, – сделала ударение на последних словах Рейна. – Я бы хотела быть в курсе событий.

Император растерянно посмотрел куда-то в сторону и ответил:

– Тебе не о чём беспокоиться, моя птичка. Не думаешь же ты, что я отдам под венец свою возлюбленную сестру без её на то согласия?

– Вообще, возникала такая мысль, – жестко ответила принцесса. – Наша матушка прислала мне письмо.

Мать императора после смерти мужа не пожелала участвовать в политике. Впрочем, ещё при жизни отца Нерайба и Рейны императрицу выслали жить на виллу на берегу Сиреневого моря, далеко от столицы, из-за слабого здоровья. Дети проводили лето с матерью, но большую часть года жили в императорском дворце. А когда выросли, их встречи стали и того менее продолжительными. Сама Амелия, так звали мать императора и принцессы, категорически отказывалась навещать столицу.

– И в письме как будто просила не спешить выходить замуж. Думаю, это мягкая форма для того, чтобы отсоветовать жить без любви.

Нераиб растерянно посмотрел на свою сестру. Слухи о том, что их родителей не объединяла любовь, никогда не задевали его, но, похоже, иные чувства испытывала сестра, это удивляло молодого императора.

– Рейна, обещаю, твоё замужество будет лишь твоим решением.

– Даже если вдруг остро встанет вопрос об интересах Империи? – не унималась та.

Нераиб хотел было ответить, но вместо этого нахмурился.

– Что ж, – закусив губу и раскачивая хвостом, проговорила Рейна, – нам обоим есть над чем подумать.

Разговор был окончен. Не сказать, что принцесса сильно расстроилась. Она только начала кампанию против замужества и в её успехах почти не сомневалась.

Принцесса Рейна шла по коридорам дворца, заглядывая в каждое зеркало. Некоторым она подмигивала, некоторым показывала языки. Не успела она пройти и ста метров по дворцу, как вдруг откуда ни возьмись возникли придворные дамы, все в лёгких утренних платьях. Коридоры дворца наполнились весёлым щебетанием и смехом. Принцесса рассказала о Сером, который сегодня не ел квашеной капусты, чем весьма позабавило дам. Советника недолюбливали в коридорах, но в то же время побаивались. Одна из дам рассказала шокирующую новость о новой любовнице Серого, якобы деревенской даме, недавно представленной ко двору. Девушки было принялись бурно обсуждать сплетню, но принцесса лишь фыркнула, и те сразу перестали.

Рейна сообщила, что намерена всё утро рисовать на пленэре, потому все направились в сад к озеру цветов. Оно заслуживало своё название, так как, действительно, берега небольшого искусственного водоёма заросли самыми разными цветами.

Отдав соответствующие указания лакеям, дамы живописно расселись на берегу озера, выставляя изящные туфельки и подставляя лица под солнце. Всего было десять постоянных спутниц принцессы. Тут была молодая Блейд, сегодня она в розовом, огненно-рыжие сестры Кэтрин и Люси, крошка Ди с курносый носом, за что получила прозвище «Мопсик», высокая Лейна, пухлая Элизабет, которая, как считала принцесса, смеётся как торговка, Рика, сестра гвардейца Никки, который был объектом воздыханий многих дам, неразлучные подружки-брюнетки Сандра и Миранда и Глэдис, которую из-за старомодного имени дразнили «старушка», в том числе и сама принцесса. Пожалуй, самой красивой из них была Блейд. У неё были серебристые волосы, большие синие глаза, чувственные вишнёвые губки, изящная фигура, как будто выточенная из кости, и безупречного цвета кожа. Но в ней не было того огонька, которым обладала принцесса, потому-то чаще всего мужские взгляды и останавливались на Рейне. Принцесса была среднего роста, с круглой, но при этом изящной фигуркой, кудрявыми светлыми волосами и слегка раскосыми огромными серыми глазами. Рейне было девятнадцать, и она получила хорошее образование. По собственной инициативе принцесса три года обучалась в Академии. Окончила начальные курсы механика, знала несколько языков, прекрасно управлялась с лошадьми, играла на пианино, пела и танцевала.

Она была, несомненно, царицей среди своих дам. Во-первых, Рейна была сестрой императора, но это мало что значило бы, не будь она от природы наделена неистощимой энергией. Она не уставала придумывать новые и новые развлечения. Причём иногда принцесса впадала в определённое, как она сама его называла, «социальное» настроение и заражала, например, всех идей помощи бедным. Конечно, некоторых приходилось и заставлять. Так совсем недавно около сорока придворных дам, переодевшись в платья сестёр милосердия, помогали в больнице Барсука ухаживать за детьми. Около недели они мешали врачам, падая в обмороки и путая указания. Принцесса злилась на дам и выгоняла то одну, то другую. Некоторые стали специально портить всё вокруг, чтобы быть изгнанными. Тогда Рейна вернула всех, кого выгнала, добавила к ним притворщиц и отправила к больничным прачкам, стирать на механических досках. В итоге только около 10—11 осталось в званиях сестёр милосердия. Принцесса не на шутку

увлеклась работой и даже достигла в ней определённых успехов. Так её стали назначать наравне с обученными сёстрами на операции. Рейна с ужасно важным видом выносила с операций посуду с окровавленными инструментами и прочими вещами, от которых у любой другой хвостовый хвост бы безвольно повис, утягивая обладательницу на пол в состояние глубокого обморока. Рейна уверяла, что ей давали зашивать пациентов по завершении операций.

По вечерам свита принцессы читала книги по медицине, биологии и химии. Всё это продолжалось около двух месяцев, пока ко двору не вернулось посольство из Запретных земель. Рейна бросила больницу, решив, что, если она даст деньги на лечение нуждающихся, получит ничуть не хуже.

Она созвала свой собственный постпосольский совет со всеми гвардейцами, побывавшими в Запретных землях. Даже позвала Лестора, чтобы он всё записал. Дамы хихикали, вспоминая жутко смущённого историка. Совет плавно перетёк в вечеринку при свечах, и все было подумали, что «социальное» настроение принцессы окончательно прошло и можно вздохнуть спокойно, но на следующий день принцесса сказала дамам, что они начинают боевую подготовку на случай путешествия. Выбрав самых привлекательных гвардейцев во главе с капитаном Астером, принцесса вместе со своими дамами начала учиться ездить на лошадях по-гвардейски, использовать кинжал в драках, готовить еду на костре и многое другое. Благо принцесса пока не додумалась поехать в настоящее путешествие. Ей очень понравилось носить обтягивающие кожаные штаны и кинжал в сапоге. Новая женская мода начинала набирать обороты во дворце, пока совет тётушек (говорят, не без участия Серого) не вернул платья как обязательную форму дам. Всё остальное только на маскарадах. Принцесса почему-то не очень расстроилась. Вскоре весь замок узнал почему. Вместе со своими модельерами принцесса разработала новый фасон платья. Новые платья были из шифона, разлетались при малейшем ветре, соблазнительно очерчивая молодые фигуры. Они были в пол (хоть и обладали разрезами по самые бёдра, но ткани много, разрезы видны только при ветре), закрывали руки, но открывали спины. Все приличия соблюдены – извольте, тётушки, из своих тяжёлых парч вылезать. Поднялся большой шум со стороны тех самых тётушек и оглушающий смех со стороны мужской части двора. В итоге сошлись на том, что такие платья будут утренними. Потому по утрам редко где была заметна дама старше пятидесяти лет.

Совсем недавно ко двору приехали живописцы с Сиреневого моря, южной части Империи, где располагалась Академия художеств. Они приехали, чтобы набрать среди жителей столицы и близлежащих поселений самых талантливых подростков, а заодно устроили выставку. Принцесса была впечатлена и решила научиться рисовать. Во дворец прибыл учитель и стал преподавать рисование принцессе и её ближайшим подругам. Ему пришлось уехать по семейным обстоятельствам на месяц, но он дал им задание – написать озеро цветов. И каждое утро Рейна старательно рисовала то, что видела перед глазами на озере цветов. Признаться, получалось дурно, совсем не похоже на замечательные картины, висевшие в художественном зале дворца. Но принцесса не сдавалась.

Рейна, лениво повиливая хвостом, поглядывала на своих подруг. Вообще, было достаточно одного взгляда на нее, чтобы понять, что принцесса часто виляла хвостом. Причём этими виляниями выражалась целая гамма чувств. Например, если хвост слегка приподнят и лениво ходит из стороны в сторону, то это значило, что хвостов чего-то ждёт и при этом ожидание приятное либо же сообщало о расслабленно-приятном состоянии. Внимательный взгляд мог многое рассказать о хвостове, но необходимо было при этом знать владельца хвоста дольше пятнадцати минут. Читать язык хвоста значило понимать хвостова, в конце концов, если кто-то спит – это сразу видно. Но вот понять, видит ли он хороший сон, кошмар или спит вовсе без сновидений, уже гораздо сложнее.

Наконец, принесли мольберты, бумагу, краски, кисти и папки юных художниц. Девушки принялись рисовать.

Рейна решила, что сегодня будет писать только зелень, и начала с интересом смешивать зелёную краску с другими в поиске необходимого оттенка. Это совсем не мешало принцессе обдумывать сегодняшнее утро. Мысли были прерваны весьма неприятным визитом. Пришла вдовствующая леди Мирабель. И, к неудовольствию принцессы, она выглядела прекрасно.

Леди Мирабель была хвостовой высокой, стройной, красивой. У неё были холодные прерывательные глаза и чудесная обворожительная улыбка. Ей, в отличие от других тётушек, шло утреннее платье, может, даже больше, чем юным девицам. Впрочем, назвать Мирабель старой было нельзя. Она явно не была юной, но сколько ей лет? На первый взгляд не больше двадцати пяти, но при этом она была старшей сестрой отца Рики. Леди Мирабель принадлежала к роду Териусов, приходясь Рике и Никки родной тёткой. Хвост ее всегда был задрапирован, но при этом его можно было увидеть. Она всегда старалась соблюдать приличия. При этом во дворце упорно поговаривали, что именно леди Мирабель и есть та самая любовница Гэриуса Серого.

– Принцесса Рейна, – обворожительно улыбаясь, поприветствовала дама, – прекрасно выглядите.

– Леди Мирабель, вы ничуть ни хуже. Замечательное утро, не находите?

– Да, именно поэтому я решила прогуляться по саду, но тут заметила вашу милую стайку и вспомнила, что у меня есть разговор к Рике.

Рика удивлённо оторвалась от своего рисунка. У неё хорошо получалось, в отличие от подруг. Даже учитель безапелляционно заявил, что у девушки талант, тогда как у некоторых других лишь способности. Но при этом заметил, что талант – малая часть успеха художника. Рика была настолько увлечена своим рисунком, что лишь чуть вильнула хвостом, заметив тётушку. Они мало общались и еще меньше нравились друг другу. И тут, оказывается, у леди Мирабель к ней разговор. Это было странно, но не из ряда вон выходящее. Потому Рика взяла тётку за протянутую к ней руку и встала.

Когда они оказались вне досягаемости ушей любопытных придворных девиц, леди Мирабель нарушила утреннюю тишину сада.

– Рика, я видела ваш рисунок, вы талантливы.

– То же самое мне сказал учитель, – ответила Рика.

– У принцессы получается не так хорошо, – хвост Мирабель дрогнул под прозрачной тканью.

– У всех свои таланты, – осторожно ответила девушка, явно не понимая, к чему идёт разговор.

Но, похоже, тётушка наконец решилась сказать то, что хотела.

– Рика, как ты знаешь, у меня нет детей и наследников. Вместе с тем я не только богата, но и обладаю уникальным жизненным опытом, и я хотела бы с кем-нибудь им поделиться.

Рика удивлённо скрутила хвост колечком и уставилась на тётку.

– Я понимаю, это предложение звучит странно, но подумай сама, твой родитель живёт в родовом замке, где ты бываешь нечасто. Ты – придворная дама принцессы и большую часть времени находишься при её императорской особе. Вместе с тем в одном с тобой городе живёт твоя родная тётя.

Рика молчала.

– Мы – семья, а это важная часть в жизни каждого хвостова, – не дождавшись ответа, продолжила тётушка.

– Леди Мирабель, – остановилась Рика и, дерзко вильнув хвостом, взглянула прямо в холодные глаза тётки, – чего вы от меня хотите? Мы никогда не были близки. А если вам вдруг семья стала казаться важной, то можете не беспокоиться обо мне, у меня есть брат, и вот он – важная часть моей жизни.

Леди Мирабель, ни чуть ни меняя положения хвоста, выражения лица и голоса, ответила:

– Да, твой брат, Никки. Томный светский красавец, разрушитель девичьих сердец. А кому принадлежит его сердце?

Рика недоверчиво взглянула на тётку, но разговор вдруг приобрёл для неё определённый интерес. Хвост невольно пошёл вниз, и девушка очень надеялась, что тётя не обратила на это внимания.

– Что вы хотите этим сказать?

– Лишь то, что он в лапах страшной женщины, и я хотела бы научить тебя разбираться не только в развлечениях, но и в хвостах, а заодно и в политике. Вы с Никки – будущее рода Териусов, но оба абсолютные профаны, – хвост леди Мирабель презрительно дёрнулся из стороны в сторону, – у вас влиятельные друзья, блестящее образование и вместе с тем весьма туманное будущее. Для начала я помогу твоему брату. Признаться честно, ты мне не так интересна.

Это было похоже на правду, потому Рика скрутила хвост кольцом.

– Но твой брат – упрямец и гордец, – продолжила леди Мирабель, – потому я помогу ему через тебя. Не надо смотреть на меня, как на клубок змей, я никогда не скрывала своего хвоста, – холодно произнесла тётушка, – и все должны совершать поступки, не только ведущие к личному успеху, но и на пользу окружающим. Ведь никогда не знаешь, откуда в будущем выйдут неприятности.

Возможно, Рика была не так энергична и предприимчива, как принцесса Рейна, не была она и первой красавицей, как Блейд, не обладала холодным и расчётливым разумом леди Мирабель, но она не была глупа, а брата искренне любила. Потому разговор с тётушкой перестал ей казаться фарсом и каверзой. Она была готова его продолжить.

Глава 3

Время приближалось к обеду, потому Лестор шёл в трактир «Пьяный дракон». Со дня знакомства с Никки, а заодно небольшой заговорщической пирушки, прошла неделя. Двор активно готовился к поездке на остров Лося, Никки по-тихому отправил послание своему доверенному человеку в родовом замке, чтобы тот обустроил небольшое гнёздышко в тихой бухте для Астера и принцессы. Всё шло как по маслу, и переживать было не за что.

Лестор за это время нашёл интересную книгу, вернее, ему её передал слуга Гэриуса из личной библиотеки советника. И несмотря на приближающиеся приключения, невольным участником которых его сделал Астер, мысли Лестора чаще обращались к этой книге, чем к острову Лося.

Книга называлась «Костёр ночи», это был древний сборник ещё более древних басен, песен и преданий предков имперцев. Язык был похож на современный имперский, но вместе с тем там присутствовали весьма интересные слова, которые любой другой бы счёл атавизмами. Хотя успехи Лестора в изучении запретного языка не были блестящими, но знаний хватило, чтобы заметить в этих словах связь с ним. Так, в одной из песен охотников за кабанами была очень интересная строчка: «Кабанья пядь, ни дать ни взять, кончалась у болот. А кто туда пойдёт – конечно, пропадёт. Акме! Пусть синим пламенем горит кабан и Трандурит». Трандурит – герой очень многих старинных песен, бродяга, весельчак и славный малый, вместе с тем Лестор в живую не знал ни одного Трандурита, и даже хвостов

с подобными именами. Герой песен и сказок с незапамятных времён, а имя как будто исчезло из языка? Или оно не было имперским? И этот возглас «Акме!» – слишком похож на «Акмариун тер нобус», что можно перевести с запретного как «на законных основаниях». Эту фразу можно не раз встретить в текстах договоров с запретными. Лестор тщательно записывал всё, что ему казалось странным в этой книге, а также свои догадки.

Погружённый в мысли, историк машинально увиливал от несущихся на механических шариках хвостов, уступал дорогу низколетящим в личноскопах, обходил уличных мальчишек с их товарами и не замечал навязчивой рекламы. Днём светить огни было не принято, но небольшие механические иллюзии то и дело порхали перед носом. Это были просто лучи, которые брали своё начало на большой рекламе, они перемещались в разные стороны, и текст рекламы вполне мог оказаться прямо перед носом хвостова. Отмахиваться от них было бесполезно, так что на них старались просто не обращать внимания. Для тех же, кто в больших городах бывал редко, подобные штучки были настоящим представлением, нередко можно было наблюдать хвостов, которые стояли чуть в стороне и следили за рекламными иллюзиями посреди бела дня. Но и их Лестор старался не замечать. Это было странно, но он чувствовал смущение, глядя на подобных хвостов. Он и сам был из маленькой деревушки в центре Империи. Деревня была сытой, уютной, как и весь центр Империи, но далёкой от механических новшеств. Даже механические шары считались лишь детской забавой, а никак не необходимостью. Не то чтобы Лестор стеснялся своего происхождения, нет, он просто всегда чувствовал себя другим. Но, вспоминая жизнь в деревне, юный ученый понимал, что и тогда он не был к месту. От самокопания историка отвлёк довольно грубый толчок в бок.

– Газету? – буркнул толстый рыжий мальчишка.

Лестор удивлённо посмотрел на него. Да ведь это тот самый парнишка, что обратил на себя его внимание в памятный вечер составления плана псевдопохищения принцессы!

Рыжий поднял на него маленькие недовольные глазки:

– Газету, господин? Последние новости жизни Империи. Механик Ред презентует механикокарту. Немного угля – и вот вы уже не собьётесь с пути. Изобретение доступно для широких масс. Новости сельского хозяйства: механические дожди...

Мальчик мог бы продолжать пересказывать содержание газеты, если бы Лестор не остановил его.

– Да, я куплю газету.

– Два сивых, – так же недовольно буркнул рыжий.

Лестор достал мелочь и взял газету. Мальчик сразу же забыл о существовании историка и стал смотреть совсем в другую сторону.

Лестор, оглядываясь, направился к «Пьяному дракону». На этот раз любопытство сослужило хвостову плохую службу, и он споткнулся, полетев прямо на брусчатку. Газета выпала, а из неё с металлическим звоном небольшое кольцо, похожее на браслет. Лестор встал на четвереньки и пополз за кольцом. Хвостовы удивлённо покручивали хвостами, но ничего не говорили. Наконец-то, Лестору удалось схватить украшение, и он поднялся на обе ноги. Юноша рассмотрел свою находку. Ничего необычного, такие кольца использовались для записи на них информации в карманных переводчиках. Лестор даже немного расстроился, скорее всего, кольцо было просто вложенной в газету рекламой.

– Кажется, вы потеряли газету, – протягивал молодому ученому газету незнакомец, закутанный в дорожный плащ по самую голову. Лицо же было скрыто тенью от широких полей шляпы.

Историк не успел ответить, как незнакомец растворился в толпе, оставив его с газетой в одной руке и кольцом в другой.

Если бы не заинтриговавший Лестора рыжий мальчишка, возможно, он бы не увидел в этом случае ничего странного. Но теперь историк чувствовал себя чуть ли не героем древнего эпоса, ну, или хотя бы детектива. Время было обедать, потому он решил разобраться со всем этим в своей тихой библиотечной башне.

В «Пьяном драконе» уже сидел Астер, заигрывая с официантками.

– Ах, мой учёный друг! Опять за книгами забыл, когда хвостовы обедают? – широко улыбаясь, поприветствовал Астериус историка.

Лестор, закрутив хвост кольцом, крепко пожал протянутую ему руку и сел за стол.

– Итак, завтра двор во главе с принцессой Рейной отправляется на остров Лося. Ты уладил дела с главным историком?

– Да, я сказал, что это прекрасная возможность поискать материалы в библиотеке Териусов. Никаких препятствий, как и предполагалось, не возникло.

– У тебя в руках газета, что в ней есть такого, чего нельзя узнать из многочисленной корреспонденции в библиотеке?

– Сам не знаю, что на меня нашло, но решил купить, – смущённо промолвил Лестор и развернул газету.

Это оказалась самая что ни на есть простая газетёнка под названием «Механические новости».

– Никогда такой раньше не встречал, – заметил Астер и тут же переключился на подошедшую официантку. – Лилит, ты сегодня даже прекраснее, чем всегда. В чём твой секрет?

– Мой секрет в запахе бараньей ноги, которую сегодня приготовил повар. Когда «Пьяный дракон» заполняется этим запахом, ты всегда говоришь, что я прекрасней, чем обычно, – надув губки и игриво повиливая хвостом, ответила официантка.

– Ничего не могу с собой поделаться, принесёшь мне эту ножку?

– А вам? – спросила официантка у Лестора.

Историк сделал заказ и вернулся к газете. Но Астериус не дал ему спокойно почитать. Он начал шумно вздыхать и вилять хвостом, всем своим видом показывая недовольство и привлекая внимание своего учёного друга. Лестор убрал газету и, наконец, к радости Астера, включился в разговор. Они обсудили мелкие детали завтрашнего отъезда из дворца. Лестор получил приглашение ехать верхом вместе с капитаном и согласился на него. Для историка он весьма

неплохо держался в седле. Также Астер попросил друга держать хвост кольцом и не смотреть под копыта во время пути. Лестор лишь улыбнулся, Астер был хорошим и честным малым, но глубоко в корень он никогда не зрил.

После обеда друзья вместе пошли через площадь, направляясь во дворец.

– Астер, ты когда-нибудь обращаешь внимание на мальчишек с газетами?

– Я и сам таким был, так что да, обращаю. Я вообще люблю смотреть по сторонам, никогда не знаешь, какой сюрприз может тебя ожидать. Вот когда я продавал газеты, убегая из приютской школы, я всегда внимательно смотрел во все стороны, выглядывая тех, кому нужны и не нужны газеты. От этого во многом зависело моё будущее и качество ужина.

– Ты никогда не говорил, что ты вырос в приюте.

– А ты и не спрашивал. – Астер замолчал, но Лестор хотел закончить начатый разговор.

– Как же ты оказался в друзьях у принцессы?

– Кроме продажи газет, я отлично воровал яблоки, – улыбаясь, ответил капитан, – а принцесса Рейна та ещё сорви голова была. Мы столкнулись в одном саду. Она гостила в летнем доме тётушки Сюзанны, там же оказался и я. Нас с приютскими вывезли к морю летом, когда мне было лет десять. А я очень хотел увидеть море, даже оставил ради этого продажу газет. Вообще-то я копил на взнос в гвардию, ведь за меня это никто не мог сделать. Я с детства решил, что стану военным. Конечно, я не предполагал, что стану сразу капитаном, думал, быть мне солдатом. Но разрази меня рога Оленя, если во мне есть хоть капля дара предсказателя! В общем, оказавшись на море, я решил, что персики – самый чудный фрукт, который я пробовал. И решил залезть в чей-нибудь сад, рассудив, что много все равно не съем. Сад оказался собственностью тётушки Сюзанны. Я переоценил свои силы и, наевшись персиками до отвала, уснул прямо под объединенным кустом. А с утра тётушка Сюзанна решила насладиться запахом моря и персиков. Наткнулась на перемазанного соком спящего мальчишку. Узнав, что я приютский, хозяйка сада не стала сердиться, а взяла меня к себе. И этим же летом я познакомился с принцессой.

Можешь смеяться сколько угодно, – притворно строгим голосом обратился Астер к пытающемуся сдержаться Лестору, – но я вынес из этого ценный урок. То, что ты считаешь плохим поступком, не всегда им является. Иногда поступать по зову сердца, хвоста или живота, не думая о том, что скажут другие, полезно и приводит к положительным результатам. Воровать, конечно, плохо. И похищать хвостов тоже не очень хорошо, но ведь главное – под каким углом на это посмотреть. Можно много вещей назвать плохими именами, но суть их от этого не испортится. Вот я собрался похитить принцессу. Но она сама не против и попросила об этом. Название для преступления и приключения будем одним и тем же, но совсем разный состав.

– Да ты филолог, мой друг. Философия формы и смысла не одну сотню лет занимает головы учёных.

– Всегда знал, что не дурак, – по-мальчишески самоуверенно скрутив хвост кольцом, ответил Астер.

– Кстати, ни разу не видел, как ты ешь персики.

– Ну, тётушка Сюзанна не сразу сменила гнев на милость. Прежде чем простить меня и даже полюбить, она заставила меня доесть персики со всего куста. С тех пор я их видеть не могу.

Тут уже Лестор не мог сдерживаться и, закрутив хвост кольцом, рассмеялся во весь голос.

Вернувшись в свою библиотечную башню, историк наконец смог просмотреть газету «Механические новости» и начать разбираться с загадочным кольцом.

Вставив кольцо в переводчик, Лестор нажал кнопку старта и приготовился услышать жуткую тайну. Однако этого не произошло. Сначала послушались шумы и шорохи, характерные для старых пластинок, проигрывавшихся на патефонах, а потом понеслись звуки песни. Незнакомый певец распевал театральным голосом какую-то балладу на запретном языке.

Признаться, Лестор испытывал благоговение перед запретными, потому для него было очень странно слышать песню, которую исполняли таким пафосным и наигранным голосом. Даже хвост стал раскачиваться из стороны в сторону, что было признаком смущения или того чувства, когда тебе стыдно не за себя. Познаний языка запретных Лестору явно не хватало, чтобы перевести текст дословно. Но смысл он смог уловить. Неизвестный певец пел о любви благородного хвостова к пастушке. Сложные обороты, выражающие пламенные чувства, трудно было перевести, но догадаться можно было. Вообще, историк не любил догадываться, лучше знать наверняка, но ничего лучше он сделать не мог.

Прослушав песню с кольца ещё пару раз, Лестор обратился к газете. Она была ничем не примечательна. Юноша особенно внимательно просмотрел объявления, ведь всем известно, что некоторые преступники используют их для связи с друзьями, но и в них не было ничего интересного.

Тем не менее история с газетой казалась историку странной, потому он решил использовать логаритм. Логаритм – это нечто наподобие логического анализа, одного из методов изучения единства фактов и догадок относительного одного и того же происшествия в одном и том же времени и пространстве. Этот метод изучают на первом курсе Академии. Все первокурсники должны прологаритмировать бородастую байку, известную всем хвостовам с детства: «Один хвостов, путешествуя налегке, заблудился в лесу и угодил в болото. Утопая в тине, он успел ухватиться за ветку росшей рядом сосны. На сосне сидел филин. Он проухал три раза, и незадачливый путешественник смог выбраться из болота. А всё потому, что хвостов жутко боялся крокодилов». Эту нелепую байку зачастую хвостовы использовали, чтобы уйти от ответа. Стоило начать её рассказывать, как она обрастала новыми и новыми подробностями и фактами, что позволяло хотя бы на время отвлечь собеседника. Некоторые особенно дерзкие дети пытались на уроках рассказывать о незадачливом путешественнике учителям, но обычно за подобной выходкой следовало суровое наказание.

И вот первокурсникам нужно было эту историю разложить на факты и домыслы и прийти к однозначному выводу. В некоторых случаях однозначного вывода не получалось. Тогда двузначный стоило тоже прологаритмировать, и в итоге прийти-таки к однозначному ответу. Если вернуться к байке о путешественнике, то вывод был таков: путешественник нёс в рюкзаке отрубленную голову. Вспомнив, что из всего класса к такому выводу пришло только трое, в том числе и Лестор, историк довольно скрутил хвост кольцом.

Итак, был рыжий мальчишка, которого Лестор видел два раза, газета и кольцо для карманного переводчика. На кольце записана любовная баллада на запретном языке. Газета – обычный предмет из жизни хвостовов Ойокумена. Это факты. Мальчик был подозрительным, незнакомец, закутанный в плащ, действительно вернул газету Лестору – это домыслы. Такие кольца не могут быть вложением в обычную газету на всеобщем языке, ещё один факт. Хотя Лестор газетных колец не встречал, но нет полной уверенности, что такое не встречается на границе государств. Значит, у него были факты, домыслы и возможность. Логаритм перешагнул базовый уровень, становясь сложнее. Лестор нахмурился – чем сложнее логаритм, тем ненадёжнее вывод. Возможность – не постоянная и даёт только половину от факта или половину от домысла. Четыре однозначных факта, два домысла и одна возможность. Значит, вывод имеет отношение к фактам и состоит в том, что Лестор имеет газету с кольцом, а рыжий мальчик, возможно, не местный. Полностью выпадал незнакомец как несущественное. Он был домыслом. Но существовала возможность, что незнакомец вернул ему не ту газету, которую продал рыжий мальчишка. Тогда в логаритме появлялось две возможности. Четыре факта, два домысла, две возможности. В таком случае логаритм было невозможно закончить. И Лестор понял, ему нужно купить ещё одну газету у мальчишки, тогда можно будет составить два логаритма, совместить их и получить вывод.

Помня, что он видел маленького продавца газет поздно вечером, историк быстро собрался и пошёл на набережную Лосьвы – реки, протекавшей через столицу.

Рика неспешно шла по саду своей тётки Мирабель. Они поздно поужинали, и девушка в задумчивости приближалась к механической повозке, которая должна была отвезти её во дворец.

Она вновь прокрутила в голове встречу с тётей.

Мирабель, удивительно красивая, с удивительно холодными жёсткими глазами, приняла племянницу в библиотеке.

– Вы не будете против, если нам накроют в саду? Сегодня чудесный вечер.

Рика была не против. Мирабель предложила подождать немного и, если племяннице интересно, пока осмотреть библиотеку.

Рика, повиливая хвостом, недобро уставилась на тётку. Мирабель смотрела на неё с откровенной неприязнью, но на губах играла приятная улыбка. Хвост под длинным платьем был почти невидим.

– Вы с Серым любовники? – неожиданно задала вопрос девушка.

– Рика, это не вашего ума дела, – безапелляционно ответила Мирабель. – Вы должны понимать, что наше общение преследует лишь одну цель. Твой брат, Рика, интересуется меня гораздо больше, чем удовлетворение праздного любопытства девицы из стайки принцессы. Если бы хвостовы из её окружения обладали хоть долей проницательности своей принцессы, придворная жизнь была бы намного проще. Впрочем, это никому не выгодно.

Мирабель встала и подошла к одной из полок.

– Посмотрите, Рика, это одно из первых изданий Гонсала Риго, стихи, которые переживут всех нас. Когда надписи на могильных плитах с нашими именами сотрутся, а от нас не останется и горстки пыли, эти стихи по-прежнему будут жить.

Хвост Мирабель скрутился в едва уловимое кольцо и тут же вновь повис, скрывая от посторонних глаз движения души красивой хвостовы.

– Вам нравится поэзия?

– Да, хотя живопись привлекает больше.

– Возьмите эту книгу, Рика, вам понравится.

Девушка была сбита с толку, потому молча взяла предложенный поэтический сборник.

Вошёл слуга и пригласил дам в сад. Мирабель как ни в чём не бывало взяла племянницу под руку, и они двинулись к столу, где их ждал ужин.

Во время трапезы стушевавшаяся Рика молчала, потому разговор начала Мирабель.

– Как часто вы видите с братом?

– Каждый день. Хотя нам не всегда удаётся перекинуться хотя бы парой слов, – честно ответила Рика.

– А вы никогда не составляете ему компанию по вечерам? Может, он берёт вас с собой куда-нибудь?

– Нет.

За столом воцарилось молчание. Рика думала, зачем это ей проводить больше времени с Никки. Даже в детстве они не были особенно близки. Их отношения всегда были ровными и мягкими. У каждого была своя жизнь, свой маленький мирок, где комфортно было одному. Хотя, пожалуй, можно отметить, что, с тех пор как Никки вернулся со службы, он стал холоднее, но Рика не обращала на это внимание, как-никак армия меняет людей, да и день Никки стал куда более насыщенным.

– Как я уже говорила, ваш брат неправильно расставил приоритеты и связался не с той женщиной, – продолжила Мирабель, разрезая ножом курицу. – Смертельной опасности нет, но эта связь может иметь неприятные последствия, – хвостова отправила в рот кусок и закончила фразу, – для всех.

– Тётушка, меня пугают и немного раздражают недомолвки, – чуть заметно виляя хвостом, ответила Рика.

– Так и должно быть. Дело в том, что у меня есть лишь подозрения и слухи, ничего конкретного. Потому я прошу тебя о помощи. Попробуй прояснить ситуацию.

Хвост Мирабель яростно скручивался под тяжёлыми складками вечернего платья, но об этом знала лишь его владелица.

– Я буду с тобой откровенна. – Немного помолчав, Мирабель продолжила: – Настолько откровенна, насколько мне позволяет моя натура. Никки любит поэзию, я встретила его на одном светском закрытом вечере. Это удивительные встречи, поэты читают свои стихи, актёры читают новые и старые произведения, и все в масках. Вечера проводятся каждый раз в новом месте. Можешь считать это закрытым клубом. Не скажу, что на них всё происходит как на детских утренниках. В конце концов, ты взрослая девушка и понимаешь, что будь всё просто, не нужна была бы таинственность. Как я уже говорила, все в масках. Но некоторые не считают нужным скрывать свои личности, их можно легко узнать. Может, ты слышала о Карине из Белой Долины?

Рика кивнула. Кто не знал Карину, или Белую даму? Её происхождение было загадкой, Белая Долина – лишь прикрытие, ведь это всего лишь деревенская местность, располагающаяся далеко от столичной суеты. Там не было крупных городов или сколько бы то ни было значимых хвостов, если угодно, хозяев местности. Зато слухи о том, что в Белой Долине находится обитель Голубки, были. Голубка – божество из пантеона имперцев, единственная женского рода. Считалось, что жрицы Голубки по-прежнему занимались магией, не обращая внимания на механический прогресс. Таинственные маги, деревенские колдуньи, даже травницы поклонялись Голубке. Особой силой обладали те, кто прошёл школу обители Голубки из Белой Долины. Карина, согласно слухам, была одной из них. Многие девушки считали её просто куртизанкой и скручивали хвосты, когда слышали её имя, но старались держать себя в руках, если вдруг встречали её в живую. То, с какой ловкостью Карина заводила друзей в любых кругах, её способность сохранять дружбу с любым мужчиной после всего, что у них было, поражало молодых девушек и заставляло чувствовать недовольство более опытных хвостов. Неоднозначная репутация с красивой в придачу внешностью делали Белую даму одной из самых интересных личностей столицы. Говорили, что Карина помогала там, где была бессильна механика, причём для неё не было особой разницы, кто просит помощи: представители знати либо же простые горожане. Пожалуй, простым хвостам было лишь труднее встретить Карину.

Рика все эти слухи знала, так как стайка принцессы нередко сплетничала, а Рейна любила повторять, что они всего лишь пытаются постичь истину.

Мирабель немного подождала, побалтывая вино в бокале. Решительно допив его, тётушка продолжила:

– Я стараюсь на этих вечерах быть неузнанной, потому Никки меня не заметил. Он из раза в раз появляется в обществе этой девки из Белой Долины, – хвост Мирабель яростно качнулся из стороны в сторону. Рика была ошарашена вспышкой гнева, которая так некрасиво искривила лицо прекрасной тётушки. – Прости меня за мои слова, – взволнованно прошептала та. Доля секунды – и она снова смотрит ясным холодным взглядом, а на губах играет приятная улыбочка. – Если их отношения даже просто дружеские, это опасно.

Рика непонимающе улыбалась. Ну, связался её брат, томный светский красавец, с куртизанкой, делающей вид, что она самая настоящая колдунья, ну и что в этом страшного? Видимо, мысли Рики отразились на лице, и потому Мирабель продолжила:

– Я слышала всё, что говорят про Белую даму, и поверь, слухи не отражают и десятой части того, что она на самом деле из себя представляет. У тебя нет причин доверять мне, я знаю, но, Рика, я уверена, что твоему брату грозит опасность.

Немного помолчав, Мирабель продолжила, переходя на еле слышный шёпот:

– Я знаю, что творится в обители Голубки. Когда-нибудь я тебе всё расскажу, но, если ты решишь довериться мне, ты сама всё узнаешь. А это лучший способ поверить кому-либо.

Лицо Мирабель ужасно побледнело, а хвост яростно метался из стороны в сторону.

Рика удивлённо вскрикнула, а хвост неприлично взлетел вверх.

– Эти женщины не просто деревенские ведьмы, – глаза Мирабель блеснули в сгущающейся тьме вечера, – они... сильнее, – видимо, женщина не могла или не хотела закончить свою мысль по-другому.

Рика испуганно кивнула головой и резко отпила вино из своего бокала. Девушка оглянулась. Сад был тих и спокоен, цветы уже засыпали, закрывая свои прекрасные бутоны. Небо было фиолетовым, и можно было уже рассмотреть первые звёзды. Ничего вокруг не говорило о чём-то дурном и неприличном. Мирабель привычно холодно смотрела на всё, что попадалось ей на глаза, её пальцы, сжимавшие ножку бокала, не были напряжены. Обычная светская дама, у которой есть тайны. А у кого их нет? Наваждение, нахлынувшее было на Рика после откровений тётушки, постепенно сходило на нет. Девушка старалась не смотреть на свою собеседницу. В конце концов, она была права, есть лишь слухи и догадки. В них нужно было разобраться, но бояться нечего.

– Что же нам нужно сделать? – пригнув хвост как можно ниже, спросила Рика.

– А вам нужно, дорогая племянница, почитать сборник, который я вам дала. Стихи гораздо приятнее читать при свете свечи.

Немного помолчав, Мирабель добавила:

– Вам будет к лицу сиреневый цвет. Спасибо за прекрасный вечер, – очаровательно улыбувшись, тётушка встала, давая понять, что ужин закончен.

Белый пар, смешиваясь с туманом, пришедшим от Лосьвы, весёлыми клубками покрывал колёса механической повозки. По пути ко дворцу повозка резко вильнуло вправо, а посмотревшая в окно Рика увидела торопливо идущую фигуру. Чуть свистнув, пар перестал выбиваться, и повозка остановилась, они подъехали ко дворцу.

Девушка поёжилась и, прибавляя шаг, поспешила в свои комнаты. Переодевшись, Рика уютно устроилась в своей кровати и стала листать сборник стихов Гонсало Риго. Одна из страниц оказалась вырванной, Рика решила прочесть, что там. Подвинув ближе свечу, которую зажгла, следуя совету тёти, девушка стала всматриваться в поблёкшие чернила.

Рика усмехнулась, справедливо посчитав Гонсало несколько экзальтированным поэтом, влюблённым больше в себя, чем в ту, которой посвящены стихи. Вдруг чернила на пожелтевшей от времени странице стали искажаться и исчезать. Рика испуганно вскрикнула, хвост полетел влево, а руки вместе со страницей подальше от свечи. И вот уже текст изменился.

Собрание поэтического клуба пройдёт в среду в 23:20 в библиотеке по адресу Девелиш Рей 13. Как всегда, ваши птички должны быть при Вас.

Значит, завтра. Рика только успела прочитать один раз таинственное послание, как на его место снова вернулось стихотворение. Немного успокоившись, девушка подвинула свечу ближе – пара минут, и приглашение вновь на месте стихотворения.

Хвостова прочитала приглашение несколько раз, повторила вслух, чтобы проверить, как хорошо она его запомнила, и вернула страницу в книгу.

«Значит птички... Должно быть, это опознавательный знак».

Рика вспомнила, что сегодня на тётушке была рубиновая брошь жар-птица.

«Что ж, у меня есть замечательные серьги-птицы с голубыми опалами», – удовлетворенно заметила про себя хвостова.

С этими мыслями Рика задула свечу, улеглась на подушки и стала засыпать. Сквозь сон девушка вдруг вспомнила, что эти серьги привёз ей брат из своего путешествия в Запретные земли.

*Цветы войны сплелись незримо
В руках трепещущих твоих.
Мой дух зовут неодолимо
Туда, где шёпот лишь чужих
Губ услышать можно.
В той темноте мне места нет,
Прошу, будь осторожна,
Не пропусти в движениях планет
Рубиновую Марса вспышку
И лишь тогда пускай по ветру
Цветы, что опускала ты на крышку
Моей любви, что больше нету.*

Глава 4

Лестор проснулся не выспавшимся. Он час, если не больше, ходил по той части набережной, где ранее встретил рыжего мальчишку с газетами. Но, видимо, мальчик перестал продавать газеты по ночам, потому историк его не так и встретил.

Сегодня Лестор не планировал куда-либо выходить из своей башни. Времени до поездки на остров Лося оставалось всё меньше, а работа продвигалась медленно. Слишком много мифов и преданий и слишком мало фактов.

Решив позавтракать у себя в башне, историк собрал сумку и поспешил пересечь двор, отделявший его скромное жилище от императорской библиотеки. Вообще, дворец императора был огромен, так как по традиции там проживало множество людей. Библиотека стояла в некотором отдалении от основных построек. При ней находился корпус служащих, не имевших возможности или не желавших жить за территорией дворца. Лестор мог отнести себя и к тем, и к другим. Корпус библиотекарей, как он назывался, представлял из себя семь двухэтажных домиков, построенных ещё лет триста назад. Первый этаж каждого домика представлял собой круглую просторную гостиную с камином, там же располагалась кухня. Второй этаж делился на две части: спальню хозяина и спальню для гостей. За пользование библиотечарским домиком вычиталась небольшая сумма из зарплаты, и Лестора это устраивало. В других шести домиках проживали такие же выпускники Академии, как и наш историк. У всех была своя специализация. Так, Томас Иркмар был законным представителем для подписания договоров и работы с финансами, он был старше Лестора на три курса. Юлиайя была иллюстратором, картографом и составителем схем и планов, старше историка на пять курсов. Вообще, Лестор был самым молодым жителем библиотечарских домиков. Те, кто обзаводился семьёй, покидали домики, перебираясь в город.

Астериус, будучи капитаном гвардии, тоже проживал на территории замка в подобном домике. Большинство простых гвардейцев проживали в городе, располагаясь в казармах лишь на неделю, так как несли службу не 24 часа в сутки каждый день месяца, а по неделям.

Большинство руководства императорской гвардии проживали в городе, оставаясь в замке по ночам лишь в дни своего дежурства. Надо полагать, что Астериус жил в замке, чтобы быть ближе к Рейне и другим светским красавицам.

Стайка принцессы проживала вместе с самой Рейной в ее флигеле.

Слуги и многочисленные работники: садовники, конюхи, плотники и многие другие жили в корпусе Север, как он назывался, вблизи императорского замка.

Кроме того, при замке был парк, озеро, сад и даже грот влюблённых. В целом замок был огромным, но приветливым и жизнерадостным.

Лестор тем временем, шурша гравием дорожек, приближался к библиотеке. Около входа он с удивлением заметил сестру Никки, которую видел несколько раз во дворце всегда в окружении других девушек стайки.

– Здравствуйте. Лестор? – полувопросительно-полуутвердительно сказала Рика.

Историк коротко кивнул. Его хвост слегка наклонился вправо, впрочем, как и хвост Рики. Лестор улыбнулся.

– Я вас знаю, вы Рика, сестра Никки.

– Да, совершенно верно. Я вижу, что вы торопитесь, но всё же прошу уделить мне немного времени, – смущённо произнесла девушка.

– Да, конечно, – растерянно ответил Лестор и замер на месте.

Тем временем Рика взяла историка под руку («Раз уж их хвосты показали явную симпатию друг к другу, почему бы и нет?» – подумала она) и повела спутника к библиотеке.

– Собственно, я хотела задать вам несколько вопросов по поводу библиотек. И хочу показать кое-что.

Лестор промолчал в знак согласия. Они зашли внутрь, и Рика пошла вперёд, ведя историка за собой.

– Вот, – показала девушка на большую толстую книгу.

Лестор закрыл её, удерживая пальцы на странице, где остановилась Рика. «История построек и зданий города Оленя» – прочитал название хвостов.

– Что конкретно вы хотели здесь найти?

– Дело в том, что то, что я искала, не описано в книге. Может, вы мне подскажете, где я ещё могу поискать информацию об устройстве города?

Лестор понял, что девушка не хочет быть откровенной до конца, что ж, её право.

– А вы уверены? Книга очень большая, она описывает историю застроек города, начиная с 500-летней давности.

– Да, Лестор, я уверена. Я пришла в библиотеку, когда только встало солнце, я здесь уже около трех часов и успела просмотреть, – немного замедлившись, Рика закончила, – ту информацию, что могла бы быть мне полезной.

Историк задумался.

– Вы можете посмотреть ещё работы мастера Аббара, они стоят в секции «Работы с 1280 г.». Правда, в то время город Оленя был всего лишь торговым городом на крупной реке, и населяли его преимущественно пираты и странствующие купцы. Но тогда уже стоял храм Оленя. Мастер Аббар был одним из первых его служителей и всю свою жизнь описывал растущий город, – Лестор, сам того не замечая, прижал хвост и перешёл на слегка снисходительный тон, совсем как профессора на лекциях в Академии.

– Спасибо, Лестор. Можно ли мне будет потревожить вас, если я и там не найду нужную мне информацию? – спросила Рика.

– Конечно. У входа в библиотеку стоит степосфон, просто наберите 43, и я к вам спущусь.

– Ещё раз спасибо, Лестор.

Неловкое молчание, воцарившееся было на несколько секунд, юноша прервал коротким кивком головы. После этого историк удалился, и Рика осталась одна.

Как только слегка сутулая фигура Лестора исчезла за дверью, девушка поспешила к секции работ с 1280 и принялась искать нужную ей книгу. Взяв в руки увесистый том авторства мастера Аббара, Рика прошла за свой стол.

Быстро пробегая глазами оглавление, хвостова нашла главу «Архитектура славного града на реке Оленя» и принялась за чтение.

«Как я уже упоминал, город Оленя – старое место, и хвостовы селились в этих местах тысячелетия назад. Примитивные культуры оставили после себя несколько архитектурных памятников, дошедших до наших дней в разной степени сохранности. Глаз Оленя всеведущ, он различает добро и зло в незримых простым смертным движениях хвоста, потому противные мирозданию постройки разрушаются быстрее. Только так я могу объяснить, почему от речной конторы, где заседали пираты, не признававшие Оленя, остался лишь фундамент. Камни фундамента конторы громоздкие и пористые, что удивительно, ведь пористые материал – не лучший для строительства. Согласно легендам и рассказам сторожилов, пираты, искавшие милости своих богов, да не будут они названы, привозили издалека странные камни, и из них общими усилиями возводилась контора. Она была высотой шесть фаландалов (один фаландал примерно 1,2 м.), выглядела неприступной, имела бойницы, маленькие окна и опускающийся мост. Контора стояла на острове посреди самой широкой части реки. Ныне этот остров всё больше скрывается под водой. Добраться до конторы можно было лишь на мелких лодочках, так как, хоть около острова река и была широкой, но глубины для больших судов было недостаточно. Контора служила местом для заключения сделок, поиска спутников, там же пиратам

и честным купцам могли дать кредит. Бумаги, как говорят, подписывались кровью. Потому каждый, кто нарушит договор, предстал перед судом богов и не попадал в страну вечного праздника, в которую верили те язычники».

Рика пролистала дальше, не став дочитывать про речную контору.

«В западной части города, где ныне находится ореховая роща Белки, когда-то стояла красивая усадьба купца, чьё имя не сохранилось в летописях. Зато есть имя его дочери – Зираэль Прекрасная. Отец так любил свою дочь, так гордился её красотой, что построил для неё дом невиданной красоты. Он был весь из белого камня, украшен лёгкими стройными башенками, внутри стояла только самая дорогая мебель, лучшие ковры, самые мастерски сделанные украшения и безделушки. Но пока купец отправлялся всё в новые и новые странствия, чтобы найти всё самое лучшее для убранства дома своей дочери, Зираэль оставалась одна. Хвостова сучала и однажды сбежала с заезжим бардом. Что случилось дальше с Зираэль, никто не знает. Прекрасная девушка исчезла. А купец, отправившись на поиски своей ненаглядной дочери, и сам сгинул. Белая усадьба осталась без хозяев, и время принялось за свою работу. Дом разрушился, убранство было разграблено, и сегодня от него лишь остались стены, кое-где сохранился потолок, но и его дни сочтены».

«Опять не то», – подумала Рика и снова принялась листать книгу. На глаза ей попадались описания разных построек, но ни в одном из них хвостова не могла разглядеть и намёка на загадочную библиотеку на Девелиш Рей 13. Дело в том, что Рика не нашла на мехакнико-карте этого адреса. Это изобретение было очень удобно. Сделанная из лёгкого металла, который сворачивался в трубочку, как и обычная бумажная карта, она хранилась в специальном футляре. Металл после специальной обработки оставлял на себе отпечаток всей информации и, если в нём был заряд, мог её отображать. Футляр от карты можно было подсоединить к любой угольной батарее. Такие батареи обычно располагались в харчевнях и административных зданиях, иногда даже на почтах. Были они и в домах хвостовов. Но вот для транспортировки угольные батареи не годились из-за своего веса и объёма. Заряда футляра хватало на неделю. По крайней мере, это обещала реклама Механика Реда. Рика никогда не отдалялась от мест, где есть угольная батарея, на целых семь дней, потому не могла знать, правда это или нет. Зато она знала, как ей пользоваться. Достав из футляра тёплую карту, нужно было выбрать город, а в городе нужную улицу либо ближайший объект наподобие храма, харчевни, парка. И карта отображала искомый объект и всё, что находится вблизи от него. Если же требовалось посмотреть карту местности, можно было открыть только город, или междугородье, или пустынные земли.

И вот даже это чудо механики не смогло найти Девелиш Рей 13.

Рика подумала, что, возможно, улицу переименовали, а в приглашении указано старинное название. Решив не обращаться к тётке за помощью, она бы просто не вынесла её презрительно-снисходительного вливание хвостом, девушка пошла в библиотеку, решив, что уж там точно есть информация о старых названиях улиц. Но Девелиш Рей не нашлось. Тогда Рика решила, что это зашифрованное название, и предприняла попытку дешифровки при помощи работ старого мастера. Но опять потерпела неудачу.

Девушка задумчиво скрутила хвост крючком и принялась думать, что же ещё может означать Девелиш Рей. Сборник Гонсало Риго хвостова пролистала ещё лёжа в постели при лучах последних звёзд, спалось ей плохо, что было вполне логичным, слишком уж насыщенный получился день. Но никаких намёков на Девелиш Рей там не было.

Что ж, видимо, придётся вновь обратиться к Лестору.

Рика подошла к степосфону и набрала 43. Спустя минут семь показалась сутулая фигура историка. Доброжелательно повиливая хвостом, он подошёл к девушке.

– Мне крайне неудобно беспокоить вас вновь, но, похоже, в работе мастера Аббара нет того, что я ищу.

– А что вы, собственно, ищете? Если бы у меня было больше информации... – Лестор запнулся, явно не зная, как закончить фразу, оставшись в рамках приличий.

Рика, посмотрев в окно, произнесла:

– Я бы хотела, чтоб это осталось между нами. Вы обещаете? – строгие карие глаза внимательно уставились на историка.

– Конечно, у меня и в мыслях не было кому-то рассказывать о нашей встрече.

– Я ищу одну библиотеку, которой нет на карте, в книгах она тоже не упоминается. У меня есть адрес, но он тоже несуществующий. Вы когда-нибудь слышали об улице Девилиш Рей?

Лестор странно вытянулся, а его хвост метнулся из стороны в сторону.

– Да, слышал. Но только не в этой стране.

Хвост Рики скрутился в большое кольцо в предвкушении продолжения.

– В Запретных землях есть храм всех богов. Когда я заходил в него, мне показали множество этажей. На одном из них был закуток. Чтобы попасть туда, нужно было пройти огненную арку, но чужеземцев, да, похоже, и многих запретных, туда не пускают. Когда я подошёл ближе к арке, в огне явно показалась надпись на запретном языке: Девелиш. А «рей» в переводе означает «улица».

– Вы знаете запретный язык? – удивилась Рика.

– Нет. То есть отчасти. Вы же понимаете, нет учителей по нему, запретные не хотят, чтобы... – опять смутившись, Лестор не знал, как закончить фразу, но, похоже, Рика не придала этому значения, потому как её хвост превратился в тонкую прямую стрелу, что означало, юноша был почти в этом уверен, что девушку настигло озарение.

– Большое вам спасибо, Лестор, рада буду вас как-нибудь увидеть.

С этими словами Рика выскочила из императорской библиотеки и пошла быстрым шагом по дорожке, посыпанной гравием.

Лестор, решив, что это не его дело и, скорее всего, как-то связано со свиданиями, поднялся наверх в свою башенку. Странно, что девушки, так любящие загадочность и таинственность, ценят только подделки под тайны. Нет, Лестор не понимал ни принцессу Рейну с её желанием быть похищенной хвостом, которого она знает с самых юных лет, ни Рикку, бегущую в библиотеку, чтобы выяснить, где пройдёт какая-то загадочная встреча. При ближайшем рассмотрении Девилиш Рей – Огненная улица, и такое придумать мог только тот, кто был в храме всех богов. Каждый в городе Оленя знал, что в него могут попасть только гвардейцы или купцы. И кто же мог привлечь юную красавицу из свиты принцессы? Может, такой же хвостов, что привлёк и саму принцессу?

Перестав размышлять на эту тему, Лестор вернулся к своим книгам.

Зарывшись в книгах, он напроочь забыл про обед и очнулся лишь ближе к шести вечера. Днём небо затянуло серыми тучами, как-никак приближалась осень, потому историк не очень удивился, что не заметил, как день перешёл в вечер. Возможно, механикоокно помогло бы ему в данной ситуации, но он слишком любил круглые пыльные и стеклянные окна башни. Подумав, что рыжий мальчик ещё может быть на улицах города, историк собрался и пошёл на набережную.

У реки Оленя, как всегда при приближении ночи, стало шумно илюдно. Личноскопы сновали тут и там, мальчишки на механических шариках ловко протискивались сквозь толпу, лихо тормозя перед потенциальными покупателями своих товаров. Лестор, как всегда, почувствовал себя не к месту, потому пониже опустил голову, засунув руки в карманы. Быстрым шагом историк шёл к тому месту, где видел рыжего продавца газет. Мальчика опять не было на месте. Эта история начинала нервировать Лестора. Он решил, что, возможно, перепутал, и рыжий мальчик стоит себе, как обычно, совсем у другого здания серого цвета. Окинув взглядом трехэтажный дом, в котором располагались театр теней, ресторан и магазины, Лестор постарался точно вспомнить местоположение рыжего. Там явно не было вывески театра теней. Хвостов,

вжав голову в плечи, двинулся дальше, осматривая по пути все серые здания. Но ни у одного из них не стоял толстый мальчик с газетами. Вдруг в арке мелькнула рыжая голова. Лестор резко остановился, в спину хвостова влетел кто-то, чертыхнулся и пошёл дальше. Мужчина не обратил на это никакого внимания, поспешив за рыжей головой. Толпа, как назло, стала ещё гуще. Толкаясь и виляя, как угорь, историк следовал к своей цели. Вот он уже в арке, от круглых каменных стен которой приглушённо отражались голоса и смех из толпы. Народу стало меньше, но рыжий, похоже, тоже куда-то спешил и удалялся от историка. Лестор прибавил шагу. Арка вывела его на узкую улочку, освещённую тусклыми механическими факелами. Странно, что в центре столицы еще были улицы, не освещённые прожекторами. В улочке почти не было народа, появилась возможность оглядеться, но владелец рыжей головы куда-то запропастился. Лестор пошёл прямо, внимательно рассматривая немногих хвостов, оказавшихся у него на пути. Улица привела к арке, за которой совершенно явно находилась набережная, оттуда неслись звуки множества голосов, смеха, криков уличных торговцев. Лестор прошёл сквозь арку, но рыжего мальчика поблизости не оказалось. Зато он снова попал в водоворот толпы. Выбравшись, Лестор снова юркнул в арку, оказавшись на тихой улочке. Решив пройти ещё немного по ней, он двинулся вслед за причудливыми изгибами плохо освещённой улицы.

Через минут пятнадцать Лестор понял, что поиски рыжего продавца газет закончились фиаско, его нигде не было. Да и не могло быть на тихой улице. Нужно было возвращаться в шумный центр. Вздыхнув, Лестор развернулся и двинулся обратно. По крайней мере, он так думал.

Рика в сиреновом с серебряной отделкой платье вышла из закрытого механического фиакра. Она специально не назвала точный адрес, намереваясь дойти до Девилиш Рей 13 пешком. Огненная улица, поэтичное название. Кажется, она как-то слышала это название от Никки, но про что он рассказывал, Рика не вспомнила. Поправив опаловые серёжки, девушка, слегка виляя хвостом, отправилась к таинственной библиотеке. Она остановилась в тёмном углу и осторожно посмотрела на нужную дверь. Вообще, здание по адресу Огненная улица 13 было не особо заметным, находилось в западной части города среди узких старых улочек. Вывески не было, зато была надпись «Библиотека», выложенная, видимо, ещё строителями из кирпичей. Надпись не выделялась на общем фоне. Дверь была сделана из какой-то дорогой породы дерева, Рика в этом не разбиралась, но было видно, что она значительно моложе самого здания. К ней только что подошёл хвостов в маске, он постучал, дверь как будто сама собой открылась, и незнакомец исчез в тёмном проёме.

Рика надела маску и торопливыми шагами направилась к библиотеке. Как только хвостова постучала, дверь открылась. Взволнованная девушка шагнула в темноту проёма. Дверь захлопнулась, мгновение, и вот уже Рику встречает хвостов в маске и с канделябром в руке.

– Добрый вечер, прошу следовать за мной.

Рика поспешила за своим провожатым. Он вывел девушку в небольшой зал, устроенный по типу амфитеатра. Рика с интересом оглянулась. С потолка свисала хрустальная люстра, уставленная свечами. В ложах сидели гости, некоторые ложи были пусты. Перед сценой стояло множество столиков. Некоторые были заняты, другие свободны.

– Вас кто-нибудь ожидает? – спросил хвостов с канделябром.

– Нет.

– В таком случае, – после пятисекундного размышления произнёс провожатый, – я посажу вас за один из свободных столиков.

Рика молча кивнула и вновь последовала за хвостовом в маске. Они прошли мимо столиков, уже занятых гостями библиотеки. Посетители негромко переговаривались и не обращали внимания на девушку в сиреновом с серебряной отделкой платье.

Рика села за указанный столик. Молча подошёл официант в маске совы и поставил перед ней тяжёлый серебряный кубок с красным вином, тарелку с фруктами и, поклонившись, ушёл.

Хвостова стала осторожно оглядываться, рассматривая гостей. Среди них были как мужчины, так и женщины. Все франтовски одетые, блистающие драгоценными камнями, у некоторых женщин были весьма внушительные декольте, и не всем, как заметила Рика, шли подобные вырезы.

В течение минут 15—20 собирались гости, постепенно зал заполнялся. Но всё же были и свободные столики, и пустые ложи. Одной из последних в ложу прямо напротив Рики вошла блондинка в замысловатой маске, закрывавшей верхнюю часть лица, а прекрасные губы, накрашенные яркой помадой, расплывались в соблазнительной улыбке, предназначавшейся то одному гостю, то другому. Её платье было сшито по последнему слову моды, дорогой бриллиант сверкал на лебединой шее, но всё же было в этой блондинке что-то, заставлявшее Рику чувствовать себя некомфортно, как будто её пытаются обмануть, пускают пыль в глаза. От наблюдения за блондинкой девушку отвлекло движение на сцене. Раздались жидкие аплодисменты, разговоры прекратились.

– Добрый вечер, милостивые господа и прекрасные дамы! Рад приветствовать вас на нашем очередном маленьком шабаше.

По залу прошлись смешки.

– Сегодня для нас прочтут одну из лучших поэм Гонсало Риего. Поэма, которая не вошла ни в один из известных сборников. Поэму, с которой великий поэт был похоронен. Не спрашивайте у меня, кто тот святотатец, что вырвал из мёртвых рук поэта его последнее творение, я не знаю. Зато знаю, что мы должны простить его за столь дерзкий поступок, ведь, если бы не он, в мире было бы меньше прекрасного.

Под конец речи конферансье активно вилял хвостом, чем заводил и публику. Даже Рика невольно поддавалась всеобщему мандражу и нетерпеливо ожидала выхода артиста на сцену. Он не заставил себя ждать. В костюме, который скорее подошёл бы балетному танцору, на сцену вышел чтец в маске тигра. Поведя хвостом из стороны в сторону, он стал неторопливо читать пьесу.

Рика совсем забыла, зачем она здесь, и просто пожирала глазами чтеца, она хотела слушать и дальше чарующие стихи того, про кого она ещё вчера ничего не знала. Но хвостова всё же почувствовала на себе чей-то взгляд. Осторожно повернув голову, Рика увидела, что её рассматривает блондинка в замысловатой маске. Рядом с ней сидел кто-то знакомый. «Да это же Никки!» – вдруг поняла хвостова. Стихи моментально утратили для неё очарование, и девушка принялась наблюдать за своим братом и его спутницей. Казалось, Никки так же увлечён поэмой, как до недавнего момента была увлечена и сама Рика. А вот блондинка явно скучала, то и дело хватая спутника за руку, что-то томно нащёптывая ему на ухо, играла своими светлыми волосами, дула губки, виляла хвостом. Но Никки лишь слегка улыбался в ответ и снова обращал всё своё внимание к сцене. Видимо, блондинка начала рассматривать присутствующих и задержала свой взгляд на Рике, что и почувствовала хвостова.

Наконец, Рика поняла, почему ей было неловко смотреть на незнакомку в маске. Это была Белая дама, та самая, о которой шептались в приличных домах и о которой рассказала ей Мирабель. Она хотела казаться светской дамой, но выглядела как светская куртизанка. Разница небольшая, отметили бы некоторые, но Рика, выросшая в высшем свете, интуитивно могла отличать настоящих аристократов от поддельных. И Карина из Белой Долины явно не была дочкой графа. Любовницей – возможно, но не дочкой и даже не двоюродной племянницей.

Внезапно чтец замолчал. Скрутив хвост кольцом, Рика оглянулась. Она поняла, что начинается антракт. Среди гостей вечера началось движение, нарастал гул, началось обсуждение. Рика, стараясь быть незаметной, продолжила наблюдение за ложей напротив.

В ней уже оказались гости. Никки вальяжно развалился на кресле с трубкой. Карина очаровательно улыбалась, прижимая изящные руки к полуголой груди, приветствовала гостей

ложи. Раздался смех. Никки лишь устало улыбнулся. Строго говоря, Рика не почувствовала, чтоб между её братом и Белой дамой было что-то серьёзное.

– Просту меня простить, вы позволите?

Рика удивленно посмотрела на то, как за её столик присел какой-то хвостов в маске орла.

– Позволите мне называть вас Дамой в сиреневом? – спросил незнакомец. – Меня же можете звать Орлом.

Тот, кто назвался Орлом, имел необычный акцент. Он кивком подозвал официанта, тот молча поставил второй серебряный кубок на столик и налил вина.

Рика молчала.

– Как вам пьеса?

– Такая же экзальтированная, как и все стихи Риего, – отпив вина, ответила Рика.

– Да вы весьма остры на язык. Не только красивая, но и умная.

– С чего вы взяли, что я красива? Моё лицо скрыто маской. Может, под ней скрывается большой нос, неправильный рот, кривые зубы и маленькие злые глазки?

Орёл засмеялся.

– Но точно так же под ней могут скрываться самые красивые глаза на свете.

– А что скажете про себя, господин Орёл? Вы красивы? Что скрывается под вашей маской?

– О, я с удовольствием не снимал бы маску никогда, моё лицо изуродовано шрамом. Но некоторые считают, что шрамы украшают мужчин.

– Вы врётё, – повернув хвост вправо, сказала Рика.

– Почему вы так решили?

Рика пожала плечами.

– Мужчины со шрамами не похожи на кисейных дам, считающих, что внешность – главное в человеке. И если с ней что-то не так, то лучше уж ходить всю жизнь в маске.

Орёл совсем по-кошачьи потянулся и ответил:

– Какой интересный разговор. А вы не похожи на большую часть здесь собравшихся. Или, может, дерзость – часть вашего очарования?

– Не думаю. Мне всегда казалось, что жеманство выглядит глупым, если не скрыт хвост. А я не люблю выглядеть глупой.

– Поверьте, кем-кем, а глупой вы не выглядите. А вот пришедшей впервые на тайное собрание – да.

– Это так. А почему, господин Орёл, вы так решили?

– Потому что вы, Дама в сиреневом, совсем одна. Вы не пошли в перерыве навестить знакомых, а просто рассматриваете ложу Белой дамы.

Рика нахмурилась, но собеседник этого увидеть не мог, ведь лицо ее было скрыто маской.

– Она любит внимание, – насмешливо произнёс Орёл.

– Я не знакома с ней, потому не могу этого знать, – ответила Рика.

– О, Карина напустила вокруг себя столько тумана. Вы, как умная хвостова, видимо, пытаетесь понять, что правда вокруг неё, а что просто выдумки. Как можете заметить, светские кавалеры – правда, красота – правда, а вот её магические способности – правда или ложь?

Рика начала беспокоиться, она очень переживала, что хвост её выдаст, потому поправила платье и холодно продолжила разговор.

– Давайте сменим тему, господин Орёл, так как меня совсем не интересует магия и её адепты.

Чуть заметно хвост Орла наклонился влево, он явно был недоволен, но либо совсем чуть-чуть, либо хорошо держал себя в руках.

– Как скажете, Дама в сиреневом. Тем более антракт подошёл к концу, чтец уже жаждет нашего внимания.

Действительно, разговоры вокруг стали утихать, а артист начал декламировать пьесу.

Рика же в это время думала, как ей быть. Проследить за Белой дамой и Никки? Но как? Она никогда подобным не занималась. Ещё и этот Орёл, чего он от неё хочет? И почему не ушёл за свой столик? Куча вопросов роилась в её голове, потому Рика совсем не заметила, как опрокинула бокал вина себе на платье. Девушка молча встала, знаками показала Орлу, что следовать за ней не стоит, и пошла искать дамскую комнату. Официант помог ей в этом.

Глядя на своё отражение в изукрашенном зеркале, Рика никак не могла решить, что делать дальше. Она почему-то совсем не подумала, когда собиралась на Девилиш Рей 13, что же ей нужно будет сделать.

Дверь со скрипом отворилась, кто-то вошёл в дамскую комнату. Рика испуганно повела хвостом и быстро оглянулась. Белая дама, в улыбке показывая безупречные зубы, подошла к зеркалу и достала помаду.

– Какие у вас красивые серёжки! Не поверите, мне точно такие же пытались подарить несколько месяцев назад, говорили, что они из Запретных земель. Но я отказалась. Опалы делают мою кожу слишком бледной.

– В последнее время много кто бывает в Запретных землях. А ещё больше вокруг врунов, желающих произвести впечатление, – взяв себя в руки, ответила Рика.

Белая дама рассмеялась.

– А вы остры на язык. Может, подниметесь в мою ложу? Мой спутник слишком увлечён творчеством Гонсало Риго, мне же он кажется претенциозным, потому я скучаю.

Видя, что Рика сомневается, Белая дама взяла хвостову за руку.

– Отказов не принимаю, – обворожительно улыбаясь и утягивая за собой девушку, произнесла Карина. Рике ничего не оставалось, как последовать за той, кого тётушка настоятельно просила остерегаться.

Лестор окончательно заблудился. И это было бы смешно, если б не надвигающаяся ночь. Историк не мог понять, как можно заблудиться в старом центре, как вообще возможно то, что попытка выйти из закоулков только приводит к новым закоулкам. Он давно перестал искать рыжего мальчика, ясно, что его тут нет и быть не может. Лестор решил двигаться на север, так как центральная набережная реки Оленя располагается именно там. Но пока стратегия не дала результатов, и историк не видел хотя бы смутно знакомых улочек, которые он мог в спешке пробежать парой часов ранее. Его окружали угрюмые двух- и трехэтажные дома, построенные задолго до рождения Лестора. Кое-где горели огни, но они совсем не выглядели приветливыми. Вжав голову в плечи, историк шёл за не двигающейся звездой, указывающей на север. Он размышлял о том, почему ему казалось таким важным довести логаритм до конца, и не мог найти удовлетворительного ответа. Самым очевидным было то, что Лестору просто захотелось почувствовать себя важным. Он завёл дружбу с гвардейцами, их жизнь казалась яркой, полной романтики и непредсказуемых поворотов. В то время как жизнь историка шла неспешно, без особых ухабин и извилин. Желание быть значимым, хвост Лестора ходил из стороны в сторону, затуманило такой академический разум. Он выглядел жалким глупцом. Лестор был недоволен собой, своими мыслями, домами вокруг и всем на свете. Поглощённый самокопанием, историк не заметил, как за ним появилось две тени. Довольно быстро стали различимы силуэты невысоких, почти детских фигур хвостовов, закутанных в плащи с головы до ног, и почти сразу же с приглушённым свистом на голову историку опустилась довольно тяжёлая дубинка. Теперь в голове Лестора не было ни одной мысли, там было темно, как в углу, откуда появились нападавшие.

То, что было

– И железные птицы будут проноситься над головами хвостовов. Они будут изрыгать пламя и дым, но не будет страха в сердцах, видящих это, лишь торжество мысли! Разум победит хвост, и никто не будет бояться выглядеть смешным и нелепым!

Хвост оратора ходил из стороны в сторону. Его глаза горели огнём. Но, однако, немногочисленные слушатели посмеивались и совсем не разделяли вдохновения оратора.

– А скажи, твои железные птицы будут срать обычным говном или железной стружкой? – раздался вопрос из толпы.

Народ приснул смехом, ответ оратора, вернее негодующий крик, потонул в общем шуме.

– Ладно, оставьте бедного сумасшедшего, ребята, идём дальше. Нам платят за обход этого свинарника, жители которого именуют его городом, а не за выслушивание местных пьяниц.

От толпы отделилось человек пятнадцать стражников, одетых в кожаные с железными вставками доспехи. Постепенно и остальные разошлись. Безумец остался один. Он был одет в грязный, когда-то белый балахон, его волосы были собраны в хвост, а борода топорщилась во все стороны. Однако достаточно было одного взгляда, чтобы понять, пьяницей он не был. Сумасшедшим возможно, но явно не буйным и не опасным.

Что-то бормоча, оратор задумчиво двинулся прочь от грязной площади, покрытой смесью соломы и навоза. Сегодня был базарный день, потому вокруг было полно людей, лошадей, коров, овец и Белка его разбери каких ещё блеющих и беззастенчиво гадающих под себя животных. Встречались спящие, с привычками, немногим отличающимися их от животных, хвостовы, успевшие отдать должное вину местных таверн ещё с утра. Оратор обходил их, перешагивал, вилял в толпе, пока не вышел в относительно спокойное место. Невдалеке виднелась опрятная таверна, куда он и направлялся. Он не зашёл внутрь, а обошёл таверну, чтобы попасть в деревянный пристрой. Это была конюшня. Оратора знали здесь под именем Сизый Нос, потому конюх, увидев его, произнес:

– Эй, Сизый Нос, к тебе приходили гости.

– Кто?

– А я почему знаю, он мне не назвался. Сказал токмо, что нужен ему изоб... изобритулель, во! То бишь ты. Я спросил: «Сизый Нос, что ль?» А он так посмотрел на меня, как на ночной горшок, нехорошо так посмотрел, и сказал, как придёт этот господин, пускай у трактирщика спросит, кто его ждёт.

Сизый Нос задумчиво почесал заросший подбородок.

– А трактирщик-то в каком сегодня настроении? Боюсь, если зайду, опять начнёт меня прогонять. У него ведь пареная репа вместо мозгов, я ему противен, потому что непонятен.

– Вот из-за таких слов он тебя и шпыняет. Меньше б умничал, может, и ел бы не через раз. А в голове у людей не репа, это я точно знаю. Видал, как бошки-то раскраивают.

Сизый Нос засмеялся.

– Тьфу на тебя, мудрила засранный.

– Не ругайся, добрый человек. Я смеюсь не над тобой.

– Да мне по боку, чего это ты развеселился, иди, пока господин ждёт.

Конюх, сердито нахмутив лоб, вернулся к своим делам, а Сизый Нос, предварительно попробовав очистить наряд, пошёл к главному входу трактира.

Он открыл дверь, висящую на добротных железных петлях, опасливо огляделся и только потом зашёл внутрь. Когда он в последний раз так поступил, в него прилетел увесистый чугунный горшок, к великому сожалению оратора, без какой бы то ни было еды. Трактирщик наградил Сизого Носа тяжёлым взглядом и указал пухлым пальцем на столик у окна, скрытый шторами.

«Надо же, господин в кабинке ждёт меня! Неужто моя чёрная полоса заканчивается?» – думал изобретатель. Он довольно скрутил хвост, ещё раз прошёлся ладошками по некогда белому балахону и направился к таинственному господину.

– Здравствуйте! Рад знакомству... – хорошо одетый худой господин немного запнулся, – рога Оленя, знаю, что тут вас именуют Сизым Носом, но почти уверен, что настоящее ваше имя Кролус Редд.

Сизый Нос удивленно смотрел на худого господина.

– Кролус Редд? Слыхал я, что человека с таким именем искал барон из Захвостья, да только...

– Я тоже слышал об этом, и, поверьте, считаю барона невеждой, а Захвостье дырой, недостойной внимания.

Оратор немного успокоился, но его хвост по-прежнему был напряжён.

– Позвольте представиться – Мэриус Стронге, я представляю интересы графа Рэстока. Ему нужен человек, способный делать то, что до него никто не делал. Понимаете?

Хвост Кролуса Редда затрепетал и зашёлся из стороны в сторону.

– Рад знакомству, Мэриус Стронге, – беззастенчиво садясь за стол напротив худого хвостова, сказал Кролус, – признаться, я давно ждал кого-нибудь, обладающего широкими взглядами, – весело продолжил бывший Сизый Нос, отправляя себе в рот изрядный кусок пирога, лежащего на тарелке. Он так давно хотел вновь обрести имя.

Здесь тихо, спокойно и мило.

Древний колодец стоит.

«Они погибли красиво», —

Мне трава говорит.

Мёртвый жених с рапирой,

Мёртвая невеста с фатой...

Они быстро простились с миром

И соединились с водой.

Такие картины проносятся

В спешке в тяжёлой моей голове.

И только жуткий след, безголосица

Запечатлён в здешней траве.

Здесь когда-то стояла крепость,

Здесь жил дикий народ.

И прекрасные мёртвые просто нелепость,

Как и легенда колодезных вод.

Была война... Всех убивали,

Попались живые жених и невеста.

Над ними глумились, пытали.

Не было им в крепости места!

Истерзанные остатки прекрасных тел

Привели к колодцу.

«Последнее желание», — сопел

Старый урод- воин Мотцепотцу.

«Верните фату и рапиру

*И дайте цветок для неё.
Он гордо встряхнул головой, она красиво.
И было исполнено желание его.*

*В их жилах горело пламя,
В их сердцах стучал праздник нот.
И сомкнулась над их головами
Чёрная бездна вод.*

Глава 5

Рика устало смотрела в потолок, лёжа на своей кровати. Но сон никак не хотел слеплять её глаза.

После приглашения Белой дамы Рика попала в ложу к ней и к своему собственному брату. Никки не обратил особого внимания на хвостову в сиреновом, он слушал стихи. А вот Рике пришлось слушать шёпот Карины. Когда начался антракт, девушке удалось незаметно ускользнуть, так как гостей в ложе моментально стало много. Хвостова всё-таки опасалась, что брат, не имея возможности слушать стихи, обратит своё внимание на гостей ложи и узнает сестру. Не желая вступать в разговоры с Орлом, Рика сразу же ушла из библиотеки на Девилиш Рей 13. И совсем не пожалела, что заплатила фиакру за ожидание, на улице было темно и неприятливо.

Она не знала, всё ли возможное сделала за эту встречу, и хотела надеяться, что результаты всё же будут, может, тётушка Мирабель сможет помочь в их поисках. А пока Рике не показалось, что нужно опасаться за Никки. Карина была хвастливой, злой на язык, самовлюблённой, но страха или ужаса совсем не внушала. Не заметила Рика и того, чтобы Никки был особо зависим от Белой дамы, он, как всегда, имел скучающий вид.

Наконец, сон стал слеплять глаза девушки, вот и хорошо, давно пора. На завтра принцесса наметила контрольный смотр перед путешествием на остров Лося – что брать, что не брать, как одеться, к чему готовиться. Дел много, а поездка уже через четыре дня, в воскресенье. А ещё Рiku ждал обед с тётушкой. Его она побаивалась, но, конечно, никому, даже себе, в этом бы ни за что не призналась.

Тем временем в небольшом, но роскошном доме Карина в одной лишь батистовой ночной рубашке сидела перед овальным зеркалом. Зеркало было старым и мутным. Деревянная рама явно когда-то было красивой, но теперь углы пооткалывались, местами дерево потемнело. Но судя по тому, как бережно Карина установила его перед собой, как смахнула несуществующие пылинки, было понятно, что зеркало, несмотря на внешний вид, очень ценное, по крайней мере для нее. Карина деловито достала из ящика две белые свечи, поставила их по бокам от зеркала и зажгла. В воздухе стали различимы едва заметные нотки кориандра и шафрана, исходящие от свечей. Прекрасная блондинка была одна в комнате. Её спутник с вечера в библиотеке не пожелал ехать к ней, впрочем, Белая дама не настаивала. Она была удивлена, встретив сегодня вечером ту, с кем и не планировала когда-либо встречаться – сестру Никки. Карина улыбнулась своим воспоминаниям. Смущённая девушка гордо задирает носик, скрытый маской, совсем как принцесса, но Карину такими финтами не обманешь. Серьги в виде птиц с голубыми опалами, которые ей преподнёс Никки после своей поездки в Запретные земли, лишь рассмешили Белую даму. Она сразу же сказала Никки, что никогда их не наденет, опалы – не её камни. Казалось, что юный гвардеец не расстроился, посмеялся тоже и сказал, что в таком случае отдаст их сестре, её свежесть и невинность будут выгодно оттеняться голубыми опалами. Тогда Карина сделала вид, что не услышала язвительного намёка, однако это было не так. Впрочем, не в её характере было обижаться. Признаться, голубые опалы не понравились ей гораздо больше, нежели могло показаться на первый взгляд. Это и правда были не её камни. И будь она подозрительной, могла бы подумать, что Никки известно о ней больше, чем остальным светским львам.

Свечи разгорались, пламя становилось равномерным.

Дело в том, что опалы – камни большой магической силы. Но в магию давно никто не верит, механика победила предрассудки.

Карина привычными движениями достала из того же ящика, откуда ранее появились белые свечи, маленький серебряный ножик с искривлённым лезвием. Его ручка была из кости,

покрытой замысловатой резьбой. Человеку, никогда не жившему в обители Голубки, показалось бы, что резьба – украшение, но это было не так. Это были письма, и лишь посвящённый мог их прочесть.

Раз – и маленькое искривлённое лезвие прошло по пальцу Карины. Пальцем с выступившими каплями крови Белая дама нарисовала спираль по всей поверхности зеркала. Она немного повиляла хвостом, игриво выглядывающим из-под батистовой ночной рубашки, эта часть с кровью никогда не нравилось хвостове, но она была необходима, это не обсуждалось.

Опалы бывают разных цветов, но вот голубые – редкость в Империи. Признаться, серьги были шикарными, но, когда Карина представляла, что можно будет увидеть, надень она их, глаза её расширились от ужаса.

Пламя свечей, немного пошипев, вытянулось, изменило оттенок и стало неестественно белым, как густой туман.

Кровь с зеркала исчезла, оно перестало быть мутным. Карина перевела взгляд в его глубину. Её прекрасные волосы отражались почему-то безобразными седыми лохмами, голубые глаза – блеклыми и подслеповатыми, а пухлые губы – впавшими полосками слегка розовой плоти. В зеркале отражалась древняя старуха. Она недовольно скривила губы и принялась что-то шептать на древнем наречии. Карина раскачивалась в такт словам. Резко прекратились движения и звуки. Старуха в зеркале закатила глаза, на желтоватом белке вдруг появился чёрный зрачок. Выражение этих странных глаз было злым.

Старуха в зеркале произнесла:

– Как ты могла допустить такую ошибку, Карво? Сколько лет ты уже живёшь, сколько повидала мужчин, а тут вдруг! Надо же!

Она неприятно чавкала беззубым ртом и продолжила:

– Любые подарки надо принимать, даже голубые опалы. Никто не помешал бы тебе позже выбросить их в реку или уничтожить, а ты решила отказаться!

Карина, воспользовавшись паузой, сделанной старухой, ответила:

– А если бы он попросил их померить? Надеть специально для него? Вы сами не разрешаете использовать стандартные методы по отношению к этому высокомерному барану! Он мог бы оскорбиться и перестать появляться в моих покоях!

Старуха зашипела так, что пламя-туман покачалось из стороны в сторону.

– Придумала бы что-нибудь! Сказала бы, что лунный цикл не позволяет надеть тебе голубые опалы сейчас, а потом бы их у тебя украли, потеряла, да что угодно! Мне ли тебя учить! И даже не спорь со мной. Из-за того, что тебе было лень напрячь прекрасную головку, – эти слова прозвучали как издевательство, – проклятая Мирабель обо всём догадалась! Или ты видишь другую причину, по которой эта шваль перестала приходить на вечера в масках и трусливо послала вместо себя другую женщину из рода Териусов? Что скажешь, Карво?

Карина виляла хвостом, но ничего не могла придумать.

– Не называй меня Карво, я теперь Карина.

– Не такое уж и большое отличие, Карво.

– Я прощупала эту Териус. Она ничего не знает. Видимо, простое любопытство заставило её прийти в библиотеку.

– А почему на ней были голубые опалы? Да ещё и те, которые предназначались тебе. Может, это такой вызов?

– Нет, глупости. На каждом члене библиотечного клуба должны быть птицы. Не думаю, что это нечто большее, чем простое совпадение.

– А как же Мирабель? Не думаешь, что она послала её следить за тобой?

Карина задумалась. Это было возможно, но признаваться в этом совсем не хотелось.

– Даже если это так, чем Рика Териус может быть нам опасна? Сильно сомневаюсь, – с усмешкой продолжила блондинка, – что Мирабель хоть что-нибудь ей рассказала.

– Это нужно проверить, – безапелляционно произнесло отражение. – Ты знаешь как. Хвост Карины закрутился в тугую спираль.

– Вы позволите... после стольких лет... мне... – с придыханием произнесла Белая дама, – провести обряд дознания?

– Империя тихо и мирно посапывает, как младенец, усыплённый монотонным жужжанием своих механических игрушек. Из ныне живущих клириков Оленя никто не имел дела с магией. Кристаллы выложены в музеях, и по ночам их сверкание увидят лишь мыши. И вот ещё что, постарайся больше не использовать эти свечи для ответа на Зов. Если ты думаешь, что я не знаю о безобразной старухе в зеркале, то тебе следует подумать еще раз.

Но последние ворчливые слова Белая дама предпочла пропустить мимо ушей. Хвост Карины хищно вытянулся стрелой. Усмешка на красивых губах блондинки и точно такая же усмешка на губах старухи в отражении дали бы понять любому, кто слышал этот диалог, что решение принято, и оно совсем не понравилось бы Мирабель. Но этого разговора никто не слышал, даже мыши, потому что они не водились в небольшом роскошном доме.

Лестор открыл глаза и слабо застонал. Голова раскалывалась. Он нащупал на затылке шишку размером с яйцо. Судорожно схватившись за стену, юноша попытался встать с подстилки из гнилой соломы, но его тут же вырвало. Отдышавшись и вытерев рот рукавом, историк огляделся и понял, что он не на улице. Лестор находился в какой-то ужасно грязной камерке. Историк встал, глаза постепенно привыкли к полумраку.

– Где я? – вслух произнёс он. – Эй, отзовитесь.

Через некоторое время он услышал шорох шагов. Лестор приблизился к двери и стал слабо стучать по ней кулаками.

– Эй! Кто здесь? Выпустите меня! Я историк его императорского величества!

– Да-да, историк. Да хоть ночной горшок, – послышалось из-за двери, – отойдите, ваше засратое величество.

Лестор благоразумно сделал два шага назад. Дверь отворилась. Он увидел перед собой старого человека с длинными сальными волосами. Один глаз его был скрыт повязкой. В руках он держал лампу. Он явно только что проснулся и был недоволен.

– Чего расшумелся? Ещё и его величество приплетаешь? Как валяться пьяным около домов благородных господ, так ты, видать, сразу не историк, а как получить наказание за свои злодеяния, так сам вдруг господином стал. Ишь чего!

Старик явно намеревался закрыть дверь, потому Лестор бросился в проём.

– Поверьте, я правда историк, Лестор из Мидлаха, почти год на службе у императора, мой начальник главный историк его императорского величества Рэндан Поллукс. Всё это можно проверить, стоит только запросить информацию по степосфону, вам даже не придётся никого будить. Стандартная информация об историческом отделе может быть получена по номеру 40—43.

Старик задумался.

– Ладно, но пока я тебя закрою. А если это озорство твоё, то пеняй на себя.

Дверь захлопнулась, Лестор остался ждать. Ему казалось, что прошла целая вечность, но на самом деле старик вернулся уже через десять минут. Молча открыл дверь и выпустил историка.

– Следуйте за мной, – недовольно пробурчал тюремщик.

Лестор молча двинулся следом за ним. Они поднялись по узкой лестнице и оказались в небольшой приёмной, в углу которой стоял стол, вдоль стен растянулись далеко не новые шкафы, однако, запертые на прочные замки.

Старик подошёл к одному из них, ввёл цифровой код и достал ящик.

– Номер 567, – вслух произнёс старик.

Он молча указал Лестору на стул, стоявший у стола, подошёл и поставил ящик перед историком.

– Вот, ваше имущество.

Лестор заглянул в ящик. Там лежали его ключи, переводчик, мелкие монетки – видимо, то, что лежало в карманах, когда он поступил в это мрачное заведение

– Простите, но я абсолютно не помню, что вчера произошло. Будьте так любезны, расскажите, как я здесь очутился. И не могли бы вы представиться?

Старик недовольно подёргал губами, но всё же ответил:

– Томас из Гравиев. Тюремщик городского дома помощи потерявшимся, бродяжки то бишь. Считаю, дома бродяг, пьяниц и других нежелательных элементов, понял?

Если б Лестору ещё вчера сказали, что он окажется в подобном месте, он бы, пожалуй, рассмеялся, хотя шутка показалась бы глупой. Но реальная жизнь порой бывает глупее шуток.

– И как я здесь оказался?

– Вас принесли молчуны.

Молчунами в Империи прозвали ночных стражников. Они не были военными, но тем не менее имели право носить оружие. Как правило, это были мрачные неразговорчивые люди, уносившие пьяниц с улиц в особые дома, а если у пьяного были деньги, то могли донести и до его дома. Также они решали вопросы бродяг, проституток, наркоманов, если вдруг те оказывались в неприглядном виде в неположенном месте. Молчунов в бедных районах было значительно меньше, чем в районах уважаемых. То, что Лестора доставили в бродяжку молчуны, не было таким уж странным, но странно было то, что он вообще оказался в подобной ситуации.

– Послушайте, я не был пьян, на меня напали. Видимо, оглушили и ограбили.

Томас из Гравиев неопределённо хмыкнул, виляя облезлым хвостом.

– А мне-то что. Можете пожаловаться, написать сыскную бумагу, только не мне. Я такими вопросами не занимаюсь.

Старик достал из своего стола железную бутылку и железный же маленький стаканчик, прицепленный к бутылке на тоненькую цепочку. Наполнил стаканчик наполовину малиновой светлой жидкостью, отцепил цепочку и протянул его Лестору.

– Выпейте. Это необходимо, чтобы доказать, что вы не были пьяны или ещё чего.

Лестор, вжав хвост, выпил содержимое. Жидкость оказалась густой и слегка кисловатой на вкус.

Тем временем Томас достал реелкаровую пластину с иглой.

– А теперь насадите-ка свой палец на эту иглу.

Лестор повиновался.

Как только кровь оказалась на металле, поочередно загорелась красная, синяя, белая, а затем зелёная кнопки. Немного поморгав, осталась гореть только зелёная. Видимо, это был хороший результат, потому что старик заметно расслабился, а его хвост даже чуть дружелюбно сместился вправо.

– Не обижайтесь, господин историк, нечасто ко мне попадают приличные люди. А если на вас и правда напали, идите в полицию. Ну а я даже оформлять вас не буду. Просто поставлю в журнале, – он открыл толстенную книгу, лежавшую на столе, – напротив записи о вас – вот здесь – зелёную печать. Это значит, запись останется в этих стенах и никуда дальше не пойдёт.

Лестор почувствовал симпатию к старику, который старательно ставил зелёную печать. Всё-таки он просто выполняет свою не очень-то приятную работу. Хвост Лестора чуть подрагивал из стороны в сторону.

– Спасибо вам, Томас из Гравиев.

Старик что-то буркнул, однако, хвост всё так же находился справа.

– Выходите через эту дверь. Когда выйдете на улицу, поверните направо, минут через пять будете у остановки городского дилижанса. И не разгуливайте больше по ночам один, – подняв свой глаз, закончил Томас.

– Да, я постараюсь.

Как и обещал старик, через минут пять Лестор оказался на остановке городского дилижанса. Бродяжка, куда отнесли его молчуны, находилась около реки. Лестор вдыхал холодный воздух, шедший от воды. Он не был особо приятным, пах рыбой и тиной, но всё же освежал. Историка всё ещё тошнило, и он решил зайти к медику и проверить, нет ли сотрясения. Но ещё больше Лестору не давали покоя мысли о том, что же всё-таки вчера произошло? Взаимосвязаны ли поиски рыжего мальчика, странное кольцо для переводчика и ночное нападение? И если да, то как? К составлению логаритма сейчас Лестор точно не был готов, голова работала плохо.

Дилижанс подъехал, выпуская весёлый белый пар. Заплатив, историк сел в почти пустой салон. Голова раскалывалась. Он еле сдерживал рвотные позывы. Всё же первым делом к медику.

Утро было совсем ранним, и дневной медик ещё не сменил ночного. Он был заспанным и уставшим. Но всё же довольно быстро и ловко обследовал Лестора. Сотрясения не было. Дав указания и микстуру, медик отпустил историка.

Когда Лестор наконец добрался до своих комнат, он упал на кровать и уснул мертвым сном. Проспав пару часов, мужчина проснулся от звонка степосфона. Его вызывали на работу.

– Код 78—83, – слабым голосом произнёс Лестор в трубку медицинский код – уважительную причину для пропуска работы. С другой стороны трубки слышалась шуршание.

– Код принят. Отправлен запрос в медицинскую службу. Желаю скорейшего выздоровления.

Разговор был закончен, но Лестор уже окончательно проснулся. Он чувствовал себя гораздо лучше, чем с утра. Неизвестно, помогла ли микстура или молодой организм историка самостоятельно справился с последствиями ночного происшествия, но голова была ясной, хотя в ногах ещё чувствовалась слабость.

Лестор сделал себе кофе и сел за рабочий стол. Он задумчиво вытащил мелочь из карманов, в том числе и кольцо для переводчика. Вставив его в аппарат, юноша ожидал услышать знакомую песню на запретном языке, но вместо неё услышал совсем другое.

– Йа лэ нэстеру вотгу, – произнёс сильный голос на запретном. Лестор от удивления опрокинул свой кофе, но даже не обратил на это внимания.

– Словарь для начинающих, – произнёс тот же диктор хорошо поставленным голосом.

– Жтуру нэ рэвгу йот ку. Начальный словарный минимум.

Лестор нажал на паузу, пытаясь понять, что же произошло. Очевидно, кто-то подменил его кольцо с песней на обучающее запретному языку кольцо. Невообразимо! Это было настолько неправдоподобно, что Лестор потряс головой, похлопал себя по щекам и снова нажал на кнопку старта.

– Н’тэру – вода. Рэгкирим – земля.

Лестор нажал на паузу, вскочил, бешено виляя хвостом, и стал ходить из угла в угол.

Он даже мечтать о таком не мог! Даже в Терра Инкогнито, которую посещал Лестор, невозможно было найти нечто подобное. Запретный язык запрещен! Конечно, нельзя было с уверенностью утверждать, что в запретных землях не учат язык имперцев, но, с другой стороны, он-то был международным. Он впитал в себя множество диалектов и, по сути, был понятен даже в восточных странах. Имперские филологи так гордились универсальностью родного языка. Купцы из Запретных земель вполне сносно изъяснялись на имперском наречии, только он звучал у них более жёстко. И теперь понятно почему. Только послушайте этот язык! Звучит как сталь. Лестор замер как вкопанный. Легонечко нажал на кнопку старта.

– Шротрум – воздух.

Хвост Лестора никак не желал остаться на месте, всё ходил и ходил из стороны в сторону. Что же ему делать? Кому первому рассказать о феноменальном кольце?

Но после этой мысли Лестор резко сел на свой стул. А нужно ли вообще кому-то рассказывать? Главный императорский историк Рэндан Поллукс, безусловно, будет поражен и кольцо тут же заберёт. А потом специалисты службы безопасности тщательно проверят переводчик Лестора и сотрут с него все данные. Запретный язык так и останется для него запретным. Но если Лестор успеет выучить язык, стереть его из памяти будет сложнее. Молодой историк ничего не имел против службы безопасности и законов, которые она охраняла, но знания не подчинялись никаким законам, кроме этических. И было бы весьма неэтично разбрасываться такой уникальной возможностью. Сколько текстов для него откроют своё тайное значение!

Лестор мог отдать это кольцо позже. После того как вернётся с острова Лося. Хвост Лестора вытянулся как стрела. Он принял решение, единственно верное решение с точки зрения этики науки.

Другой вопрос, который уже не казался Лестору таким уж и важным, состоял в следующем. Кто подбросил ему кольцо? Томас из Гравиев? Навряд ли. Таинственные грабители? Лестор спохватился и стал вспоминать, что же у него ценного было при себе вчера? Помнится, он так резко собрался и вышел в город, что даже часов с собой не брал. У него было несколько сивых, пара золотых и с десяток серебряных монет. Остались только сивые. Хвост Лестора залихватски раскачивался из стороны в сторону, а с губ не сходила хитрая улыбка. Кто бы ни были эти грабители, пара золотых и горстка серебряных монет небольшая плата за кольцо с запретным языком. Возможно, кто-то заметил Лестора, почему бы и нет? Молодого талантливого историка. Захотел ему помочь, но при этом хочет сохранить инкогнито. Его право! Он нанял двух грабителей, чтобы они подбросили кольцо. Станный, конечно, способ, но, возможно, на то были свои причины.

Лестор твёрдо решил не возвращаться к этому вопросу, слишком мало фактов, больше возможностей и догадок. Он только будет мучить себя, не более. Пока ничего плохого ему не сделали. Его могли подставлять, могла нагрянуть служба проверки, но Лестор знал, что может им ответить в своё оправдание. Он на хорошем счету. Историк рисковал, но игра стоила свеч.

Решив больше не возвращать к этим вопросам, Лестор сел поудобнее и приготовился учить новый язык.

Принцесса Рейна с жаром бежала по конюшне впереди конюхов. Она выбирала лошадей, которые должны были везти её и стайку придворных дам к острову Лося. Другие хвостовы хихикали и еле поспевали за своей принцессой. Только Рика выглядела не очень довольной, но ничего странного, ей сегодня предстояло обедать с тётушкой, а Мирабель кого хочешь превратит в унылую брюкву. Рейна улыбнулась своему сравнению и решила запомнить, чтобы при случае кого-нибудь так назвать. Кого-нибудь, но не Рику, она не поймёт. Хоть Рейна и была принцессой, но, даже несмотря на свое положение, совсем не любила попусту обижать хвостов.

– Горацио, мальчик мой! – воскликнула принцесса. Горацио, серый красавец, хитро посмотрел на неё и заржал. Некоторые из её подруг, испуганно взвизгнув, отскочили. Рейна нахмурила брови. Конечно, это были Элизабет с Сандрой и Мирандой. Они нервно захихикали под сердитым взглядом принцессы.

– Не обращай внимания на этих дур, Горацио, их бы воля, они никогда бы не пересаживались с пони. Горацио будет моим конём! – сказала Рейна конюхам и пошла дальше.

Она уже выбрала лошадей почти для всех. Некоторые считали, что на паровых дилижансах будет быстрее, но в этом не было никакой романтики, посчитала принцесса. Да и благо-

родным искусством – верховой ездой – Рейна владела в совершенстве. Сколько себя помнила принцесса, она всегда любила лошадей, а они любили её. А чего там бояться эти жеманные дуры, Рейну не особо волновало. Они скорее изображали страх, чем на самом деле боялись. Принцесса вздохнула, всё же женское воспитание даёт о себе знать. Свою-то мать принцесса видела нечасто. Рейна глубоко внутри горячо любила свою королеву-мать, но не смела при ней проявлять свои чувства. Нет, она бы не оттолкнула Рейну, не посмеялась бы, но не смогла бы ответить тем же. И это было как обнимать стену. Восхищаясь красотой матери, её благородством и манерами, принцесса совсем не уважала няnek, смотревших за ней. Они были слишком круглыми, слишком мягкими и добрыми. Принцессе больше нравилось лазить по деревьям и скакать на пони, и никакие няньки не смогли переделать её.

– Лазарь подойдёт для Рики, – произнесла принцесса, останавливаясь перед иссиня-чёрным конём.

Рика коротко кивнула и погладила нос Лазаря. Конь довольно фыркнул. Принцесса улыбнулась.

– Вы подружитесь.

– Я того же мнения, принцесса, – улыбаясь Лазарю, ответила Рика.

Закончив с лошадьми, Рейна перешла к проверке нарядов. Прежде чем сбежать с Астером, принцесса планировала провести пикник, бал-маскарад и охоту. После пикника вечером все будут играть в шарады, Рика заверила принцессу, что в замке на острове Лося полно старых костюмов, платьев, шалей и прочего, так что за материальную базу вечера шарад Рейна не беспокоилась. Также нужно не забывать, что к завтраку, обеду и ужину следует менять наряды, и никто не должен повторяться. А ещё желательно бы, чтобы Рейна всё же была прекраснее всех. Конечно, принцесса не хотела становиться тиранкой в разлетающемся платье, поэтому, вздохнув, одобрила чудное голубое платье Блейд, которое так оттеняло безупречный цвет её кожи, и наряды пастушек рыжих сестёр, в которых они выглядели просто картинками, и грандиозный чёрный с серебряным, безумно изящный и сидевший как влитой костюм для верховой езды Лейны. Но всё же Рейна надеялась быть неотразимой. У неё была прекрасная тиара, сверкающая десятками бриллиантов, а ещё, она это твёрдо решила, только принцессе будет разрешено украшать волосы розами. Она улыбнулась, подумав, как великолепно будут смотреть алые розы в её светлых волосах. Настроение заметно улучшилось, и она, весело щебеча обо всём и ни о чём со своими подружками, отправилась на обед. Рика же, предварительно закатив глаза, чем вызвала смех стайки, пошла на обед к своей тётушке.

Мирабель ждала её в саду, как и во время их прошлой встречи за ужином.

Рика честно рассказала обо всём, что случилось в библиотеке на Девилиш Рей 13. Мирабель молчала. Наконец, она произнесла:

– Всё хуже, чем я думала.

Рика удивлённо повиляла хвостом и уставилась на тётушку.

– Рика, ты наверняка не понимаешь, что страшного я углядела. И я не могу тебе рассказать.

Тут Рика уже не могла стерпеть.

– Тётушка Мирабель, я поверила вам, когда вы сказали, что Никки в опасности. Я не разозлилась на вас за то, что мне пришлось самой не только выяснять, где же приглашение, но и догадываться, что это за странный адрес, которого нет ни на механикокарте, ни на обычной, ни даже в книгах по истории города... – Рика ещё не закончила, но Мирабель её перебила:

– За участниками встреч следят. Пошли.

Хвост Мирабель, как всегда, скрывался под складками ткани юбки, но Рика была готова поклясться, что он был прямым, как стрела.

Девушка встала и молча последовала за своей родственницей.

Мирабель провела её на второй этаж в, видимо, свой кабинет. Молча задвинула шторы и села за стол, предложив Рике стул напротив.

– Рика, что ты знаешь о магии?

Девушка заулыбалась, вспомнив, как на зимнем празднике вместе с принцессой хвостовы гадали на женихов, и как из шкафа выскочил Астер, Никки и ещё пара гвардейцев в белых простынях.

– Я знаю, что её не существует.

Мирабель недобро усмехнулась, а кончик её виляющего хвоста появился из-под юбок.

– Ответ неверный.

Она сняла тонкую золотую цепочку с маленьким ключиком со своей шеи, ключом открыла ящик в столе и достала из него кристалл тёмно-фиолетового цвета.

– Ты наверняка видела такие кристаллы в музеях. Раньше ими пользовались клирики, чтобы узнать, не балуется ли кто магией. Каждый кристалл уникален и обладает определённой силой. Радиус действия некоторых – с комнату, других – с дом. Есть мощные кристаллы, охватывающие целые города. По большому счёту, для проверки достаточны маленькие кристаллы, определяющие магию в домах. Клирик приходит в дом возможной колдуньи – и кристалл определит, насколько верен донос. Он пульсирует оттенками фиолетового, переливаясь от тёмного к светлому, если магией воспользовались до двух суток назад, светлыми оттенками, если была вспышка магии несколько часов назад, и буйными тёмными огнями, если магия творится прямо сейчас.

Кристалл под тонкими пальцами Мирабель молчал.

– Мой кристалл как раз такой – с малым радиусом действия. Но вот в городском музее истории и архиистории есть кристалл большей силы. Я ходила сегодня туда. Ты знаешь, у них открылась временная выставка, посвящённая стекловарению самуинов. Изящные стеклянные вещишки. Директор был так любезен, что рассказал мне о них всё. А после разрешил побродить по залам музея. И знаешь, смотритель зала истории религий рассказал любопытнейшую байку: говорит, ночью в кристаллах дознания загораются огни. Учёные брались выяснить природу странных вещишек прошлых времён, полных суеверий, и не нашли ничего необычного. Но смотритель уверен, что нет дыма без огня. Вернее, есть, но такой огонь закован в фиолетовые глубины кристаллов.

По спине Рики пробежали мурашки, таким недобрым блеском сверкали глаза Мирабель. Но в них было что-то ещё. Но что? Девушка никак не могла понять.

Мирабель сняла брошь жар-птицу.

– Практически вся магия, которая практиковалась в Ойокумене, замешана на крови. Без крови творить магию могли лишь наиболее мощные адепты.

Тётушка достала маленький серебряный ножик и порезала им палец. Медленно, постепенно увеличиваясь, на месте пореза налилась рубиновая капля. Мирабель приложила каплю к броши, а затем к томику стихов Гонсало Риего. А в глубинах фиолетового кристалла тут же заплесало тёмное пламя.

– Вскоре мне принесут приглашение на следующую встречу.

Рика потрясённо смотрела на Мирабель, её хвост неуверенно раскачивался из стороны в сторону. Неужели тётушка верит, что капля крови может быть как-то связанной с приглашением? Она могла предположить, что желающих прийти на вечер в масках инструктировали и говорили, что нужно делать. Но это всего лишь нелепая игра!

– Я догадываюсь, о чём ты думаешь, Рика. Прогресс, механика, сила пара – это всё стремительные вещи, и сегодня нам представляется, что жизнь пятьдесят лет назад – это давно, а сто лет назад были невероятно древние времена. Всего лишь двести лет назад матери боялись за своих сыновей, и юноши носили специальные амулеты до самого дня свадьбы – сёстры Голубки часто применяли магию, чтобы помочь девушкам удачно выйти замуж, а мнение потен-

циального жениха и его семьи было последним, что их интересовало. Ты когда-нибудь задумывалась, сколько мне лет?

– Нет, – ответила Рика. Действительно, сколько же Мирабель лет? Отец никогда не был дружен со своей сестрой, и её имя редко произносилось в семье. Рика с удивлением поняла, что не знает, старший ли её отец брат или младший.

– Я старшая сестра, – ответила Мирабель, словно прочитав ее мысли.

Рика удивлённо уставилась на тётушку. Это невозможно! Отцу Рики было пятьдесят пять, а тётушке не более сорока!

Мирабель издевательски рассмеялась.

– Да, ещё сто лет назад магия была более популярной, чем ты можешь себе представить. А стать сестрой Голубки для знатной и богатой дамы было вполне интересным опытом. И опасным.

Вдруг Мирабель резко поднялась со своего стула.

– Уже 17:00 часов, принцесса тебя потеряет. Когда вы уезжаете на остров Лося?

– Через три дня, в воскресенье, – ответила Рика, тоже поднимаясь со стула.

– Что ж! Значит, мы продолжим разговор после твоего возвращения, ведь принцессе надоест остров Лося недели через две, верно? – улыбаясь, заметила Мирабель. – А пока можешь подумать обо всём, что сегодня услышала. Никки уезжает с вами, и я спокойна. Возьми кристалл, наверняка он поможет тебе в твоих размышлениях... и поисках. Ах да, в нашем родовом замке отличная библиотека, – закончила тётушка.

Тут же молчаливая горничная открыла дверь.

– Тебя проводят к выходу, до встречи, Рика!

Девушка молча поклонилась и пошла за служанкой. Возможно, она бы что-нибудь и сказала тётушке, не будь так напугана. Или если бы обладала даром предвидения и знала, где окажется через две недели.

Глава 6

Утро было прекрасным. Яркое голубое небо освещалось только что взошедшим солнцем. Оно слепило глаза и наполняло сердце радостью. Песни птиц соревновались в громкости со звучными трубами, объявляющими начало похода. Рейна очаровательно улыбалась всем, кого видела, её зелёная бархатная шапочка в тон костюму для верховой езды была украшена алой розой, это выглядело очень мило, и принцесса была довольна собой, утром, Горацио, шумом и суетой, что окружала её в данный момент. Отовсюду слышались радостные восклицания, приветствия, смех – жизнь кипела. Наконец, все заняли полагающиеся им места, и колонна молодых хвостовов, крутящих хвостами и махающих толпе, двинулась от дворца. В городе уже столпился народ посмотреть на кавалькаду знатных имперцев, сопровождающих принцессу. Кому-то очень хотелось оказаться там, кому-то хотелось побыстрее оказаться на работе, а эта процессия задерживала их, а кто-то недобро сверкал глазами и прятал хвост, ибо в их жизни не было места беспечным развлечениям.

Часов в двенадцать дня, давно покинув столицу, колонна остановилась на обед. Для остановки была выбрана полянка в лесу недалеко от реки, заранее присмотренная слугами. Шатры расставлять не стали, а лишь натянули тенты между деревьями, это было сделано ловко и быстро.

Астер сопровождал принцессу от самого дворца. И прямо сейчас быть спутником Рейны в небольшой прогулке к реке. За ними следовала извечная стайка знатных девиц, их кавалеры, а чуть поодаль степенно следовали тётушки, без них никак.

– Замечательный день, не правда ли, Астер? – чуть опустив ресницы, обратилась принцесса к капитану гвардии.

– День мог бы стать лучше только при одном условии: если бы мы были одни, – еле слышно ответил тот.

Рейна довольно заулыбалась и завертела хвостом. Астер пылко взглянул на принцессу. Да, она была хороша! И мужчина ни на минуту не задумывался о том, что всё могло бы быть по-другому. Возможно, он даже был влюблён в неё в эту самую минуту. Хотя, впрочем, вчера, когда Астер объезжал гнедого Ворона, его существо заполнилось почти такой же сильной и яркой волной чувств, конь был прекрасен, он по-молодецки скакал и приплясывал, так и норовя перейти в галоп. И не было ничего лучше в жизни Астера, чем та минута. Или эта. Астер был счастливым хвостовом, что ни говори.

– Вы слишком мне льстите. Так же ли вы говорили бы, будь я не принцессой, а пастушкой?

Астер искренне возмутился.

– Будь вы некрасивой и глупой, даже принцессой, я бы не стал вашим слугой навсегда.

– А сейчас вы мой слуга?

– Безусловно!

Рейна засмеялась и совсем и не подумала, что так оно и есть, она же принцесса, значит, в какой-то мере все, кто был вокруг неё сегодня, являлись её слугами.

Молодёжь дошла до реки, самые смелые даже намочили ноги, и пошла обратно обедать.

Весь день, а за ним и два последующих, они не спеша двигались к переправе к острову Лося. Этот остров находился в дельте реки Лосьвы, его берега омывались смешанными водами реки и моря. Остров был крупным и когда-то являлся центром островного государства, которое включало в себе более мелкие острова в округе. Это было государство морских разбойников, пиратов, путешественников с суровыми нравами. Род Териусов не напоминал, но и не забывал, что когда-то их предки сидели на троне, властвуя над жителями островов. Страна Лося последней вошла в Империю, оказав долгое и стойкое сопротивление. И сопротивление было слом-

лено не войсками, а политиками. К тому же острова переживали не лучшие времена в момент отказа от независимости – на землях, омываемых морем и рекой, свирепствовала эпидемия, с которой имперцы могли помочь справиться. Тогдашний правитель из рода Териусов решил, что лучше быть лордом-протектором над живыми, чем королём над мёртвыми.

До переправы путь был неблизкий даже на механических дилижансах, не говоря уже о конном отряде пёстрой компании молодёжи.

Рейна всю дорогу была оживлена и окружена поклонниками и подружками, лишь Рика оставалась чуть в стороне и выглядела задумчивой. А во время остановок всё так и норовила склониться над книгами. Это и ещё то, что Лестор помогал ей выбрать нужные книги, способствовало завязыванию дружбы между дамой из стайки принцессы и молодым историком. Рика была заинтересована в истории ордена Голубки и истории религии, вернее той её части, где клирики борются с магией. Лестор и сам интересовался всем этим на первом и втором курсах Академии. Пока его академический руководитель не посмеялся, услышав от Лестора, что тема его диплома будет связана с магией. Это было слишком стандартно, и практически все студенты младших курсов хотели того же. Магия со своей иррациональностью и загадочностью притягивала молодые неокрепшие умы, как свет мотылька. Но, к сожалениям многих и многих молодых людей, на тему магии уже было написано столько работ, что ещё одна, тем более студенческая, была никому не нужной.

Лестор вечерами сидел рядом с Рикой, объяснял ей какие-то сложные моменты или пересказывал слишком затянутое повествование, выделяя лишь самое важное и существенное, либо же просто сидел и ждал вопросов от молодой хвостовы. А ночами, когда его соседи засыпали, находил тихое местечко на постоялом дворе, гостинице либо же в доме, где оставливалась вся компания, и учил запретный язык. Это дело шло у Лестора очень споро. Он сам подгонял себя, понимая, что рано или поздно с этим кольцом придётся расстаться, а так как он не знал точно, когда произойдёт это расставание, нужно было постараться выучить как можно больше. Для начала, пока у него было время ещё в столице, он прослушал всё кольцо целиком. Это заняло у него восемнадцать часов. Одиннадцать часов – время, которое потребовалось диктору, чтобы начитать словарный запас для начинающих, семь – упражнения и тексты. Потом он начал учить отдельные слова, составляя рукописный словарь. Это было опасно, но необходимо. Забавно, но, когда Лестор раздумывал над тем, как обезопасить свой драгоценный словарь, на глаза ему попала реклама из газеты, купленной у рыжего мальчишки. Чернила, которые проявляются под действием воды. Лестор купил эти чернила и специальную бумагу, она получала меньше повреждений при намокании, чем обычная.

Один из драгоценных вечеров, ещё до отъезда, пришлось потратить на пьянку с Астером и Никки. Астер не принимал никаких возражений. Они ещё раз прошлись по дикому плану похищения принцессы, а ещё придумали имя капитану, который якобы должен был бы приехать за Астером и Рейной, – капитан Алеф. Имя предложил Никки, как оказалось, он изучал мёртвые языки Империи, а на одном из наречий «алеф» означало «бык». А Астер сказал, что там, где он вырос, то есть на улицах столицы, так называли стражников, и стражникам это очень не нравилось.

У Лестора слипались глаза. Он сделал последнюю запись в своём словаре и выключил переводчик. Уже завтра днём компания достигнет переправы до острова Лося, сегодня – последняя ночь в походе. Принцесса выбрала для остановки очень живописную деревню с маленькими, как будто игрушечными домиками и господским домом, который весь был обвит диким виноградом. Астер, Никки и Лестор расквартировались в доме местного клирика около храма Оленя.

Историк полной грудью вдохнул непривычный ароматный воздух. Он был по-ночному свеж и в нём уже чувствовались нотки моря, оно было недалеко. Лестор повернулся в сторону господского дома, который выглядел громадой по сравнению с остальными жилищами в дере-

веньке. Картина, открывшаяся перед глазами молодого хвостова, была полна умиротворения и загадочной ночной красоты. Вдруг внимание Лестора привлекла странная вспышка в одном из окон господского дома. Кричать «пожар!» явно было лишним, подумал историк. Он решил подождать. Повторной вспышки не случилось, потому историк пошёл спать.

Но он был не единственным, кто не выспался несколько дней подряд.

Рика отчаянно виляла хвостом и закусил губу. Она стояла в маленьком опрятном кабинете и собиралась с духом.

С тех пор как тётушка Мирабель рассказала ей про магию и показала кристалл, Рика места себе не находила. В тот же день она отправилась в библиотеку. Ей пришлось вновь обратиться за помощью к историку Лестору, который, казалось, стал ещё более рассеянным, чем обычно. Но при этом он довольно быстро помог Рике понять, в каком направлении стоит двигаться и что стоит взять почитать. Она набрала целую кипу книг. Хвостова, выросшая в родовом замке на берегу моря, с пятнадцати лет находящаяся при дворе императора в свите принцессы и получавшая там же образование, не привыкла читать так много. Рика не была глупой, наоборот, она, пожалуй, была самой начитанной из всей свиты, но всё же такие кипы книг нагоняли на молодую хвостову тоску. Но делать было нечего, и Рика принялась листать, а затем и читать свои книги. Довольно скоро она поняла, что это совсем не то, что нужно, и перед самым отъездом успела зайти в библиотеку. Девушка попросила Лестора проводить её в отдел редких и старинных книг. Там она сама, доверясь интуиции, стала подыскивать подходящую литературу. И нашла. Книга называлась «Чёрная свеча», она была написана тяжёлым старинным языком, полна странных и даже пугающих гравюр, но при этом содержала ту информацию, в которой так нуждалась Рика. «Чёрная свеча» рассказывала отнюдь не прилизанную историю ордена Голубки. На пожелтевших от времени страницах вставляли образы прекрасных хвостов, обладающих пугающими знаниями и силами. А сегодня ночью Рика достигла описания проведения обрядов. Точнее, всего одного обряда. Судя по всему, «Чёрная свеча» была трактатом, рассказывающим о силе и важности ордена Голубки. И видимо, для затравки, в книгу включили описание самого лёгкого обряда.

Не всех девочек принимали в ряды Голубок, они должны были пройти так называемый обряд наличия, в результате которого становилось ясно, обладает хвостова магическими способностями или нет. Как утверждалось в книге, способность к магии могла проявиться в любом возрасте, потому строгих возрастных ограничений в ордене не было. Но предпочтение отдавалось молодым. Обряд наличия был очень прост: претендентку усаживали за стол, на котором лежал кристалл, стояло зеркало и предмет, принадлежавший покойному хвостову. Она должна была повторить несколько раз фразу, в которой Рика не видела смысла. Она была написана имперскими буквами, но язык явно был не имперским. Таких слов в нем просто не существовало. «Айте катер редуб. Кorte нбух мыр». Рика, читая строки, описывающие обряд, недовольно фыркнула, уж очень всё это походило на дешёвый фарс какой-нибудь базарной гадалки. Но все же решила попробовать. Она тихонька встала и вышла из маленького кабинета. В комнате, которую она делила с рыжими сёстрами, Рика взяла небольшое зеркало с парфюмерного столика и, аккуратно ступая по мягкому ворсу ковра, подошла к кровати Люси. Сёстры сегодня на ночь рассказывала Рике о гранатовых серёжках, которые весь день носила Люси. По словам сестёр, серьги принадлежали их прабабушке. И никто из женщин их семьи, кроме Люси, не мог их носить, уши сразу начинали болеть, а по ночам хвостовов, осмелившихся надеть гранатовые серёжки, мучали кошмары. Кэтрин и Люси были очень серьёзны, они рассказывали, что их прабабка была суровой и некрасивой женщиной, но прадед любил её безумно, некоторые считали, что она его приворожила, и гранатовые серёжки сыграли в этом не последнюю роль. Непонятно, почему только Люси могла их носить, возможно, потому что она была самой младшей, и на неё сила прабабки уже не действовала. Вот как раз эти-то серёжки Рика и решила одолжить для обряда наличия.

Хвостова, воровато оглядываясь, вернулась в маленький уютный кабинетик, заперла дверь на ключ, торчавший тут же из замка, и села за стол.

Она поставила зеркало таким образом, что могла видеть в нём своё отражение. Кристалл тут же, недалеко от зеркала, но так, чтобы он в нём не отражался. Гранатовые серьги – прямо перед зеркалом. Последняя деталь – капля крови. «Почти вся магия Ойокумены работала на силе крови», – вспомнила Рика слова своей тётушки. Девушка не подумала, что палец нужно будет чем-то проткнуть. Ей совсем не хотелось снова идти в комнату и рисковать быть обнаруженной. Тут хвостова вспомнила, что на её платье, которое она еле как натянула, выходя из комнаты ночью, приколоты небольшая брошка с опалом. Её Рике подарил отец, когда она была совсем малышкой. Хвостова энергично отстегнула брошку.

Лунный свет мягкой волной заливал комнату, окно находилось прямо за столом. Рика оглянулась, посмотрела на полную луну, источавшую загадочное сияние, и снова взглянула в зеркало. Хвостова, смотря лишь на своё отражение, проткнула палец брошкой, сразу же приложила его в гранатовым серёжкам прабабки рыжих сестёр и начала повторять фразу. Первую минуту ничего не происходило, но, когда кровь из пальца Рики скатилась с камней серёжек на стол, в кристалле начал разгораться тёмный фиолетовый огонь. Тут же Рика поняла, что не может убрать палец от граната. Пламя внутри кристалла становилось всё темнее и ярче, вдруг всё вокруг хвостовы поплыло, она как будто оказалась в густом белом тумане, ясно видно было лишь отражение в зеркале и тёмный фиолетовый блеск кристалла. Отражение стало меняться. Рика вдруг увидела, как её тёмно-каштановые волосы седеют на глазах, лицо и шея покрылись морщинами. На неё из зеркала смотрела с ужасом в глазах старуха, так бы выглядела Рика лет в сто. Хвостова вдруг почувствовала, что может убрать палец от серёжек, что тут же и сделала. Отражение вновь стало молодым, но волосы остались белыми. Девушка вдруг ощутила, что падает. Не было маленького уютного кабинета, не было стола и стула, даже зеркала не было. Рика летела вниз, а вокруг был лишь белый туман. Девушка закричала, но, казалось, что звуки не могут распространяться там, где она находилась. Внезапно падение замедлилось, и из белого тумана проступило лицо незнакомый старухи. У неё были карие выцветшие глаза и белые волосы, заплетённые в косу.

– Кто ты? Ты не Гворкович, ты не моя! – прокаркала старуха. – Почему же на тебе мои гранатовые серьги?

Рика ощупала свои уши, в них действительно были вдеты серьги Люси. Девушка судорожно стала дёргать застёжки, пытаясь их снять.

Старуха разразилась скрипучим смехом.

– Ты же понимаешь, что не сможешь их снять?

Смех заполнил всё пространство, лицо старухи исчезло, на смену ему явилось другое. Это было лицо молодой женщины, но с ним было что-то не так. Если бы Рика могла кричать – она бы закричала, перед ней в белом тумане выступило лицо мертвеца. Губы были синими, глаза открыты и остекленели, волосы белые, точно такие же, как у самой Рики в последнем виденном отражении в зеркале. Вдруг лицо сделало судорожный вдох, глаза заморгали и усталились на девушку. Хвостове никогда ещё за всю её небольшую, но приятную жизнь не было так страшно. Жуткие секунды первого вдоха прошли, и Рика вдруг узнала, кто перед ней. По крайней мере, ей так показалось. Новое лицо очень было похоже на неё саму, или нет? Мирабель! Вот чьё это было лицо! Мёртвая молодая Мирабель посмотрела на Рику, но не успела сказать ни слова, как туман закружился, казалось, он распадается на куски. Рика могла бы поклясться, что они холодные и липкие. Хвостова снова полетела вниз, а когда движение замедлилось, перед ней вновь оказалось лицо старухи. Это была уже другая старуха, и её лицо казалось девушке смутно знакомым.

– Кто ты, дитя? Почему я ничего не знала о готовящемся путешествии в туман? – спросило она.

Рика поняла, что может говорить.

– Я оказалась здесь случайно. Я ничего не понимаю, – с мольбой в голосе чуть ли не закричала молодая хвостова.

– Не пугайся, дитя, Голубка не оставит тебя.

Из тумана выступили руки, все в старческих пятнах и морщинах. Это не были приятные руки бабушки, это были костлявые пальцы, жадно тянущиеся к Рике. Она не хотела, чтоб пальцы дотянулись до неё, и оттолкнула их.

– Что?! – крикнула старуха. Её лицо менялось, оно исказилось злобной гримасой, Рика не хотела на него смотреть, и глаза старухи вдруг стали белыми.

– Как? Откуда взялась пелена? Кто ты такая, что посмела закрыть мне глаза?! – верещала старуха. А Рика продолжила свою отчаянную борьбу. Она откуда-то знала, что нужно делать. Она не останется в тумане, ей здесь не нравилось.

– Мне не нравится этот туман, и ты мне тоже не нравишься! – произнесла в ужасе Рика.

Старуха вскрикнула, и её голова, увеличиваясь в размерах, стала раскачиваться в такт монотонной песне, или заклинанию, которое издавал рот. Руки старухи пытались добраться до Рики, а пелена на глазах становилась прозрачнее. Рика поняла, что времени у неё совсем немного.

Она отчаянно пыталась придумать хоть что-то, но тщетно. Помощь пришла извне. Сквозь туман позади старухи вновь появилось лицо мёртвой Мирандиль, а затем и вся она, на лице было запечатлено выражение суровой решимости. Она прошла сквозь старуху, на мгновение обе тени перемешались в густом тумане. Старуха на секунду прервала свою песню. Казалось, она пыталась понять, что произошло, тем временем Мирандиль уже пролетела сквозь Рикку. Девушка застыла от внезапного холода. Казалось, что за долю секунды она замёрзла насмерть. Рика чувствовала, что кровь больше не движется внутри её тела, она была холодной и мёртвой. Сердце перестало биться, превратившись в кусок замёрзших безжизненных мышц. Губы Рики без её ведома стали шептать:

– Й але туре се, мэй ка ди. Й але туре се, мэй ка ди.

Постепенно шёпот становился громче, и вот Рика с уже тёплой кровью и вновь забившимся сердцем распевала, раскачиваясь в такт:

– Й але туре се, мэй ка ди! Й але туре се, мэй ка ди!

Лицо старухи уменьшилось в размерах, но её губы упорно продолжали распевать.

Схватка длилось ничтожно мало либо же целую вечность – Рика не знала. Но вдруг резко всё прекратилось. Хвостова лишь услышала злобное шипение старухи:

– Тебе не скрыться, мерзкая гадина! Ты узнала! Ты узнала!

Рика полетела вниз, и вот она уже сидит перед зеркалом в уютном маленьком кабинетике внутри дома, увитого диким виноградом.

Она пощупала свои уши – как и до обряда, без каких-либо серёжек. Серьги лежали там, куда их положила Рика в начале обряда, и на них не было ни единого следа крови. Кристалл молчал и выглядел точно таким же, как и до начала обряда. Но вот зеркало изменилось. Оно больше ничего не отражало и выглядело так, как если бы ему было много-много лет. Рика поскорее опустила его, вскочила на ноги, но они её не держали, и хвостова неловко упала на пол. Собравшись с силами, Рика поднялась. Её палец неприятно пульсировал, она посмотрела на место укола. Его совсем не было видно, но тем не менее девушка испытывала боль.

Постепенно мысли хвостовы приходили в порядок. Она зажгла лампу на столе. Приветливый жёлтый огонёк, который появился благодаря силе пара, успокоил Рикку. Она улыбнулась лампе и прибавила света, покрутив колёсико.

Но кошмары ночи ещё не закончились. Рика почувствовала, что зеркало вызывает к ней. Она не могла противиться этому зову, её руки, несмотря на отчаянные попытки девушки, останавливаться, медленно двигались в сторону зеркала. И вот лицо Рики вновь оказалось напротив

него. Благо, она ничего не видела. Зато слышала. Голос был приглушён, как будто шёл изда- лека, но Рика его узнала, это был голос тётушки.

– Рика! Рика Териус. Это я, твоя тётя Мирабель. Поверь мне, это я. Я дала тебе с неделю назад сборник Риго Гонсало с тайным приглашением в библиотеку на Девилиш Рей 13. Ты была недовольна тем, что я тебе сразу не рассказала, как им воспользоваться. Рика! Ты меня слышишь? Ты не можешь не слышать, это зов крови. Лишь кровный родственник, с кем ты обменялась кровью, может так взвыть к тебе.

– Откуда я могу знать, что ты не одна из тех старух? Они тоже могли знать о библиотеке, это не такой уж и страшный секрет.

– Хорошо, если я расскажу секрет, который знают только члены нашей семьи, ты послу- шаешь меня?

Рика задумалась. По большому счёту, выбора у неё не было, она принимала зов помимо своего желания и воли.

– Да. Я задам вопрос, а ты на него ответишь.

Рика глубоко вздохнула и снова посмотрела на успокаивающий жёлтый свет лампы. Какой же вопрос задать? Что-нибудь про замок на острове Лося? Не подойдёт. Замок старин- ный, мало ли кто за это время узнал его секреты. Что же тогда? Рiku осенило.

– На острове Лося есть лес, он называется Королевский. В нём раз в году в апреле расцве- тает цветок морского папоротника. Каждая девочка с островов в канун двенадцати лет должна в полночь найти этот цветок. Что случилось со мной во время этой ночи?

– Я... Рика, откуда я могу знать. Я не читаю мысли.

– Настоящая Мирабель знает, что со мной случилось.

Голос замолчал, воцарилось молчание, длившееся несколько секунд. Потом из зеркала раздался приглушённый ответ:

– Да... Я знаю, с тобой ничего не произошло.

Рика молчала.

– Я так и не извинилась.

Рика медленно ответила:

– Да, не извинилась. Это глупое поверье, но в двенадцать лет казалось, что...

Рика не знала, как закончить. Согласно традиции, каждая девочка в канун двенадцати лет вместе со своей матерью должна была отыскать цветок морского папоротника, если хотела найти хорошего мужа. У Рики не было матери, и её должна была заменить тётя, но Мирабель не приехала, и Рика не ходила искать цветок.

– Теперь я верю, что это ты, Мирабель.

Незаметно для обеих хвостов они перешли на «ты».

Неловкое молчание было прервано голосом Мирабель:

– Рика, проткни свой палец снова. Нужна кровь.

Палец у девушки болел, но делать было нечего, она потянулась за брошкой.

– Стой. Чем ты протыкала палец?

– Иголкой от брошки, которую мне подарил отец в детстве. В виде бабочки.

Рика сомневалась, что тётушка может знать об этой брошке.

– Она с опалами? – тем не менее спросила Мирабель.

– Да. Странно, что ты знаешь.

– Я знаю, потому что это я подарила тебе её через своего брата.

Слишком много странностей и совпадений, но после падения в липком тумане Рика была готова ко всему.

– Теперь картина начинает разъясняться, – непонятно для кого произнесла Мирабель. – Тем лучше, протыкай палец, только тот же самый, это важно!

Рика подчинилась.

– Теперь от центра зеркала начинай рисовать спираль, сосредоточься на рисунке, только на нём.

Рика сконцентрировалась и начала изображать спираль своей кровью на помутневшем зеркале. Кристалл немедленно разгорелся тёмным огнём, но хвостова не обращала на него внимания. Ей становилось всё труднее и труднее, на висках у девушки выступили капельки пота, хвост безвольно висел. Наконец, спираль была закончена, Рика с трудом убрала палец. Она снова творила магию – помутневшее зеркало изменилось, в нём за клубился белый туман. «До конца своих дней я буду бояться тумана!» – содрогнулась Рика. Постепенно туман исчез, и девушка увидела в отражении Мирабель с белыми волосами. Её лицо было очень бледным, в уголках рта видна была запёкшаяся кровь. Тётушка выглядела как после тяжёлой болезни.

– Великий Олень, дитя! – жалобно произнесла Мирабель и уронила голову на руки. – Что ты наделала?

Рика не знала, что и ответить. Мирабель продолжила:

– Откуда ты вообще узнала об этом обряде?

Рика рассказала про книгу «Чёрная свеча» и про описание самой лёгкой волшбы. Мирабель попросила рассказать подробнее о том, что племянница использовала. Услышав описание, она тихо и грустно усмехнулась и попросила девушку открыть книгу на 285 странице. Там начиналась новая глава под названием «Путешествие в Туман»:

«Магия ордена Голубок позволяла своим adeptкам получать знания и необходимую информацию из самых разнообразных источников. Они могли проникнуть во сны или воспоминания хвостова, могли заставить его прочитать необходимые им документ перед зеркалом и таким образом добиться своего. Такие обряды были сопряжены с большим риском, например, хвостов должен был находиться обязательно один, ибо посторонний мог прервать волшбу и вызвать клириков. Потому к жертве, или, как называли в ордено таких хвостовов, черпаемому, приставлялась незаметная новая кухарка, служанка, кто угодно. Она следила за каждым шагом черпаемого и сообщала adeptкам, когда лучше всего провести обряд черпания. Магия и слежка шли рука об руку. Не исключались и варианты обычного, не магического подкупа, кражи и т. п.

Когда были использованы все возможные варианты, а информация так и не была получена, самые способные колдуньи из ордена могли обратиться к Великому Туману. Путешествие в Туман использовалось и для других целей – оно позволяло общаться с мёртвыми, с членами ордена, покинувшими его, ибо не бывает бывшей adeptки ордена Голубки. Все возможности Путешествия в Туман сложно перечислить, оно было опасным и позволялось лишь с разрешения высших членов ордена. Для путешествия колдунья должна была заранее составить карту и строго следовать составленному маршруту. Отклонения грозило самыми разнообразными неприятностями, вплоть до того, что adeptка навсегда могла остаться блуждать в Тумане».

Холодок пробежал по спине Рики, когда она поняла, чем всё могло закончиться.

Мирабель произнесла:

– Ты сможешь дочитать главу позже. Я расскажу, что обычно необходимо для обряда. Во-первых, он проводится лишь при полной луне. Луна должна падать прямо в зеркало. Необходим кристалл и вещь с драгоценными камнями adeptки ордена. Лучше ныне живой, вещь мёртвой даёт больше сил, но и управлять полученной силой гораздо сложнее. Падение неизбежно, не все умеют его останавливать. Кровь должна быть получена при помощи иглы с опалом. Вообще, опал – это антикамень ордена Голубок. Он раскрывает их истинное лицо. Потому ни одна adeptка не наденет украшение с опалами. Как видишь... – продолжила Мирабель, но Рика её прервала:

– Тётушка, не время для игр и скрывания информации. Ты уже проделала подобное, и ни к чему хорошему это не привело. Расскажи мне, что не так с опалами.

Мирабель устало закрыла глаза, но Рика была непреклонна.

– Хорошо. Адептка ордена Голубки может получить почти вечную молодость и красоту, но для этого нужна большая сила. А опалы срывают маску. Если бы ты увидела Карину в опалах, то перед тобой находилась бы древняя старуха, а не молодая красавица. Я не до конца знаю, как эти камни работают. Я не дошла до этого уровня посвящения. Но всем адепткам строго-настрого запрещалось носить опалы. Возможно, есть ещё что-то. Я не могу быть до конца уверенной, но, судя по добытой мною информации из книг, я предполагаю, что тот, кто использует опалы для магии ордена Голубок, искажает как-то волшбу. И получается нечто противное природе магии ордена. Возможность для борьбы, – сурово закончила Мирабель. – И раз твоя первая волшба была выполнена при помощи опала, это сделало тебя врагом ордена. Чтобы разобраться во всём, нужно время, а у нас с тобой оно на исходе. Я из последних сил держу связь.

В это легко было поверить, потому как выглядела Мирабель ужасно.

– Тогда скажи, что же произошло и как я смогла выбраться?

– Я помогла тебе. Видишь ли, гранатовые серьги принадлежали Жанно Гворкович, она была послушницей, удачно вышедшей замуж, а значит, осталась навсегда привязана к ордену Голубки, даже будучи мёртвой. Эта первая старуха из твоего путешествия. Ты не могла этого знать. Брошь с опалом когда-то была моей, я тоже прокалывала ей палец, таким образом мы обменялись родственной кровью. Потому-то я и смогла услышать твоё падение и прийти на помощь. Мне пришлось восстать из мёртвых, как ты могла понять. Это видела только ты. Вторая старуха – страшное и злобное существо. Она из высших членов ордена, советую тебе забыть о ней и не пытаться снова выйти на связь. Она может убить тебя, если захочет. На самом деле, нам просто повезло, что удалось выйти из Тумана. Вторая старуха была не подготовлена. Позже, когда ты вернёшься в столицу, мы подробно всё разберём, а пока достаточно и этого.

Слушай внимательно, Рика, я уже почти без сил. А впрочем, ты можешь мне помочь. Сосредоточься на зеркале, постарайся ощутить его и медленно, очень медленно направь свою мысль в отражение.

Девушка сделала как просила тётушка. Хвостова почувствовала, как на её коже запрыгали маленькие невидимые искорки, она приказала им идти в отражение.

– Рика, не спеши, – предупредила Мирабель. – Теперь лучше. Итак, теперь ты колдунья, ведьма, называй как хочешь, но волшба внутри тебя разбужена. Контролируй её и старайся не пользоваться ей без меня. Никто не знает, что случится в следующую твою попытку. Теперь эта брошь – твоё орудие, не теряй её, храни как зеницу ока! Она твоё спасение, как, впрочем, и погибель. Также сохрани зеркало. Теперь оно твой проводник. При помощи него, только в крайнем случае, ты можешь связываться со мной. Найди описание обряда вызова крови. Но, повторю, лучше ничего не делай без меня!

И, Рика, не пугайся своего отражения. Оно может...

Но тут вдруг отражение Мирабель исчезло, пропал её голос, зеркало вновь выглядело древним и помутневшим.

Когда связь прервалась, хвостова поняла, насколько она вымотана, а ведь Рика всего лишь поддерживала тётушку последние минут 10—15. Как же чувствовала себя Мирабель!

Хвост Рики безвольно висел, и она не могла понять, что же чувствует. Усталость сковывала тело и слепляла глаза. Девушка из последних сил собрала свои вещи и пошла в спальню. Тихонько положив гранатовые серьги на место, Рика спрятала зеркало подальше, в свою походную сумку, а брошь решила держать всегда при себе, поэтому приколотла её к ночной рубашке и упала на кровать, уснув мертвым сном. В остаток этой ночи снов Рика не видела.

Глава 7

Следующее утро практически для всех было тяжёлым. Принцесса Рейна до полуночи не могла уснуть, так была возбуждена предстоящей переправой. Она скучала по морю, и солёный воздух будоражил всё её существо. И вот, наконец, наступил день, которого Рейна так ждала, а она не выпалась и под глазами синяки.

Астер и Никки вчера отдали должное местному вину, которое делал клирик из винограда, выращиваемого прямо за храмом Оленя. Клирик оказался весьма интересным хвостовом, одарённым рассказчиком и, вообще, славным малым. Только вот у него явно был иммунитет к количеству вина, которое он мог употребить. Добрый отец проснулся в прекрасном настроении, в то время как и Астер и Никки чувствовали себя далеко не лучшим образом.

Лестор также не выпался из-за своих тайных ночных занятий, а пробуждение Рики вообще стало продолжением ночного кошмара. Она проснулась раньше рыжих сестёр. Естественным желанием молодой девушки было посмотреть на своё отражение после бессонной ночи.

Хвост Рики судорожно дёрнулся, и она еле сдержала крик. В её волосах появился отчётливый седой клочок, шедший по всей длине, начиная от корней. Он был не просто седым, а белым. В красивых тёмно-каштановых волосах девушки он был отчётливо заметен.

Рика достаточно быстро взяла себя в руки. Белый клочок волос – совсем не страшно, его можно будет закрасить. Как только она окажется в стенах родного замка, так и сделает, а пока Рика соорудила такую причёску, что клочок оказался заплетён в косы. Сверху шляпка – и вот как будто ничего и не произошло. Девушка осталась довольна. Люси и Кэтрин проснулись как раз к тому времени, когда Рика закончила свою причёску. Они несколько удивились, почему она решила не пользоваться сегодня услугами горничной, но, в конце концов, это не их дело.

Вскоре пёстрая кавалькада наездников распрощалась с дружелюбной деревней и последовала к переправе. Часам к двенадцати дня компания добралась до пристани на берегу на месте впадения реки в море.

Перед хвостами открылся захватывающий вид. Река Лосьва была желтоватого цвета, но, встречаясь с морем, речная вода меняла цвет на причудливый бирюзовый. Лосьва не спеша и грациозно вливалась свои потоки в безбрежное море. Хвостовы достаточно потрудились над этим местом, построив пристань. Она была оснащена по последнему слову техники. Врезаясь в воду, стоял пирс, выполненный из чёрного дерева, становящегося в воде твёрже железа. Вокруг стояли пароходы, катера и прогулочные паровые яхты. Морская контора стояла тут же неподалёку и представляла собой большое вытянутое здание. Над центральным входом красовалась вывеска «Бутылка» – таково было название конторы. Казалось, что крыша её сплошь покрыта трубами, маленькими и большими, высокими и низкими. Из некоторых валил разноцветный пар, из других вырывался свист. Передняя часть конторы была стеклянной, можно было видеть, как внутри снуют купцы, чиновники, моряки, молодые и старые капитаны. Жизнь так и кипела здесь.

Рядом с пристанью располагалось оборудование, необходимое для ремонта пароходов. Как раз сейчас из воды вытащили один. Огромные металлические клешни удерживали судно с двух сторон, оператор, управлявший ими, что-то кричал техникам, ждущим приземления парохода. Они кричали ему в ответ, отчаянно жестикулируя. Клешни шипели и выпускали в местах своих сгибов весёлые струи белого пара. Чумазы кочегары, не жалея сил, подбрасывали угли в печь, оператор требовал больше мощности!

Слева от пристани вдаль можно было увидеть высокие корабельные сосны, противоположный берег Лосьвы терялся за горизонтом.

Во всей этой кипучей суматохе тем не менее не забыли о приезде высоких гостей. Их встречали моряки и морские чиновники в парадных мундирах с начищенными золочёными пуговицами. Глава морской конторы, огромный моряк с рыжими волосами, бакенбардами и белёсыми ресницами, громогласно приветствовал принцессу. Рейна улыбалась и дала потрясти свою ручку огромным лапам морского волка.

Прошло ещё около часа, пока все не погрузились на судно и не отправились с пристани в открытое море.

Когда пароход отделился от берега, перед хвостовыми открылся вид на пристань. Стало отчётливо различима громада лесов, обступавших её. Пристань выглядела как кусок земли, отвоёванный у природы. Клацали механизмы, свистели трубы, галдели моряки. Белый пар поддерживал жизнь, и с какой силой!

Лестор, смотревший вместе с другими в сторону берега, подумал, что все механизмы, сверкающие холодным металлическим блеском, похожи на огромных неуклюжих весенних жуков, в детстве он ловил таких. Они смешно переворачивались на спинку и яростно махали лапками. Тогда это казалось ему смешным, а сейчас, вспоминая несчастных жуков, историю вдруг стало не по себе. Детство эгоистично и жестоко, ничего не поделать. И эти механизмы точно так же, как весенние жуки, отчаянно махали лапками из стороны в сторону. В отдалении, когда эти действия видны вместе с суровой мощью леса, в них совсем не видно логики и последовательности. От этих размышлений Лестора оторвала Рика.

– Мы смотрим в разные стороны, – произнесла девушка.

Лестор оторвал свой взгляд от берега и проследил за взором Рики. Она смотрела вперёд, в бирюзовые воды моря.

– Не пройдёт и нескольких часов, как мы сможем увидеть мои родные берега, – с чувством продолжила хвостова. Её глаза были особенно выразительны в этот момент, а хвост дрожал от нетерпения. К ним подошёл Никки и молчаливо уставился в том же направлении, что и Рика.

– Принято, что домой возвращаться приятно, – промолвил Никки. – Вы изучали в Академии историю островов Лося? – обратился он к Лестору.

– Да, – немного помолчав, ответил историк.

Он помнил, что острова долго были независимым государством, основанным смелыми жёсткими мореплавателями. Им не нужна была плодородная земля, им нужно было убежище. Промыслом островитян долгое время было пиратство и путешествия в далёкие страны, откуда полупираты-полуморяки привозили диковинные товары, стоившие баснословных денег. Сами же моряки платили за них зачастую своей кровью и даже жизнями. Нравы, обычаи, а затем и законы островов были под стать своим жителям – суровыми и жёсткими. Со временем моряки обзаводились жёнами, детьми, которые оставались ждать своих мужей, отцов и братьев. Развивалось земледелие. Скупая земля островов не хотела рождать привычные земледельческие культуры Ойокумены, но моряки привезли из далёких земель неприхотливый картофель и некоторые сорта зерновых, способных прижиться в условиях островов. Тогда каждая пядь земли стала по максимуму использоваться землепашцами. Общество, облюбовавшее острова, становилось сложнее, но вместе с тем и сильнее. Государство, основанное морскими разбойниками, обзавелось вождём, клириками, задабривающими морских божеств, дипломатами, поражавшими соседей своей неотёсанностью и свирепостью. Время сглаживало углы, и ближе к современности уже не было дипломатов, на спор выпивавших бочонок эля и подписывающих бумаги крестиком. Пираты стали купцами, порой даже честными, а вождь – королём со своим двором, помощниками, подпевалами, всё как и в любой другой стране.

Но тяга к путешествиям осталась в крови островитян, и они строили большие корабли, способные вынести далёкие походы, моряки заплывали всё дальше и дальше в поисках богатств и чудес. Однажды корабль под названием «Дно русалки» вместе с роскошными тканями и ков-

рами привёз ещё кое-что. В Академии считалось, что это была болезнь, которая быстро распространилась на островах и даже попала на территорию строившейся тогда Империи. Имперцы, обладавшие более развитой наукой и медициной, смогли победить болезнь, а островитяне нет. Они умирали целыми семьями, портами, посёлками и даже городами. Невозможно точно сказать, сколько похоронных лодок уплыло на встречу с морским создателем за то время. Имперцы помогли островитянам сохранить жизнь, взамен забрав у них их независимость.

– Мнение академиков не изменилось о природе эпидемии? – как будто прочитав мысли Лестора, спросил представитель королевского островного рода. – Всё так же твердят, что двести лет назад «Дно русалки» привезло вместе с коврами болезнь, из-за которой вымерло две трети населения островов?

– Никки, перестань. Лестор всего лишь окончил Академию, как и множество других людей, и не должен нести ответственность за каждую абсурдную идею, высказанную учёными, – вмешалась Рика.

– Я хороший историк, Никки, и изучал не только официальную версию. Кстати, историк по островам никогда не настаивал только на одной теории, – произнес в свое оправдание Лестор.

– Да, вы оба правы. Простите за резкие слова. Но каждый раз, когда я приближаюсь к родным землям, я чувствую боль. Когда я был мальчишкой, я выходил в море на парходике, рассчитанном лишь человек на десять, так меня приобщали к братству моряков. Однажды нам пришлось переждать шторм в небольшой бухте. Море бесилось пару дней. Мне было скучно, и я уговорил своего воспитателя, дядьку, пройтись по берегу бухты. В зарослях мы нашли похоронную ладью. Она почти сгнила... Как и тот, или те, кто в ней отправился в последний путь. Так я познакомился с эпидемией. Вы можете себе представить, это произошло двести лет назад, но до сих пор можно найти ладьи! Тот корабль, «Дно русалки», плывал под парусами, а капитаном был старый пьяница-весельчак. Он никогда не плывал дальше Восточных Пределов. До тех берегов плыть не более месяца. Сколько подобных путешествий было совершено до этого рокового? И почему в Восточных Пределах эпидемии не было? Говорите, что хотите, но эта болезнь имела другой характер.

– Магический, – мрачно закончила за брата Рика. – Имперцы не ответственны за дела своих предков, да и навряд ли были в курсе.

Лестор всматривался в бирюзовые воды моря. Он знал, что многие островитяне, да и имперцы тоже, считали, что эпидемию на Лосиные острова наслали маги из Империи. Это была одна из причин, которая повлияла на введение запрета на магию и на борьбу с ней. Императора, при котором острова вошли в Империю, звали Тагтор. Согласно хроникам, он был хитрым, жестоким, холодным и очень расчётливым хвостовом. Его прозвали Бесхвостым, так как казалось, что его разум жил отдельно от хвоста. Долгое время его советником был маг, которого знали под именем Филин. Его высокомерная, вечно недовольная физиономия непременно была рядом с императором в моменты его триумфов, но после присоединения островов внезапно куда-то пропала. Покончив с внешними врагами и создав большую сильную Империю, Тагтор занялся врагами внутренними. Магию признали вне закона, политика государства встала на путь всё громче заявлявшей о себе механики, а Филин без вести пропал. Власти говорили, что он был казнён за преступления перед государством, но никто его казни не видел, и упорные слухи о том, что старый Филин бежал, долго бродили внутри общества. До сих пор никто не решился дать однозначный ответ касательно судьбы мага.

– Эта теория ничем не хуже других, но какая сила нужна была для магического вызывания эпидемии? Если бы маги обладали такими силами, хвостовы могли бы уже перестать существовать как вид, вымерли бы в ходе своего развития, которое сопровождалось и сопровождается, как известно, войнами, распрями, восстаниями, и тому подобное. И если маг Филин был настолько сильным, то как удалось его свергнуть? – произнёс Лестор.

Потомки царственных Териусов молчали, историк тоже. Истории, подобные той, которую обсуждали хвостовы, всегда окутывало множество тайн. Возможно, эту тайну мог бы раскрыть император Тагтор, или его помощник-маг, или даже капитан «Дна русалки», но их давно не было на свете, так что тайна по сей день оставалась тайной.

– Какие мрачные лица, друзья мои! Что это с вами? – Конечно, только Астериус мог отвлечь тех, кому посчастливилось быть его друзьями, от печальных мыслей и вернуть из дебрей истории на выдраенную палубу, нагретую солнцем. – Дух захватывает! Никки, дружище, Рика, сирена с островов, как же вам повезло вырасти рядом с морем! Как только мне в ноздри попадает солёный воздух, мне сразу же хочется уплыть на корабле как можно дальше, увидеть Восточные Пределы своими глазами. Узнать, правда ли, что женщины на Востоке скрывают лицо, обнажая остальное, – Астериус оскалился неприличной улыбкой, и даже Рика не смогла сдержать смехок. – Я всегда думал, что ты, Никки, какой-то не островной. Я знал многих хвостовов, выросших на море, но никто из них не был таким угрюмым высокомерным болваном. Они были людьми либо горячими, либо отчаянными, но всегда бесшабашными.

– Никто из них, видимо, не принадлежал к роду Териусов, – иронично ответил Никки.

– В таком случае, ты должен быть большим безумцем, чем они. Насколько я знаю, вождь пираты выбирали всегда из самых отпетых разбойников.

– С тех пор, дорогой Астер, прошло много времени. Отпетым разбойникам приходилось неуверенной морской походкой сходить на берег и заниматься скучными делами управленцев. Всё реже и реже удавалось им отправиться в дальние моря, наплевав на всех, – ответила за брата Рика. – Хотя были короли, сгинувшие в море. Тендол Альбатрос после рождения сына ушёл в море за славой и богатствами и не вернулся...

– Рекрат Сто Кораблей тоже не вернулся, – вставил свое словечко Лестор.

– У нас на островах про них сложено много песен, печальных и воинственных, но мне больше нравятся куплеты, что поют в тавернах моряки. В них говорится, что короли островов встретили... гхм... прелестниц в дальних странах и не захотели никуда уезжать, – закончил Никки, его хвост мелко ходил из стороны в сторону, а в глазах засветилась неожиданная весёлая хитринка.

Астер засмеялся.

– Ты должен нам спеть про прелестниц! И не думай отнекиваться.

– Когда-нибудь, – с хитрой улыбкой закончил разговор Никки, и как раз вовремя.

Погода менялась. Солнце светило всё так же, но ветер из свежего превратился в сильный. Море заштормило, и пароход раскачивался из стороны в сторону вместе с водами моря. Капитан пригласил всех гостей на обед, и постепенно на палубе остались лишь члены экипажа.

Путешествие по морю продолжалось до вечера, и погода окончательно испортилась. Команда во главе с капитаном спешила причалить, и, при всём уважении к высоким гостям, им было некогда веселить принцессу и её свиту. К тому же, как оказалось, Рейна нехорошо себя чувствовала в штормящем море. Она закрылась в каюте и не желала никого видеть.

На остров Лося пароход добрался с наступлением сумерек. Принцесса самой первой покинула палубу судна, при этом всех остальных, кроме стайки, попросили не попадаться ей на пути. Рейна была бледной, во рту чувствовала кислый привкус и была совсем не в настроении очаровывать налево и направо.

Ещё час пути, и наконец-то все добрались до замка Териусов.

День выдался тяжёлый, потому после приветствий все разошлись по комнатам, там же и поужинав.

Тем не менее Лестор долго не мог заснуть. Он прислушивался к завыванию ветра и шуму ливня, который бил по каменным стенам старинного замка. Помимо его воли, фантазия молодого хвостова рисовала увлекательные картины жизни моряка и путешественника, полной опасностей и чудес. Так не похожи они были на жизнь в тихой пыльной башне библиотеки!

А как бы в этих странствиях мог пригодиться Лестору язык запретных! И вот, он терпит кораблекрушение, его выбрасывает на незнакомый берег. Он из последних сил забирается под скалы, ища укрытия от бури. Следующее утро освещает полуживого путешественника, который осматривает прищуренными глазами берег, куда его выбросило море. Но он не один на этом берегу. Суровые люди в экзотических нарядах окружают путешественника и обращаются к нему на запретном языке. И Лестор мог бы выйти победителем в этой схватке! Ведь он знает язык, отвечает, и его оставляют в живых...

Наконец, сон слепил глаза историка.

Глава 8

Новый день на острове для молодёжи начался весьма рано. Принцесса проснулась в замечательном настроении и приказала разбудить всю свою стайку, пришлось проснуться и тётушкам. Рейна пошла осматривать старинный замок. Тётушки решили, что им необязательно при этом присутствовать, потому остались в пышной гостиной пить кофе. Рика стала гидом, показывая самые интересные места. В конце она привела всех в торжественный тронный зал. Он совсем не походил на зал императора в городе Оленя. Тронный зал бывшего островного государства был холодным и суровым. На стенах висели старинные гобелены из самых разных уголков мира. Там были и чудные восточные полуковры-полугобелены, изображавшие султанов с наложницами, слонов, караваны верблюдов, нагруженных сокровищами. Были там и ковры, выполненные в выдержанной тёмно-синей гамме, из Запретных земель. Разноцветные, все в обжигающих языках ярких красок, гобелены из далёкой Аррикии также украшали мрачные серые стены. Были там и полотна, выполненные руками островитянок. На них вздымались морские волны, несшие корабли пиратов под флагом с жёлтым солнцем на чёрном фоне.

Стены, частично скрытые гобеленами, могли бы пережить столетия, настолько прочными они были. Обтёсанные серые камни, уложенные неровной кладкой, производили сильное впечатление. Рейна, да и остальные присутствующие хвостовы, выросли в современных домах с обоями на стенах и механикоокнами под весёлыми шторками. Замок императора был роскошным, окна его были большими и светлыми. Жители столицы редко где могли увидеть подобные залы, в которых собирались хвостовы, чьи имена давно стёрлись с надгробных камней, а окна больше напоминали бойницы.

– Чудесно, Рика! Как же тебе повезло вырасти в таких стенах, – восхитилась принцесса.

– Меня редко сюда пускали. Этот зал, как говорит мой отец, хранит время мёртвых. Оно должно быть в прошлом.

Этот мрачноватый ответ произвёл ещё большое впечатление на девиц, и они молча, держась поближе друг к другу, пошли внимательнее рассматривать гобелены.

Дворецкий включил электрические лампы в виде факелов, чтобы в тронном зале было больше света. Обычно этого не делалось, протектору не нравилось вмешательство механики в прошлое. Но отца Рики сейчас не было в замке, он обещал вернуться только к четвергу, потому можно было и включить. Дворецкий прослужил всю жизнь протектору Териусу, помнил его детей совсем крохами и испытывал к ним определённые нежные чувства. Прямо сейчас он с недовольной гримасой рассматривал яркие наряды принцессы и её стайки, так не подпадавшие суровой торжественности тронного зала. Зато Рика надела подобающее случаю тёмно-зелёное платье, и он с нежностью посмотрел на дочь своего протектора. Если бы не просьба Рики, ни одна принцесса мира не заставила бы его включить свет в зале!

Тем временем Рика вместе со своими экскурсантами дошла до морского трона. Он был выполнен из чёрного дерева. Все части его были украшены искусной резьбой. Ручки выполнены в виде морских чудовищ с раскрытыми пастьми, ножки в виде гидр. А на спинке вырезан причудливый сюжет, в центре которого располагался корабль.

– Это то самое дерево, что мы видели на пристани? – тихим голосом поинтересовалась одна из рыжих сестёр.

– Да, – ответила Рика, – оно становится твёрже железа в воде. Согласно древним верованиям моих предков, однажды весь мир покроет великий океан. Но и тогда трон будет стоять твёрже скалы. И морской король воссядет на нём.

– Как это всё очаровательно! Если бы я была островитянкой, то ни за что бы не согласилась покинуть мир своих предков. Сбежала бы с кораблём, увидела бы дальние страны... – мечтательно произнесла принцесса. – Рика, а были ли женщины-капитаны?

– О, да. Есть множество легенд и историй про женщин-капитанов. Они и сейчас есть. Вы даже познакомитесь с ними на большом приёме, когда вернётся мой отец. Весной он всегда объезжает острова, знакомится с делами перед большим сезоном. Большим сезоном называют период с мая по октябрь – наиболее благоприятное время для морских путешествий.

– А твой отец сидит на этом троне? – спросила Люси.

– Да. Исключения составляют случаи, когда император посещает острова, тогда он сидит на морском троне, а протектор рядом на этом кресле.

Рядом с тронном действительно стояло кресло, обитое красивой синей тканью.

– Жду не дожусь начала морских увеселений. И надеюсь, море не будет больше так штормить, а то я просто не вынесу этого вновь.

Закончив рассматривать тронный зал, принцесса со своей стайкой ушли завтракать. Завтрак накрыли для всей компании имперцев в современной пристройке замка. Это была изящная веранда, защищавшая от солнца, но пропускавшая свежий морской ветер.

Гости островов были веселы и беспечны. После завтрака они все собрались посетить пляж китов. Это был не совсем пляж, скорее высокий скалистый берег, с которого часто можно было увидеть огромных морских животных.

Рике удалось остаться в замке под благовидным предлогом. Как только гости удалились из зоны видимости, хвостова нырнула в хитросплетения комнат и коридоров своего родового замка. Она быстро нашла то, что искала, – огромную ванную залу. В ней всегда можно было искупаться в бассейне с тёплой водой, попасть в сауну и нырнуть в бассейн с холодной водой. Отослав служанку, Рика пошла к шкафам, где нашла краску для волос. Тщательно заперев двери, хвостова села перед зеркалом и расплела волосы. Белый клочок хищно выскользнул из копны. Девушка, свернув хвост кольцом, взяла краску и стала наносить её на седину. Закончив, Рика осталась сидеть в комнате, невидящим взглядом уставившись в зеркало.

Всё происходило слишком быстро. Ещё прошлой ночью она была далеко от дома и падала в густом липком тумане, которого не существовало на самом деле. Или всё-таки он был? Что было реальным, а что нет? Ещё неделю назад Рика посмеялась бы над любым магом или колдуньей, а сегодня она знала, что магия существует.

Хвостова отцепила маленькую брошку с опалами и принялась рассматривать иголку. Ничем не отличавшийся от других заострённый кусочек металла вызвал у Рики тошноту. Металлический блеск как будто гипнотизировал девушку. С трудом отведя взгляд от него, хвостова быстро приколотла брошку обратно и принялась смывать краску. Теперь не было видно белого клок, но ведь Рика-то знала, что он есть. Почему-то это очень расстроило девушку. Она подавила подступавшие к глазам слёзы, встала со стула и покинула ванную комнату.

В задумчивости Рика шла вдоль родных стен замка. Она чуть не столкнулась с местным главой клириков – братом Тодеусом. Вообще, на островах, как и во всей Империи, была официально провозглашена свобода совести, и каждый молился тем богам, каким хотел. На островах издревле верили в морских создателей – трех братьев из морских глубин: Грана, Коя и Гера. Каждый из них отвечал за определённое время морского сезона, за удачу в бою, в торговле, в путешествии и так далее. Согласно легендам, братья не всегда жили в мире, они периодически ссорились – тогда на море разыгрывались страшные бури; иногда они напивались и засыпали – тогда на море был полный штиль. Морские создатели имели друзей, подруг, жён и детей. Так, жители островов знали с самого детства, что жена второго морского короля была дочерью Грана и обладала неземной красотой и неземной же хитростью. Морские божеества не требовали особого поклонения, лишь требовали уважения и исполнения обязательных обрядов-празднеств, а также любой успешный купец должен был делиться с братьями, отдавая хотя бы символическую часть добычи морю. С ними можно было договориться, пообещав что-нибудь сделать для них взамен на благосклонность. Потому служителей культа морских братьев было немного, ведь они отвечали за проведение обрядов, а не были посредниками между

хвостовами и богами, как многие другие клирики. Земным домом морских божеств были разбросанные на побережье островов небольшие Дома Братьев, где и жили служители их культа.

Но они были не единственными клириками на островах. Были тут и представители главных имперских культов, в том числе Белки и Оленя. Брат Тодеус был главой церкви Святого Рэна, сам он был родом не с островов, а из Империи. Он поприветствовал Рику, девушка ответила и продолжила свой путь по замку.

Ноги сами несли её в библиотеку. Библиотека острова Лося славилась на всю Империю. Благодаря тому, что жители островов неугомонно бороздили водные просторы всего мира, в ней было полно редких книг. Также там были книги-первоиздания, стоявшие баснословных денег. Богатые путешественники могли себе их позволить. Некоторые манускрипты были единственными в мире, и учёные со всей Империи, получив специальное разрешение, приезжали делать копии свитков, написанные руками тех, чьи кости давно истлели в могилах.

Островитяне не очень-то почитали учёность, но гордились своим королём, а у королей, как известно, книг должно быть много. Потому его библиотека ежегодно получала сотни книг в подарок от подданных, которые нет-нет, да и называли протектора морским королём.

Рика вошла в библиотеку. Тихая женщина-библиотекарь лишь немногословно ответила на приветствие дочери протектора и сделала соответствующую пометку в журнале.

Хвостова медленно прошла вдоль рядов с книгами, остановилась и задумалась. С одной стороны, тётушка Мирабель строго-настрого запретила обращаться к магии без её ведома, и Рика содрогнулась, вспомнив, с чем это связано. С другой стороны, если бы Рика была более осведомлённой в этой области, она ни за что бы не попала в ситуацию, когда простейший обряд обернулся кошмаром. Нахмутив брови, хвостова взвешивала все за и против. Решив, что осведомлённость лучше невежества, она зашагала вдоль полок с книгами. Рассматривая названия, Рика решила, что нет смысла шататься в библиотеке без цели. Она могла бы узнать, где находится секция истории магии, но ей было нужно совсем не это. А что же? Очевидно, что, раз Мирабель росла в этих стенах, то и первые знания о магии ордена Голубок получила здесь, значит, необходимые книги были. Тётушка могла их спрятать или изъять, но вряд ли она обладала такой властью, чтобы исчезли все книги, связанные с этой темой. Это королевская библиотека, а она королевой не была. Значит, книги по-прежнему где-то здесь. Мирабель, безусловно, хитра и нашла бы способ обезопасить свои занятия магией, ведь они были незаконны даже для принцесс. Вернее, дочерей лорда-протектора. При этих мыслях по хвосту Рики пробежал холодок. Она нарушала законы Империи. Не дав себе времени хорошенько обдумать мелькнувшую мысль, Рика вернулась к мыслям о тётушке. Итак, скорее всего, девушка и сама бы так сделала, она обустроила себе кабинет, где могла спокойно заниматься чем ей заблагорассудится. Эту мысль стоит проверить!

Рика развернулась и пошла к посту библиотекаря. Немного удивив её, хвостова спросила, где находятся архивы посещений.

– Секция С-49, полка С-49-5, вам потребуется вот этот ключ, чтобы открыть шкаф, – лаконично ответила библиотекарь. Рика поблагодарила и пошла в указанном направлении.

Подойдя к полкам с архивами, девушка, немного подумав, принялась за журналы 1618 года. Сейчас апрель 1671, если Мирабель старше своего брата, то, возможно, в 1618 ей было четырнадцать или чуть меньше. Удачный возраст для начала занятий магией. Рика принялась листать журналы. «Удручающее занятие», – мрачно подумала Рика, в задумчивости уставившись в очередной журнал за 1618 года.

– Никогда не думал, что вы интересуетесь архивами.

Рика вздрогнула и быстро обернулась.

– Ах, это вы, Лестор. Вы меня напугали.

– Не специально, прошу прощения. Позвольте? – спросил историк, указав на свободную табуретку.

– Конечно, – с улыбкой ответила Рика. Лестор мог ей помочь. – Что вы здесь делаете? – несколько резко спросила хвостова.

Лестор засмеялся.

– Я же историк и получил задание от главного императорского историка. Изучаю редкие книги в библиотеке лорда-протектора с самого раннего утра. Решил немного пройтись и отдохнуть.

Лестор был не совсем честен. Он пришёл в восторг от библиотеки в замке острова Лося не только потому, что увидел своими глазами книги, о которых ему рассказывали профессора в Академии, но и потому что здесь было очень тихо, и он мог вдалеке от всех спокойно изучать запретный язык. Задание главного историка было сложным, но Лестор уже знал, как его закончить. И знание запретного языка очень бы помогло ему в этом. В остальном он Рике не соврал.

Девушка же, внимательно взглянув на историка, заговорила тихим голосом:

– Лестор, у меня есть одна проблема. Я ищу информацию, но у меня очень мало данных. Возможно, вы мне сможете помочь? Оставив всё в тайне...

Молодой историк со вчерашнего дня пребывал в очень романтическом настроении, потому таинственное предложение Рики пришлось ему по вкусу.

– Конечно, – кратко ответил он.

Рика, немного подумав, продолжила:

– Одна хвостова 45—50 лет назад читала в этой библиотеке книги. Редкие книги, – уточнила девушка. – Она не хотела, чтобы об этом кто-то узнал. Потому, скорее всего, у неё был кабинет или что-то в этом роде, куда она могла уйти с книгами. Ей не нужно было отмечать взятые книги у библиотекаря, но ведь он должен был делать пометку, что она зашла в библиотеку, верно? Меня ведь отметили на входе, – закончила Рика.

Она посмотрела на Лестора. Несомненно, он понял больше, чем девушка хотела сказать.

– Хвостову звали Мирабель. Она старшая сестра моего отца, значит, как и я, островная принцесса и, в своём роде, хозяйка книг. А хозяин не должен отмечать, что именно он взял, правильно?

Лестор кивнул и ответил:

– Мы можем попробовать решить эту проблему при помощи логаритма. Факты, возможности, домыслы. У нас есть два факта – Мирабель не отмечала взятые книги у библиотекаря, потому что являлась дочерью лорда-протектора, – раз, но библиотекарь отмечал её приход – два. Нужные книги есть или были в библиотеке и у неё мог быть кабинет – две возможности. А вот то, что она не хотела бы, чтобы кто-то узнал о её занятиях, – это домысел. Так всегда с чувствами хвостовов. Наука чтения хвоста не точная. Отмечаем домысел, так как фактов и возможностей больше, они превалируют над домыслом. Сначала попробуем найти доказательства фактам.

– Давайте сосредоточимся на отметках библиотекаря, – поспешно вставила Рика, она совсем не хотела посвящать Лестора в интересующую её тему книг ещё больше.

– Итак, её отмечал библиотекарь, как и вас. Когда зашёл я, меня попросили расписаться.

– Меня нет, – ответила Рика.

– Естественно, вас же знают в лицо, значит, должен быть отдельный журнал для тех, кого знают в лицо.

Лестор довольно улыбнулся, повиливая хвостом, и подошёл к шкафу с архивами. Таких журналов хвостовам не удалось найти.

– Тогда в общем журнале должен быть специальный раздел, – предложил историк.

Рика раскрыла один из журналов за 1618 год (всего их было пять), и они принялись его рассматривать, листая страницы. И либо им повезло, либо примерно зная, что искать, исходя из логаритма, составленного историком, вскоре хвостовы заметили закономерность. Кое-где в общем списке вместо имён была следующая запись: «С. С. Л-П. 77—117». Она выглядела

как пометка библиотекаря, возможно, потому Рика и не обратила на неё внимания. Пролистав до 77 страницы, хвостовы увидели «Список семейства лорда-протектора». Но имени Мирабель здесь не было.

Они разделились и принялись пролистывать каждый по журналу. В журнале за 1615 год Лестор увидел имя Мирабель.

– Смотрите, Рика! – воскликнул историк. – «Мирабель Териус, 12.03.1615 г.»

Хвостовы как зачарованные смотрели на эту запись. Пролистав список до конца, они выяснили, что Мирабель, начиная с 15 марта 1615 года, ежедневно ходила в библиотеку. Но этого было мало.

– Итак, мы доказали факты. Теперь возможности.

Лестор и Рика напряжённо молчали, и хвосты обоих превратились в стрелы. Что же дальше? Как доказывать возможности? «Логаритм хорош для размышлений, но не для действий», – удручённо думал Лестор.

– Знаете, мы можем рассмотреть ещё один факт, – улыбаясь, сказал молодой историк. – Мирабель – дочь лорда-протектора, это факт, но и вы тоже. Если вы попробуете представить себя на месте вашей тёти...

И Рика попыталась представить себя на месте Мирабель. Что бы она сделала? Маленькая гордая девчонка хочет раскрыть секреты, хочет обладать силой. Она не стала бы обращаться за помощью к кому-либо, ей и так во всём всегда потакали, она хочет сделать что-то сама. Но как? Непроизвольно в задумчивости Рика потянулась к брошке с опалами. Ощувив под пальцами холодный камень, девушка на долю секунды вдруг очень ярко вспомнила ужас падения в липком тумане, она ощутила, как окрашенный краской клочок волос наливается тяжестью, как будто липкий туман исходит из нутра каждого волоса. Ей показалось, что вокруг крошечная темнота, и в ней слышится шипение злобной старухи. Рика вскочила, оторвав пальцы от брошки, с бешено колотящимся сердцем, оглянулась вокруг и побежала.

Лестор недоумевающе последовал за хвостовой. Рика резко остановилась. Она вдруг вспомнила, она – маленькая девочка, брат уехал на море, он там будет плавать на красивом корабле, Рике обидно, что её не взяли. Её отец лишь посмеялся, когда дочь зашла к нему в кабинет и робко попросила отправить и её на корабле в море, ей тоже нравится плавать, а ещё Никки говорил, что увидит русалок, девочка тоже хотела бы их увидеть.

– Ты отправишься в плаванье, но позже. Ты пока слишком маленькая, – ласково сказал папа.

Рика не была с этим согласна, не такая уж она и маленькая.

– Действительно, – притворно нахмутив брови, согласился Пал Териус. Она достаточно большая и вполне может начать подготовку к морскому путешествию, в этом ей поможет книга «Тысяча островов». Рика знает, что это сборник сказок. Она довольна ответом, сказки девочка любила, и это просто замечательно, что они сделают из неё морского волка!

И Рика отправилась в библиотеку. У неё, конечно, в комнате есть «Тысяча островов», но девочка знает, что в библиотеке есть такая же книжка, только гораздо старше. Она большая и тяжёлая и в ней много странных картинок. Не все они красивые, некоторые даже страшные. Но разве должен моряк бояться картинок в книжке?

Вот она проходит мимо полок с книгами, рассматривая корешки. Рика такая ловкая, что библиотекарь на входе не заметила её! Она идёт сама, без сопровождения взрослого, и это правильно, ведь сам папа сказал, что Рика не такая уж и маленькая.

Детские шаги почти не слышно, она крадётся тихо, как мышка. Рика уже и забыла, что главная цель – найти книгу «Тысяча островов». Она пробирается в лабиринтах полок с книгами, заходя всё дальше вглубь библиотеки. Поворот, ещё один, а вот здесь она может даже пролезть под полками. Девочка смотрит на подол своего платья, на нём пыль и паутина. Как же весело! Она такая ловкая и совсем не боится испачкаться, как настоящий моряк. Но что

это? Перед девочкой, прямо за книжными полками, появилась дверь. Папа бы сюда не пролез, тут очень узко. Рика подёргала за ручку, но дверь не поддавалась. Внезапно ей стало страшно, а вдруг она застрянет, а вдруг из этой тайной двери кто-нибудь выскочит и схватит её? Девочка разворачивается и убегает от двери подальше.

Хвост Рики летал из стороны в сторону, она невидящим взглядом озиралась. Заметив удивлённого Лестора, хвостова взяла себя в руки, улыбнулась и сказала:

– Спасибо вам, Лестор, вы мне очень помогли. Дальше я справлюсь сама.

Историк хотел бы продолжить разговор, но не желал показаться надоедливым, потому просто молча кивнул, соглашаясь с решением девушки, и пошёл к столу, где остались его книги.

Рика дождалась, когда стихнут звуки шагов Лестора. Потом она, закрыв глаза, глубоко вдохнула и принялась вспоминать свой путь по библиотеке, что привиделся или вспомнился ей несколько минут назад. На удивление, это дело пошло у Рики довольно легко, она поворачивала в нужных местах, порой ей казалось, что она как будто слышит смех маленькой девочки, которая устроила игру в библиотеке, но Рике не было страшно. Хвостова теребила свою опаловую брошку. Краем сознания девушка понимала, что так нельзя, и что если бы не странная связь брошки и неожиданного детского воспоминания, Рике ни за что бы было не добраться к полке, что стояла прямо перед ней. И девушка знала, если она пролезет под неё, то окажется перед запертой дверью. Ребёнком, конечно, пролезть было проще, но и сейчас хвостове удалось это сделать. Рика осмотрелась. Она ни за что бы не нашла эту дверь, если бы не странное стечение обстоятельств в детстве. Дверь была в небольшой нише и со стороны была абсолютно незаметна. Конечно, если б полку сдвинули, дверь бы нашлась, но кому нужно двигать полки, на которых стояли книги садоводческого учёта за 1550—1580 гг.?

Расстояние было совсем небольшое, Рика не смогла бы даже вытянуть руки. Девушка, стараясь не обращать внимания на дрожь в хвосте, взялась за ручку. Конечно же, дверь была заперта. Хвостова осмотрела замочную скважину. К ней явно подходил ключ, сделанный много лет назад. Современные замки были гораздо уже, а тут нужен был большой ключ. Рика снова принялась представлять себя Мирабель. Стала бы она носить при себе ключ? Он большой, его можно потерять или, ещё хуже, его мог кто-нибудь забрать, а заодно заставить Мирабель раскрыть свою тайну. Значит, ключ нужно было прятать. Рика бы спрятала его поближе к двери. Она осмотрелась. Ничего подходящего. Девушка с трудом развернулась и начала осматривать книги. Одна из них справа от неё выглядела так, будто её страницы листали чаще других. Рика достала эту книгу. Внутри лежал большой бронзовый ключ с зелёными пятнами и вырванная явно из тетради, исписанная аккуратным почерком страница. Рика положила страницу в карман платья, развернулась к двери и вставила ключ. Уняв дрожь в пальцах, девушка повернула ключ в замке, но ничего не произошло. Ключ не поворачивался. Рика пыталась снова и снова, вставляя его по-другому, поворачивая в разные стороны и с разной скоростью. Но ничего не помогало.

«Ничего другого не остаётся», – подумала девушка и достала вырванную страницу из кармана. Конечно, она с самого начала знала, что эта страница неслучайно лежала рядом с ключом, догадывалась Рика и о том, кто мог исписать её.

«Неотпирающий ключ. Защита первого уровня для учащихся первого круга» – таков был заголовок. Наверное, это был конспект Мирабель.

«Изготовить неотпирающий ключ – одно из испытаний при прохождении первого круга adeptкой. Двенадцатый день с начала месяца – наилучшее время, время суток неважно. Стандартный набор ордена Голубки раскладывается следующим образом: слева направо – свеча белая (кориандр и шафран), проводник, зеркало, ключ, свеча белая (кориандр и шафран), серебряный нож. Сначала зажигается свеча справа, затем слева. Надрезается средний палец ведущей руки, нож кладётся за правую свечу. Adeptка после того, как кровь начнёт стекать

с пальца, должна начать читать призыв Безымянного. Надрезанный палец приложить к проводнику. В Туман падает только ключ! Для студентов присутствие мастера обязательно!» – Рика прервала чтение, она была уверена, что Мирабель всё проделывала без всякого мастера, но записала как было в учебнике. – «Призыв не прекращать до выхода из Тумана. Когда зеркало закроется, провести своей кровью по ключу и произнести открывающее слово. Затушить сначала левую, затем правую свечи. Обратиться с благодарностью к Голубке и закончить обряд. После этого ключом сможет открыть замок лишь тот, кто знает открывающее слово и пожертвует свою кровь».

Дальше на листке лишь было написано слово «откровение».

Рика невольно улыбнулась, ей нравилась подросток Мирабель, которая выбрала такое громкое слово, она бы сделала так же.

Рика решила пока оставить листок у себя. Она сняла брошку и проколола средний палец, нанеся выступившую кровь на ключ, полушёпотом произнесла открывающее слово и вставила ключ в замок. Как того и следовало ожидать, дверь открылась. Она открывалась вовнутрь, потому хвостова с лёгкостью вошла в потайную комнату Мирабель.

Рика ожидала увидеть сумрачную загадочную обитель колдуньи, полную разнообразных артефактов, таинственно сверкающих стеклянных бутылочек с не менее таинственными жидкостями, старых свитков и тяжёлых книг, обтянутых кожей и подбитых металлом. Её ожидания оправдались лишь наполовину. В комнате и правда царил полумрак, единственное окно круглой формы находилось довольно высоко. На свету, который оно пропускало, искрилась летающая пыль. Около стены стоял довольно большой старинный стол со множеством ящиков и небольшой лампой. Сбоку у стены располагалась полка, заполненная книгами и безделушками. Напротив полки стоял длинный стол, выглядящий как место ученика в кабинете химии. Стены украшали гравюры и картинки, и на них отнюдь не изображались обряды, шабаши ведьм или что-то подобное. Некоторые картинки, вполне возможно, были нарисованы рукой Мирабель и изображали море, корабли, русалок и тому подобное. В целом комната выглядела как рабочее место студента какой-нибудь хорошей школы.

Рика призналась сама себе, что несколько разочарована, но цель достигнута – она может познакомиться с магией, которая под запретом императора и «не существует». Ей внезапно стало весело, она завиляла хвостом и решительно подошла к полке с книгами. Больше Рика не будет беззащитным ягнёнком, которого может сожрать любая старуха из тумана. Она сильнее и умнее, чем думают эти старые ведьмы. В руках хвостова держала книгу Стефании Гар «Молот» 1489 года, и девушка знала из рассказов Лестора об истории магии, которые они вели в течение путешествия-прогулки к островам, что тираж «Молота» в сто семь экземпляров вышел в 1489 году, а через пять лет книги стали изыматься у владельцев и сжигаться. Во всём мире осталось не более десяти экземпляров, но никаких доказательств тому не было. Точно так же можно было сказать, что осталось всего две книги во всём мире. И одна из них в руках у Рики. Эта книга – откровение откровений ордена Голубки. «Молот» раскроет тайны кровавой магии, которая когда-то была частью жизни Ойокумены.

Девушка уселась за стол, включила лампу и, не открывая книгу, рассматривала её обложку. Книга была небольшой, но довольно тяжёлой, обтянута коричневой мятой кожей, а по центру располагался выполненный из металла летящий голубь. Глаза голубя были сделаны из небольших красных камней. «Скорее всего, гранат», – подумала Рика, а загнутый клюв чуть выступал из всей фигуры голубя. Что-то было не так, но Рика знала, как это исправить, – книга откроет секреты тому, кто пожертвует свою кровь. Хвостова помнила, что Мирабель говорила про её брошку – опалы не камень ордена, и Рике почему-то не хотелось, глядя на фигурного голубя с обложки, протыкать палец своим проводником. Тогда хвостова поднесла указательный палец к клюву, загнутый кусочек металла легко скользнул по пальцу девушки, и выступили алые капли, к которым Рика уже начала привыкать. На обложке не осталось и следа крови,

но что-то явно изменилось. Рике было сложно сказать, что конкретно, но изменение было однозначно. Девушка открыла книгу.

Так начиналась книга, которая изменила жизнь множества хвостов.

Хоть Рика и считала себя сообразительной, смелой и в меру хитрой, девушка не совсем отдавала себе отчёт в том, что успело произойти за последние пару часов. Она так сосредоточилась на своём желании постичь тайны ордена Голубки и магии, что совсем не обращала внимания на то, что сама творит магию. Не считала она и нужным вспомнить про кристалл, который дала ей Мирабель. Если бы Рика заглянула в кристалл, лежащий где-то в вещах, она бы увидела мерцающее тёмно-фиолетовое пламя. Творилась магия.

Брат Тодеус, как и любой клирик высшего сана, во время обучения в семинарии проходил курс теории и практики борьбы с магией. Конечно, практики у клириков в век механики и науки было мало, и, скорее, это было данью традиции, чем первой необходимостью. Но недаром Тодеус в свои неполные сорок пять достиг таких высот. Он был главой островной церкви Оленя, а это почти глава церкви государства. Он был скрупулёзен, умен и безжалостен. А ещё обладал замечательной памятью, что было не на руку его врагам.

От своего предшественника Тодеус знал, что Мирабель – сестра нынешнего лорда-протектора островов – не просто так была нежеланной гостьей в своём родном доме. В молодости девушка принесла множество проблем как своему отцу, так и главе островной церкви Святого Рэна. Будь на месте Тодеуса кто-то другой, он, возможно, не отнёсся бы с должной серьёзностью к словам престарелого клирика о магии и проклятом ордене Голубки, но Тодеус всё запомнил и пообещал себе не забывать о наклонностях женской части семейства Териусов. Вот и поведение Рики показалось брату Тодеусу странным и подозрительным. Почему девушка из знаменитой стайки принцессы, куда мечтает попасть любая высокородная хвостова, не развлекается вместе с принцессой? Почему молодая хвостова разгуливает по замку одна и, как докладывают, интересуется историей магии?

Тодеус после встречи с Рикой незаметно дошёл вместе с девушкой до библиотеки. Его подозрения лишь усилились. Решив, что ему не подобает следить за девушками, служитель церкви Оленя пошёл в свой кабинет в церкви, что находилась на территории замка. В кабинете Тодеус достал некий кристалл, который в прежние времена при себе носил каждый клирик. Внутри него билось тёмно-фиолетовое пламя. Будь брат Тодеус трусливым, сейчас настало бы самое время испугаться, но он трусом не был, иначе не добился бы уважения у жителей островов. Он знал, что его не любили, но Тодеуса это мало трогало. Его уважали и боялись – это куда важнее и для самого служителя церкви Оленя, и для грубоватых жителей островов, как считал клирик. И, глядя на тёмное пламя внутри кристалла, Тодеус не боялся, а думал, что же ему стоит предпринять. Конечно, он должен был об этом сообщить в соответствующую службу Империи, если бы она ещё существовала. Пожалуй, лишь Гэриус Серый, советник императора, мог бы подойти серьёзно к вопросу о магии. Но беспокоить его подобным пустяком – всплеском кристалла – было несерьёзно. Мало ли, почему он светится. Ведь учёные разбирали принцип действия кристалла. Было признано, что его цвет изменяется хаотично, кристалл относится к тому же типу минералов, что и металл реелкар, то есть обладает чувствительностью и нестабильностью вещества. Нужны были более конкретные сведения.

Тодеус задумался. Верил ли он по-настоящему в магию? Скорее нет, чем да. По крайней мере, навряд ли магия представляла серьёзную угрозу механическому обществу. А то, что говорят о прежней силе того же ордена Голубки, наполовину объясняется безграмотностью большинства хвостов, живших в прежние эпохи, наполовину совпадениями и впечатлительностью. Но дыма без огня всё же не бывает.

Кристалл затух и снова выглядел лишь красивым фиолетовым камнем. Тодеус решил наблюдать за Рикой. В этом ему наверняка помогут подчинённые, и одного из них следует

сейчас же вызвать. Тодеус потянулся к степофону и, набрав соответствующий номер, принялся ждать ответа.

*Гонимый ветром смирный голубь
Несёт послание тебе.
Для не готовых, словно молот,
Слова пройдутся по судьбе.*

*Лишь с виду смирен он,
Но зрите глубже, зрите сквозь —
Доверчивость вгоняет в сон
И лучшие умы, обращая мысли врозь.*

*И голубь – лишь посланник
Отнюдь не неба, а того,
Кто назовёт себя изгнанник
И привяжет к лапке птицы белое письмо.*

Глава 9

Прогулка на пляж китов восхитила принцессу и всех имперцев, кто впервые оказался на острове Лося. Они увидели китов, и огромные морские животные, как будто приветствуя гостей островов, играли и выпускали в воздух огромные струи воды.

Вернувшись к обеду в замок, имперцы отобедали на уже знакомой им летней веранде, попробовав лучшие блюда из даров моря.

На следующий день жизнь внутри старинного королевского замка заметно оживилась. Во-первых, всех гостей позвали на открытую тренировку по фехтованию. Вообще, в Империи пользовались и огнестрельным оружием, но оно было сложным в обращении. Некоторые виды огнестрельного оружия работали на порохе, но это было опасно, так как порох имел свойство самовозгораться, за ним нужно было постоянное наблюдение. В последние несколько лет Механик Ред работал над особым видом оружия – паровым. Оно стреляло не пулями, а стрелами. Это был маленький арбалет с двигателем, умещавшийся в ладони. Он заряжался от угольных батарей. Множество повседневных предметов, изобретённых Механиком Редом для удобства имперцев, заряжались именно от таких батарей. Но они были тяжёлыми, большими и дорогими. Не каждый мог себе позволить их иметь. Потому были батареи, стоящие в публичных местах, и за небольшую плату всегда можно было зарядить то или иное новшество Реда. С механическим арбалетом дело обстояло куда сложнее, во-первых, необходимо было разрешение на ношение огнестрельного оружия, во-вторых, стандартного заряда двигателя хватало на максимум 15—20 выстрелов, после этого можно было пользоваться оружием как обычным мини-арбалетом, но стреляло оно уже не на большие расстояния. Именно поэтому холодное оружие по-прежнему удерживало пальму первенства в современной механической Империи. И мастерство фехтовальщиков являлось предметом зависти и восторга у мужчин и женщин, соответственно, поэтому открытая тренировка вызвала такое оживление.

Во-вторых, сегодня должен был вернуть лорд-протектор, а значит, завтра состоится большой приём, на который съезжалось множество островитян. Некоторые из них были удостоены покоев в замке и уже сегодня могли предстать перед принцессой Рейной.

Сама принцесса и дамы из её стайки оделись подобающе случаю, в смелые утренние платья, и никакие тётушки вдали от императорского двора не смогли повлиять на самовольную Рейну. Впрочем, они не особо и хотели ввязываться в перепалку, им хватило высокомерного замечания принцессы о жаре, которая вынуждала её одеться в лёгкий шифон.

Когда дамы появились на дворе, тренировка уже шла полным ходом. Фехтовальщики отсалютовали им и вернулись к своим шпагам и противникам.

Конечно же, знакомый нам капитан гвардии Астериус был среди хвостов со шпагами в руках. Он вертелся, как юла, сражаясь сразу с двумя противниками. Его светлые кудри летали туда-сюда вслед за ловким капитаном. Ему удалось поразить обоих противников.

Постепенно фехтовальщиков становилось всё меньше, пока не осталось лишь несколько пар победителей, сражавшихся друг против друга. В их число из приехавших имперцев вошли, конечно же, Астер, Никки и ещё один гвардеец, бывший поклонником Блэйд.

Никки фехтовал как будто лениво, но при этом видна была недюжинная сила в его ударах и кощачья ловкость в движениях.

Также среди победителей было три островитянина-гвардейца, два капитана кораблей, один из них огромный темнокожий хвостов, и гость из Восточных Пределов. Как бы ни был хорош Астер, принцесса то и дело рассматривала незнакомцев. Особенно восточного гостя. Он выглядел не так, как имперцы. У него были чёрные как смоль волосы, такая же борода, в которой то и дело хищно сверкали белоснежные зубы. Голова повязана на морской манер красным шарфом, одет он был по-восточному в шаровары и свободную рубаху, богато рас-

шитую золотом. А на его хвост были нанизаны кольца, украшенные драгоценными камнями. Это выглядело в глазах имперцев неприличным, но привлекательно-дерзким. Естественно, кольца, надетые на хвост, изменяли его движения, и противнику было сложнее задеть восточного гостя тренировочной шпагой. Всех фехтовальщиков, кроме обучения различным видам ударов, пируэтов, движений, обучали наблюдать за хвостом противника. Иногда правильно расшифрованное движение хвоста могло помочь одержать победу.

Фехтование восточного хвостова также было непривычным глазу имперца. Рейна не особо разбиралась в этом благородном искусстве, но всё же могла заметить, что его движения нестандартны, и Никки, который сражался с ним, приходилось нелегко.

Наконец, и эти бои закончились, причём явных победителей всё же не было – вежливость не позволяла гостям взять верх, а хозяевам победить. Хвостовы сорвали бурные аплодисменты дам и приняли из их рук освежающие напитки.

Но, к сожалению принцессы, время для разговоров ещё не настало. На дворе появились мишени, и молодые люди взялись за арбалеты. Среди бойцов появилась и пара женщин. Одна из них просто сразила наповал всю стайку.

– Это Кошка Кэт, капитан парохода «Благородная Фрея», – просветила подруг Рика.

Действительно, внешность этой женщины-капитана заслуживала внимания. Она была мулаткой с короткой стрижкой и заточенными зубами. Её глаза были ярко-зелёными, что делало Кошку Кэт ещё более необычной, а на хвосте красовались кольца.

Наряд женщины отличался небрежностью и оригинальностью: восточные шаровары, но рубашка имперского покроя, сверху которого она носила засаленный кожаный жилет. Кроме выдающейся внешности, хвостова обладала и выдающейся точностью. Она так быстро и так метко кидала ножи в мишень, что навряд ли кто-либо мог её побить. Так и вышло. Раздались аплодисменты, предназначенные капитану Кэт, но некоторые мужчины, повергнутые Кошкой, посмеивались. Рейне это показалось как минимум невежливым, а вот Рика, как и другие островитяне, поняла, что Кэт это так просто не оставит.

Кошка Кэт резко развернулась и подошла к особо самодовольному хвостову. Им оказался огромный капитан корабля.

– Тебе что-то кажется смешным? – в наступившей неловкой тишине слова женщины-капитана раздались особенно громко, хотя голоса она не повышала.

– Не то чтобы я особо любил посмеяться или кто-то из здесь присутствующих хорошо пошутил, – облокотившись на край арены, ответил хвостов, – но меня, Стального Огдана, твои танцы с ножиками заметно повеселили. Так и вижу, как какой-то болван стоит неподвижно, как мишень, и ждёт, когда отправленные тобой зубочистки угодят ему под рёбра.

Огдан и Кэт замерли друг напротив друга, их хвосты превратились в хищные стрелы. Никки, на правах временного хозяина замка, хотел было уже вмешаться, но его остановила небрежно вскинутая рука Кошки Кэт.

– Если не возражаешь, я буду называть тебя не Огдан, а Баклан. Эти птицы так же, как и ты, много кричат и, судя по палубе корабля, встречающего на своём пути этих тварей, полностью состоят из дерьма.

– Мне, в сущности, нет дела до твоих познаний о птицах и дерьме, можешь называть меня как угодно. Если, конечно, заслужишь такое право.

Во время этого диалога оба хвостова уже не стояли друг напротив друга, а начали кружить, передвигаясь по арене. Явно намечалась драка. И судя по взмахам их хвостов, далеко не драка-тренировка, а настоящий мордобой.

– Из уважения к дому морского короля предлагаю драться до первой крови. Тебя устроит ишачий дом? – спросила Кошка Кэт.

«Ишачий дом» было жаргонным названием особого вида тренировки: драки с препятствиями. Почему его прозвали ишачьим домом, было сложно сказать, возможно, потому что такие тренировки иногда проводили в старых сараях, где было полно препятствий.

Как только тренеры и рабочие услышали про ишачий дом, они сразу же стали слаженно вытаскивать на арену различные конструкции, ящики, столы, бочки, создавая подходящий прозвучавшему вызову антураж.

– Только вот кровь из носа не считается, Кошка Кэт. Я останавливаться не буду, когда разобью тебе его, – с улыбкой на лице ответил Огдан.

И без всякого предупреждения или ещё чего-то подобного Кэт тут же прыгнула в сторону противника. В её руке сверкнул нож. Но огромный капитан, несмотря на свои размеры, оказался проворным и быстрым. Он отскочил от ножа Кэт и попытался сбить её с ног сильным ударом по коленям. Женщину-капитана этот выпад не застал врасплох. Она ловко подпрыгнула и умудрилась залезть чуть ли не в полёте на стоявшую рядом бочку. Огдан, как разъярённый бык, снёс бочку, но Кэт в нужный момент опять подпрыгнула вверх и оказалась на спине здоровяка. Не успела она занести нож, как вскрикнула от боли. Огдан вывернул запястье ее руки с ножом и сбросил хвостову со спины. Кэт тут же схватила одну из досок разлетевшейся бочки и со всей силы огрела капитана по голове. Вскочив на ноги, хвостова посмотрела на растекавшуюся из носа кровь на лице темнокожего капитана и довольно произнесла:

– Я останавливаться не собираюсь, если ты, конечно, не попросишь пощады.

Огдан, размазав кровь, сильно ударил кулаком по лицу свою соперницу. Она успела увернуться, и удар прошёл вскользь, не задев нос. Драка продолжилась. Противники запрыгивали на столы и другие препятствия так уверенно, что зрителям было понятно: опыт трактирных драк у них внушительный. Каждый из соперников использовал свои сильные стороны: Огдан силу и ловкость, а Кэт увёртливость и прыгучесть. Один удачный удар – и нос Кэт был разбит. Огдан остановился, скаля зубы. Кошка Кэт же, посмотрев на кровь на своих ладонях, хитро улыбнулась в ответ и рассмеялась.

– А ты хорош, пожалуй, не стоит называть тебя бакланом.

– Ну а я о чём говорил тебе в самом начале. Хотя не стоило и мне смеяться над тобой. Но, с другой стороны, не каждый день меня хорошенько отделяет баба.

Оба хвостова, виляя хвостами, остановились. Напряжённость, которая была видна в каждом их мускуле, пропала, и они протянули друг другу руки. Пожав их, обхватив большие пальцы, – таким было морское международное приветствие, – Кошка Кэт и Стальной Огдан повернулись к зрителям.

Оторопевшие имперцы присоединились к аплодисментам и крикам островитян, которые бурно выражали удовольствие от лицезрения хорошей драки.

Кошка Кэт обратилась к публике:

– Гости из столицы, приветствую вас на земле Морских Братьев. Я капитан-лейтенант свободного морского флота островов Лося, а это мой друг – вольный капитан Огдан Стальной.

– Это значит, что в случае войны Кошку Кэт призовут к службе, в мирное же время она вольный капитан, – шёпотом объяснила Рика принцессе.

– Пока я на земле своих предков, я обучаю островитян бою ножами и стрельбе. И сегодня я предлагаю любому из вас стать моим учеником на ближайшие пару часов.

Кошка Кэт улыбнулась заострёнными зубами. Это выглядело пугающе и интригующе одновременно, и принцесса, не особо дав себя времени подумать, встала и, подобающе торжественному приглашению, ответила:

– Для меня было бы честью поучиться у вас, капитан-лейтенант.

Девушки из стайки неуверенно молчали, некоторые из них и сами хотели бы попробовать себя в роли амазонок, но, конечно, без принцессы никогда бы не высказали это желание

вслух, другие же совсем не хотели бросать ножи в мишени или стрелять из арбалетов – боялись выглядеть глупо.

– Принцесса Рейна, мне повезло, я увидела вас, – с поклоном ответила Кошка Кэт.

Рейна решила не замечать сквозившую в словах капитана иронию и пошла на арену. Астер помог ей перелезть через ограждение, в платье она бы не смогла продемонстрировать своё умение перепрыгивать препятствия, и любой, кто достаточно хорошо знал принцессу, понимал, что она сейчас весьма опечалена этим фактом. За Рейной потянулись некоторые девушки, а затем и гвардейцы, и другие имперцы.

Очень скоро арена заполнилась людьми, препятствия ишачьего дома убрали, вынесли мишени. Гул, шум, смех, суматоха заполнили пространство.

Принцесса повторяла движения за Кошкой Кэт, расставляя ноги в устойчивую позицию и разводя руки. После небольшой тренировки без оружия Рейна получила механический арбалет, прицелилась и выстрелила. В центр мишени она, конечно, не попала, но всё же стрела не пролетела мимо. Рейна радостно захлопала в ладоши, скрутив хвост, и продолжила тренировку.

Вскоре и остальные девушки стайки увлеклись процессом, даже Рика.

Присутствовал во время тренировки и Лестор. Он не сражался, хотя и знал, с какого конца брать в руки шпагу, немного умел стрелять из арбалета, и даже приходилось ему стрелять из пороховых пистолетов. Но это не очень ему нравилось, а на тренировку он пошёл, так как не придумал подходящей отговорки за обедом.

Астер подошёл к другу и растянулся рядом с ним в тени.

– Замечательный день, правда, Лестор? Только посмотри на принцессу, настоящий боец! Сколько же в ней жизни. Иногда мне кажется, что весь огонь, полагавшийся императорским детям, достался одной Рейне.

Но Лестор не особо следил за принцессой. Его интересовала другая девушка. Рика с её тёмными умными глазами, блестящими каштановыми волосами и загадочным выражением лица нравилась ему куда больше. Даже себе Лестор никогда бы не признался, что испытывает к этой хвостове более чем дружеские чувства. Ему всегда казалось, что он не создан для любви. Такие, как Астер, должны вырывать принцесс из лап драконов, доставать их из высоких башен, ну, или тривиально делать комплименты и наслаждаться ответными улыбками. Не Лестор. Так почему же он ловит каждый взгляд Рики и робко отвечает на помахивание руки сейчас?

Рика тоже вышла на арену и только что произвела очень удачный выстрел из парового арбалета. Рядом с девушкой стоял её брат, высокие похожие друг на друга, они выглядели довольными и весёлыми. Почему же тогда Лестору не весело? Он не захотел углублять в свои мысли и начал разговор с Астером.

– Эта поездка и правда весьма интересна, она перенесла нас совсем в другой мир, не похожий на столичный.

– И я намерен полностью соединиться с этим миром. Сегодня идём в трактиры на морском берегу, ответ «нет» не принимается. Тебе, как учёному, должно быть интересно понаблюдать, а если хочешь, потом и проанализировать, за жизнью островитян, – произнес Астер.

Лестор был согласен.

Тренировка подходила к концу. Запыхавшиеся, усталые хвостовы покидали арену. У девушек платья покрылись пылью, растрепались причёски, но все были довольны. День проходил замечательно, а ведь он ещё не закончился.

Рика немного отстала от остальных, задержавшись на арене. Одна из ее стен была обращена к морю, оно виднелось, теряясь вдали. Замок находился на возвышенности, потому с его территории открывался прекрасный вид.

Девушка поднялась на стену, облокотилась на камни и уставилась невидящим взглядом в морскую даль.

– Родившийся у моря всегда будет по нему скучать, – произнёс голос с акцентом.

Рика обернулась и увидела гостя из Восточных Пределов, того самого, что сражался с Никки на шпагах.

– Позвольте представиться – Луис Тэгваре, зарриканский купец, гость вашего отца, – поклонился обладатель выговора с акцентом.

Его голос показался Рике смутно знакомым, впрочем, она выросла на островах и часто слышала разнообразные акценты гостей из дальних стран.

– Рика Териус, впрочем, вы, наверное, это и так знаете, – девушка вежливо улыбнулась.

– Боюсь, я вам помешал. Сначала я наблюдал за красивой девушкой, а потом заметил, что она наблюдает за красивой панорамой. И я не смог удержаться.

В комплименте нового знакомого Рика услышала что-то граничащее с неприличием. Например, друг её брата, Астер, часто говорил нечто подобное. Но почему-то слова Астера её не задевали, а слова зарриканского купца были ей неприятны. Возможно, потому что хвост Астера всегда указывал на незлобивость и чистоту помыслов, а вот хвост Луиса Тэгваре, унизанный кольцами, не давал прочесть настроение владельца.

Рика молчала, тогда купец продолжил сам:

– Представляете, я вдали от дома уже почти полгода. У меня были дела в Империи, я надеялся успеть до конца января всё уладить и воспользоваться временем затишья в феврале. Но мне не повезло. Море как будто сошло с ума. И я не смог уплыть. Добрался лишь до устья Лосьвы.

– Зимний сезон очень ненадёжный. Все, родившиеся у моря, это знают, – несколько холодно поддержала беседу Рика.

– Да, конечно, но я ещё мальчишкой уплыл в море на старой калоше, которая затонула недалеко от морских берегов Запретных земель. И я выжил, один из всей команды. С тех пор мне дьявольски везло. Гордыня ударила в голову, и я стал считать себя самым удачливым моряком со времён... скажем, Териуса.

Рика, недовольная заминкой, удивленно взглянула на Луиса.

– Простите, не хотел быть невежливым. Просто в тех местах, где я родился, самым удачливым моряком принято считать капитана Ндаро. И как раз-таки потому, что я не хотел выглядеть невежливым, я назвал имя вашего земляка и родственника.

– Луис Тэгваре, а вы были когда-нибудь ребёнком? – хитро спросила Рика.

Зарриканский купец как будто растерялся, девушка была довольна, что ей удалось хоть чуть-чуть сбить с него спесь.

– Капитан Ник-Нам-Ндаро – главный герой сказок «Тысяча островов», все знают его с самого детства.

Купец рассмеялся, сверкнув белоснежными зубами, ярко выделявшимися в чёрной бороде.

– Значит, так в Империи называют легендарного путешественника? В наших сказках его зовут просто Странник. А «ндаро» – это перевод слова на запретный, но ведь в ваших краях мало кто говорит на этом языке.

Самодовольство зарриканского купца задевало Рику, ей было неприятно, что он как будто взял верх над хвостовой. Впрочем, совершенно по делу, мало кто из имперцев знал хотя бы пару слов на запретном.

– Острова прекрасны, и не только из-за видов, – продолжил купец, лениво облокотившись рядом с Рикой, – в основном из-за хвостов. Они такие чистые, неприкрытые. Если им хочется петь – они поют, если хотят драться – дерутся. Если им грустно – они напиваются. Такие хвостовы по мне. Даже не надо быть знатоком языка хвоста, чтобы читать помыслы островитян. И Империя неплохое место. Все эти механические приспособления, жужжание лич-

носкопов, дирижаблей, сила пара. Так быстро и энергично, хвостовам некогда остановиться и обмануть глупого купца из далёких стран.

Рика неожиданно для себя засмеялась. Она повернулась лицом к новому знакомцу и произнесла:

– Вы, конечно, Луис очень поэтичны, но я ни за что не поверю, что считаете себя глупцом.

– О, нет. Не считаю, но, если окружающие считают меня глупым, я буду не против. Это даёт мне преимущество, не так ли? – он, как показалось Рике, нахально улыбнулся.

Хвост девушки задёргался, разворачиваясь вправо.

– Вы так себя ведёте лишь потому, что вас сложно кому-нибудь из имперцев понять, ведь... – девушка замялась, и Луис этим воспользовался, не дав ей закончить:

– ... ведь у меня кольца на хвосте.

Рика замерла, осознав, какую грубость она чуть было не произнесла.

– Я слишком хорошо знаком с обычаями имперцев, ведь вы все же больше имперка, чем островитянка, я бы ни за что не позволил вам закончить эту оскорбительную фразу. Впрочем, она оскорбительна лишь в этих землях. На моей родине кольца на хвосте – это право каждого хвостова. И потому с самого детства моих земляков учат быть внимательнее, наблюдать за малейшими изменениями. Я помню, как-то раз целый день без еды и воды стоял и наблюдал за бассейном с золотыми рыбками. И я ещё ни разу не пожалел об этом дне. Кстати, разве на островах до того, как они стали частью Империи, не принято было не подавлять эмоции и замалчивать слова?

– Я знаю обычаи своей земли. И моря, – произнесла Рика. – Если вы хотели развлечься светской болтовнёй, у вас не очень хорошо получилось. Я не понимаю вас и ваших намерений, потому разрешите, – девушка сделала неопределённый жест рукой, прося дороги.

Луис с готовностью произнёс:

– Конечно. Позвольте проводить вас до замка? – Он улыбнулся своей дьявольской улыбкой и, не дожидаясь ответа, развернулся и пошёл в другом направлении. Повернувшись к Рике, он на ходу сказал:

– Впрочем, навряд ли вы согласитесь, не буду заставлять вас быть грубой. До встречи, Рика Териус! – Он тут же повернулся спиной к девушке, и, насвистывая, стал удаляться.

Рика с недовольством посмотрела на спину удалявшегося заррикканского купца. Свободная рубаша, расшитый золотом причудливый узор не могли скрыть силу этого хвостова. Рика смотрела ему в спину и понимала, что каким бы непринуждённым он ни выглядел, в любой момент эта непринуждённость сменится боевой стойкой, и он будет готов к любому удару. Ей это не нравилось. Но одновременно и очаровывало. Рика решительно отвернулась и направилась к замку. Она не глупая девчонка наподобие рыжих сестёр и не станет очаровываться нагледцами, как будто сошедшими со страниц романов. И если бы они правда были героями романа, Рика дала бы ему понять, что с ней шутки плохи. Ведь хвостове подвластны силы, запрещённые в Империи. И даже, как утверждали официальные власти, не существующие. Эта мысль взбодрила Рiku, и она, довольно повиливая хвостом, начала думать, что бы надеть на ужин.

В замке тем временем царила весёлая суматоха. Конечно, если идти парадными лестницами, можно было встретить разве что снующих камердинеров и камеристок и гостей, ищущих путь к своим покоям. Но Рика, выросшая в стенах серого замка, знала пути покороче. А там сновали туда-сюда слуги, горничные и куча хвостовов, занимавшихся приготовлениями к Большому ужину.

– Госпожа Рика, я как раз вас искал! – дворецкий взял под руку дочь своего патрона. – Ваш отец прибыл час назад, пока все были на арене. Ваш брат уже у него. Пал Териус очень желал вас видеть.

Рика тепло улыбнулась старому Корту, она помнила его флегматичное лицо и большие руки с самого детства. Он всегда в свободные минуты играл с девочкой в незамысловатые

игры: прятки, гляделки, чинил сломавшие игрушки. Пожалуй, Рика была его любимицей. Вот и сейчас он с большой теплотой в слегка раскосых глазах смотрел на девушку. Она пошла вместе с ним по хитросплетениям коридоров и лестниц и совсем скоро оказалась перед дверями кабинета лорда-протектора.

Почему-то Рика на мгновение замерла перед дубовой дверью кабинета и почувствовала, как её хвост прижимается к телу, как будто она ребёнок и её ждёт наказание за шалости. Но минутное наваждение прошло, и хвостова зашла в кабинет вслед за дворецким.

Отец сидел за столом, сложив перед собой руки. Никки лениво сидел на ручке кушетки и что-то ему рассказывал.

– А вот и наша младшая! – с улыбкой произнёс Пал Териус. Он был крепким хвостом с бородой, в которой серебрилась седина, крупным носом и живыми глазами. Он всегда выглядел в строгих нарядах несколько нескладно, ему больше подошла бы свободная одежда моряков, но Пал Териус был старшим сыном, потому не смог уплыть за горизонт, как того хотело его сердце, а занял место своего отца за тяжёлым столом лорда-протектора.

Было с первого взгляда понятно, что фигуры его дети унаследовали от матери. Она была изящной, лёгкой и красивой. Но, к сожалению, не обладала при этом здоровьем. Все на островах знали, что их лорд-протектор безмерно любил свою жену, и её кончина стала для него большим ударом. Больше он так и не женился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.